

ДЕРЖАЛЪЧУКЪ ВЛАДИМИРЪ

ПРЕДАЙ НИХ ВСЕХ

2016

Молодой рыцарь Кархад Вэйл, барон Карлайл, возвращается с войны, но дома, в самом сердце своей родины, обнаруживает нового врага, против которого бессильна честная сталь. Теперь он вынужден вступить в борьбу за все, что ему дорого, сражаясь по чужим правилам чужим оружием, ведь легендарный дроу-убийца, поступивший на службу королю, предпочитает благородному поединку коварные интриги и смертоносные яды, а его мотивы неизвестны. А тем временем над миром Сангарии нависает новая, доселе невиданная угроза, пришедшая извне. (фэнтези, демоны, дроу и т. д.)

Пекальчук Владимир

Предай их всех

*Я вне закона, что ж такого, я везде и нигде,
Я словно тени на дорогах, я — круги на воде.
И мой девиз предельно ясен скоро станет тебе:
«Предай их всех, останься верен себе!»*

Канцлер Ги

Сопrotивление было подавлено в самом начале, когда карательный отряд ринулся на деревню с четырех сторон. Люди не успели и глазом моргнуть, как эльфы уже были везде. Они входили в дом за домом, безмолвные, скорбные, смертоносные, вырезали обитателей, выволакивали на улицы детей, слишком малых, чтобы быть убитыми. Со всех сторон в ночное небо поднималось зарево пожара.

На это ушло совсем немного времени, лишь четверть часа спустя была вырезана почти вся деревня. Защищаться толком было некому, разведка сообщала, что население — тысячи две людишек, но в бою стало очевидно, что теперь здесь куда меньше народу. Во многих дворах стояли уже груженные телеги, некоторые люди были застигнуты в момент погрузки. Глупцы: когда эльфы приходят мстить, спастись могут лишь те, которые сбежали сразу, бросив и дома, и скот, и добро. А всех остальных ждет смерть.

Небольшая группа людей все же ожидала нападения, были среди них и бывшие солдаты, потому как их действия сразу выдавали определенные навыки командной работы. Возможно, местный отряд самообороны от человеческих же бандитов и разбойников, однако так и останется загадкой, на что они надеялись, зная, что ночью заявится карательный отряд Старшего народа. Теперь спросить уже не у кого: все мертвы, как и их семьи. Возмездие неотвратимо.

Заминка возникла только с одним домом. Торубаэль подошел к группе своих воинов, окруживших последний очаг сопротивления.

— Сколько внутри?

— Не меньше шести вооруженных мужчин. Остальных не считали. Двери и окна закрыты ставнями изнутри, и выбить не получается, видимо, там есть хитрые запоры на случай осады.

Торубаэль осмотрел дом. Двухэтажный, добротный, каменный, сжечь не получится. Внутри, видимо, большая семья, стоит ожидать от них слаженных действий, кроме того, они вполне могли пустить к себе кого-то еще, кто поможет обороняться. Окна второго этажа тоже закрыты наглухо.

План строителей стал более или менее понятен: когда в какой-нибудь деревне убивают эльфа, первые же беженцы бросаются прочь, стараясь спасти свои жизни, и весть молниеносно доносится до соседних поселений. Если карательный отряд прибудет не очень быстро, а людские вельможи не станут мешкать с отправкой помощи, есть шанс продержаться до прибытия своих.

Торубаэль грустно улыбнулся своим мыслям. Сразу видно, дом строили точно лет пятьдесят назад, и его жильцы за пару поколений так и не сумели понять, что обстоятельства изменились. Людские короли, графья да бароны уже хорошо знают, что попытка защищать провинившуюся деревню от кровавого, но справедливого возмездия — значит начать полномасштабную войну с Эйтэлл Тайон. Проще отдать эльфам на расправу одно поселение и сделать вид, что ничего не произошло. Как это по-человечески, и они еще оскорбляются, что слово «младший народ» в устах эльфа звучит как оскорбление, в то время как оно и есть оскорбительное, причем не по интонациям, а по смыслу.

Торубаэль указал своим воинам вверх и сделал знак посадить. Окна наглухо забаррикадированы, но закрыто ли оконце на крыше? Он, стоя на плечах товарищей,

дотянулся до небольшого балкончика на втором этаже, с него взобрался на крышу. Так и есть, оконце не снабжено ставнями, и в него вполне может пробраться экипированный воин. Торубаэль выглянул вниз и сделал знак подниматься следом. Когда на крыше у оконца собралось восемь бойцов, он показал оставшимся на земле короткий знак: «пошумите».

Как только раздались удары в дверь, Торубаэль разбил кулаком оконце, нащупал засовчик и отодвинул его, затем первым проскользнул в образовавшийся проем, стараясь не бряцать доспехами. За ним внутрь пробрались остальные.

На чердаке — темно, сухо, душно, полно всякой утвари и корзин с сушеными фруктами. Типичный чердак типичного людского дома, а Торубаэль на своем веку повидал их немало. Снизу доносятся сдавленные голоса людей: собрались у двери, штурма ждут. Но смерть, если приносят ее эльфы, зачастую появляется не с той стороны, откуда ожидается.

Маленький отряд ринулся вниз, на первый этаж. Первого встреченного человека Торубаэль сразил наповал сорвавшейся с кончиков его пальцев молнией, затем в ход пошли клинки. Люди — а было их всего девять мужчин, вооруженных кое-как и без доспехов — умерли так быстро, что выругаться успел лишь один. Затем дверь открыли, впустив остальных бойцов. Обыскали дом, нашли подвал и спустились туда. Прячущиеся там женщины и старики оказать сопротивления просто не могли.

Детей было мало, все сплошь маленькие, только один мальчик, лет одиннадцати, размахивал перед собой палкой и даже умудрился попасть Торубаэлю по нащечной пластине.

— Сволочь! — кричал он, — проклятый эльф! Ты убил мою маму! Я убью тебя за это! Вырасту, найду и убью!!

Торубаэль отнял у него палку, присел перед ним на корточки и снял с головы шлем, позволяя ребенку хорошо рассмотреть его лицо.

— Нет, малыш, — печально сказал он, — меня не нужно искать. Когда вырастешь — просто убей эльфа. И тогда я сам приду к тебе. Или даже если эльфа убьет кто-то из твоих односельчан — я приду и убью всю твою семью. И когда твой сын скажет мне то, что сейчас сказал мне ты — я отвечу ему то же самое, что говорю тебе. И это будет уже кто знает какое по счету повторение одного и того же разговора... только с разными мальчиками. Просто запомни: захочешь встречи со мной — убей эльфа. И я не заставлю тебя ждать долго.

Карательный отряд запер собранных по всей деревне детей в стоящем на отшибе хлеву, остальное поселение предал огню — и растворился в ночи.

* * *

Дверь со скрипом отворилась, и узник, сидящий в кресле под виселицей, застонал с удвоенным отчаянием: снова.

Он уже не помнил, сколько времени провел в пыточной камере, может быть, неделю, а может, всего три дня: палач знал свое дело. Намерение твердо держаться и не признавать никаких обвинений испарилось в считанные часы, на смену ему пришло понимание, что лучше оклеветать себя и пойти на плаху, чем терпеть такие муки. Однако палач не унимался, и граф послушно оклеветал практически всех достойных людей, которых знал, причем по несколько раз: страдания были сильнее, чем он мог бы вынести. Сильнее, чем мог бы себе представить. Все его истерзанное пытками тело — сплошной сгусток боли. Вчера палач

оставил его сидеть под виселицей с петлей, которая наполовину стянула горло. Граф с радостью задушился бы сам, но к креслу его прикрутили так, что даже не шевельнуться, вот он и сидит, вдыхая вонь собственных фекалий и мочи.

Безжалостный истязатель приблизился:

— Здравствуй, граф. Хорошо ли спалось?

В ответ — хрип пересохшей, полузадушенной глотки. Палач чуть ослабил веревку, достал флягу с водой, влил своей жертве в рот.

— Так лучше?

Граф с ненавистью смотрел в прорези колпака, в глаза заплечных дел мастера.

— Что еще тебе нужно, палач? Я оклеветал себя, я оклеветал множество достойнейших людей! Отличная работа, браво! Королю все мало? Кого еще я должен оклеветать, чтобы это закончилось?!

Палач пододвинул себе стул и сел напротив.

— Никого. Я с тобой уже почти закончил.

— Слава Арианту, или тому демону, которому ты поклоняешься, ублюдок... Окажи милость. Когда меня не станет — передай королю мои последние слова...

— Какие?

— Пусть остерегается нового покушения... Сколько бы невиновных он ни запытал до смерти — настоящие заговорщики никуда от этого не денутся!

— Хе-хе... Король не знает, что ты оклеветал других. Я сказал ему, что ты упорно не желаешь выдавать своих сообщников. Вижу в твоих глазах непонимание, граф... Мне просто очень нравится тебя мучить.

— Большой садист, ублюдок! — прохрипел узник.

Палач покачал головой:

— Ничуть. Я ждал нашей встречи тридцать лет, граф, тридцать долгих лет. Впрочем, радуйся: я наслаждался твоими страданиями сполна.

— Да что же я тебе сделал, сукин ты сын?!

— Ну да, граф, ну да, я знал, что ты меня не вспомнишь. Куда уж тебе.

В молодости графу случалось путешествовать, кутить и куролесить, но он не помнил за собой ничего дурного. За всю жизнь, куда бы она его ни носила, его даже на дуэль никто никогда не вызвал, не говоря уже о том, чтобы помнить зло тридцать лет.

— Кто ты?!

Палач вздохнул.

— Давай поиграем в угадайку. Если ты меня вспомнишь — я передам твои слова королю. И даже оправдаю тебя перед ним. Видишь ли, граф, мы с тобой двое точно знаем, что ты невиновен. Ведь подставил тебя не кто иной, как я.

— Ты?!!

— Угу. Это было просто. Скопировал твой голос и манеру речи, скопировал твой перстень с редчайшим ониксом, твой ястребиный нос слепил из глины... В темноте нанятые мною убийцы запомнили все эти черты. Потом я оказался подле короля в момент покушения, именно я его спас. Это я сделал так, чтобы двое убийц остались в живых. Они-то и выдали тебя, назвав все мои — а точнее, твои приметы. И вот мы оба здесь, тридцать лет спустя после первой встречи. Так что за короля не волнуйся: целью заговора изначально был ты, а не он.

— Кто же ты, демон?!!

— Никак не вспомнишь? Ладно, я расскажу тебе одну историю. Однажды, тридцать лет назад, в одной неблизкой стране, по дороге из одного города в другой шли двое бездомных, отверженных бродяг. Отец и его подросток-сын. Они ходили по свету, куда глаза глядят, и просто искали работу, но никто не желал иметь с ними дела, если только очень сильно не донимали хищники или разбойники. В общем, несладко им жилось, хоть они двое лично ничем не заслужили такого. И вот идут они себе, идут, а навстречу им — ты со своей свитой. И когда ты увидел их, то закричал слугам: «глядите, да это же дроу! Давите их конями!!». Теперь вспомнил?

— Ты?..

Палач стащил с головы колпак, его белые волосы рассыпались по плечам, обрамляя длинное изящное лицо темного эльфа.

— Да, граф, я.

— Проклятое чудовище!

Дроу невесело кивнул и наклонился ближе:

— Да, чудовище. С одним уточнением: я твое чудовище. Ты сделал меня таким, каким я стал. Не ты один, конечно, подобных тебе было множество. Вы, люди, сделали меня кровожадным убийцей. Что бы ты ни воображал себе о дроу — я покинул Подземье, когда мой возраст соответствовал четырнадцатилетнему подростку, по вашим меркам. Я никогда до этого не видел людей, я никогда не делал вам зла. Я не умел вас ненавидеть по-настоящему — меня научили вы. Мы с отцом пытались жить по вашим законам — вы травили нас собаками. Мы пытались быть полезными — а вы бросали в нас камни. Вот и ты туда же. Давить нас конями? За что? Мы и в мыслях не имели ничего дурного — просто искали работу, хочешь верь, хочешь нет. Я еще тогда хотел мстить вам за все, но мой отец был против. Теперь отца нет — в этом я усматриваю именно людскую вину — и мои руки развязаны.

— Почему я?! — в отчаянии простонал граф. — Почему я?! Ведь вы же ушли от меня шутя, убив двоих слуг... И только из-за этого ты ждал тридцать лет?!!

Дроу негромко засмеялся:

— Так и есть. Впрочем, я не сидел сложа руки. Помнишь год, который в Далмаде так и назвали — «год пожаров»? Это я. И великий пожар в Ламедии, унесший тысячи жизней — это тоже я. И многие другие, граф, многие другие. И знаешь, что самое странное? Что ни в поселках, которые я сжег, ни в Ламедии, ни в других местах, где я оставил свой кровавый след, никто не связал ужасную трагедию, там произошедшую, с двумя обездоленными дроу, которых всего лишь несколько лет до этого травили собаками и забрасывали камнями. Никому даже в голову не пришло, что тридцать с чем-то сгоревших деревень — это месть смертного, а не божья кара или стечение обстоятельств.

Граф слушал все это молча, понимая, что бесполезно просить прощения и пощады, пытаться откупиться. Он всегда знал, что дроу — ужасны и жестоки, и вот теперь сам стал жертвой одного из них. Ведь стоило тогда просто молча проехать мимо... А теперь дроу — при дворе короля, и можно только догадываться, какая беда нависла над всеми, ведь грядущую трагедию граф уже не увидит.

— В общем, прощай, граф. Уж не обессудь — плаха для тебя слишком легкая смерть, я веревку немного накручу, чтобы ты задохнулся медленно и в муках, а король подумает, что из-за моего недосмотра ты умудрился задушиться, дабы не выдать других заговорщиков. Но знай, что я, хоть и дроу, всегда держу слово, вопреки всему, что о нас рассказывают. Так и

быть, будем считать, что это ты меня все-таки вспомнил, а не я подсказал. Как и обещал, я обязательно расскажу королю, что ты был невиновен... перед ним. Но, конечно же, не сразу, хе-хе, а когда придет время.

И он принялся крутить ручку, натягивающую веревку на горле графа.

* * *

Сэр Ладай Борц, старший храмовник, имел все причины гордиться собой. Поднялся из самых низов, пробился в орден храмовников Велькиона, дослужился до сержанта, слегка разбогател: бедных храмовников свет еще не видывал, хвала Велькиону и великому магистру, ну и королю тоже. Потом был произведен в рыцарский ранг, женился на купеческой дочке — мало того, что с приданым, так еще и собой ничего, хоть и глуповата слегка. Затем — старший храмовник, и это в неполных сорок. Как тут не гордиться?

Само собой, что такую карьеру Ладай сделал не на ровном месте и не за красивые глаза. Он всегда и у всех был на хорошем счету, и у магистрата, и у товарищей, и у непосредственных командиров. Честный, прямолинейный — ложь есть зло, учит Велькион — покладистый, надежный, репутация безупречна, недостатков нет. За всю службу — почти двадцать лет — Ладай даже ни разу не выпил до нетрезвого состояния, всегда и в любой момент готов обнажить меч во славу Велькиона, даже находясь на отдыхе. Не то чтобы он не любил вино — напротив, еще как любил, особенно хорошее, потому что в юности оно было ему не по карману. Вот только сумев чудом и помощью Велькиона пробиться в орден младшим послушником, Ладай понял: дисциплина тут просто железная. Репутация и послужной список — все, без этого любой храмовник — просто кусок дерьма в глазах остальных. Так что с мечтой пить хорошего вина вволю пришлось распрощаться, и Ладай пожертвовал ею легко: слишком много стоит статус храмовника, слишком легко этот статус потерять.

А еще он оказался весьма хорош в своем деле. Пойманных чернокнижников на его счету — целых семь. И вот прямо сейчас Ладай месит сапогами грязь и злобно косится сквозь прутья клетки на восьмого, которого везет вначале в небольшую твердыню ордена, а потом и в столичную Цитадель. И можно быть уверенным: во-первых, аудиенция у короля, во-вторых, ранг брата-стража — уже в кармане. Потому как пойманный урод — не кто иной, как ученик самого Норлаша.

Выследить скрывающегося колдуна было делом непростым, но Ладай Борц все же преуспел. Услышал слухи, проанализировал, испросил взвод послушников и денег на экспедицию — и вот в самой глуши Зоданги, на побережье Срединного моря, им найден и успешно изловлен гнусный чернокнижник. Без потерь не обошлось: один из солдат отделался отсохшей рукой, и еще неизвестно, смогут ли маги-лекари ему помочь, Норлаш ведь кого попало в ученики не брал. Позже раненого отправят в столицу, а пока он отлеживается в трактире той деревушки, у которой чернокнижник обитал. Ну а сам Ладай, изредка вполголоса ругаясь, пешком бредет следом за везущей клетку телегой.

Ублюдок даже в рунных кандалах и рунном ошейнике, не позволяющих колдовать, и с защитным ртом умудрился распугать вокруг всех лошадей, да и людей тоже, мысленно читая заклинание ужаса, но Борца и его солдат, надежно защищенных амулетами, освященными доспехами и собственными усердными молитвами, этим не пронять. Одна беда — идти

приходится пешком, потому что единственными тягловыми животными, на которых черная магия не подействовала, оказались ослы. Тащить телегу — еще ладно, но чтобы храмовник — и на ишаке?! Лучше до самой столицы пешком, чем такой позор.

Ладай бросил очередной взгляд на оборванного, тощего человека в грязной робе, и тот ответил своему пленителю взглядом, полным жгучей ненависти.

— Гляди-гляди, чернодушный, — пробурчал храмовник, — скоро посадят тебя в Цитадель, к твоему учителю Норлашу, на веки вечные, разве что в войну выпустят на солнышко поглядеть, да и то на цепи, как пса. Вот и скажи, стоило с демонами якшаться, чтобы вот так закончить? Власти хотел? Могуущества? Богатства? Да еще кровью невинных за это платить? Получишь, что заслужил, проклятый. Всех вас такая судьба ждет, если не хуже.

В этот момент сидящий на козлах храмовник негромко сказал:

— Глядите, брат-командир, кто это там впереди?! Орки... в доспехах?!

В надвигающихся сумерках Ладай разглядел впереди три массивные фигуры, мерно шагающие навстречу. Судя по росту и ширине плеч — орки, ни эльфов, ни тем паче людей такой комплекции отродясь не видывали. Гигант подобного роста просто не может быть кем-то, кроме орка, но... брат-воин прав, орки в доспехах?!

Ладай, как и любой военный человек, особенно из Зоданги, часто воюющей с орками, прекрасно знал, на что горазды дети степей и как они воюют. Орк в бою сродни свирепому песчаному шторму: уповает на подвижность, скорость, молниеносные атаки и тяжелое, непосильное для не-орка оружие весом в пуд и поболее. Всякий орк — воплощение ярости и натиска, но доспехи... Не носят они металлическую броню, людей презрительно именуют жестянками и смеются над врагом в доспехах. Основание для смеха тут есть, потому как никакие латы от удара топора весом в пуд-два не спасают, либо уклонился либо умер. Однако главный вопрос остается открытым: с какой стати орку напяливать доспех?!

Троица приближалась, и Ладай непроизвольно потянулся к мечу. Конечно, их всего двенадцать человек, и против троих орков шансов ни малейших, но, во-первых, до ближайшей орочьей границы три дня верхом и шесть загнанных лошадей. Во-вторых, с орками войны вроде бы не намечалось. В-третьих, бывалый храмовник нутром понял: это не они. Не орки. Что-то тут не то.

— Готовься к бою, — негромко скомандовал он, и вереница храмовников растянулась в шеренгу поперек дороги.

Неизвестные приближались, и чем лучше Ладай их видел, тем страшнее ему становилось. Мерная, неторопливая поступь, легкость, с которой все трое несут на редкость массивные доспехи. Если б орки использовали броню — вот такая у них бы и была. Тяжеленная, массивная, человеку неподъемная. Да тут один наплечник весит, как весь нагрудник храмовника, а на каждом из них таких по два! Оружие несут на плечах, массивные, тяжелые клинки. Орки не пользуются мечами, но если б пользовались — их мечи были бы вот такими, в полпуда, по меньшей мере. Велькион помощи, неужели все-таки орки?!

Доспехи были щедро украшены на редкость варварским образом: у каждого либо на наплечнике, либо на шлеме прицеплены передние части черепов невиданных громадных тварей, у того, что в центре — рогатый шлем, и рога — крупные, странной формы. Броня расписана странными символами, которых даже сведущий в демонологии и магии храмовник в жизни не видел. И лица затенены козырьками и забралами, не разобрать черт.

В шеренге послышался шепот: испуганные воины принялись читать молитвы. Проклятье, нельзя показать этим троицам страх! Ладай решительно шагнул вперед и недрогнувшим голосом сказал:

— Именем короля! Остановитесь и назовитесь!

Тот, что шел в центре, сделал еще несколько шагов вперед и заговорил. Голос приглушенный, медленный, размеренный — но слова странные. Ладай по-орочьи знал не больше нескольких фраз, но их говор на слух ни с одним языком не спутать. А тут — низкий баритон. Вполне человеческий голос. Вот только людей, которым сам Ладай головой доставал бы только до середины груди, он еще в жизни не встречал.

А вот язык действительно странный... и знакомый. Что-то очень-очень похожее на заклинания, которыми чернокнижники вызывают демонов. И стоило это подумать, как колдун в клетке отчаянно что-то замычал, сиюминутно выговаривая слова неплотно зашитым ртом.

Храмовник покосился на пленника:

— Ты, чернодушный! Что они говорят? И на каком языке?!

Громила и колдун обменялись парой фраз, затем чернокнижник обратил свой пылающий ненавистью взгляд на Ладаю и прошепелявил:

— Это язык демонов, тупой служба ленивого бога! И говорят они, что здесь наши пути расходятся! Они меня забирают, ха-ха-ха!!

Ладай выхватил оружие, и его примеру последовали остальные храмовники. В следующий миг все трое чужаков бросились в атаку, и это произошло настолько быстро, что должным образом отреагировать не успел никто. Один из нападающих взмахнул мечом — и по правую руку от Ладаю внезапно никого не стало. Четверо храмовников были сметены одним ударом. Нападающий крутанулся вокруг своей оси, используя инерцию своего же замаха, Ладай еще успел поднять меч — а затем клинок, звякнув, улетел куда-то в сторону, а его владелец, получив в грудь сокрушительный удар бронированным кулаком, дважды перевернулся в воздухе и упал в грязь в нескольких шагах позади телеги. Грудь пронзила сильнейшая боль.

Сознание не покинуло старшего храмовника. Ладай хорошо видел, как убивают его людей, как чья-то верхняя половина тела пролетает над ним, как один из гигантов легким движением выламывает даже не дверцу — а просто одну стенку клетки. Эти трое точно не орки — просто потому, что так не смогли бы даже дети степей.

Тут Ладай внезапно встретился взглядом с одним из этих троих и поразился неистовой силе нечеловеческого внутреннего света, исходящего из его вроде бы человеческих глаз. Кто бы это ни был — он не человек и не орк, но что-то гораздо более чуждое и страшное. Чудовище.

Храмовник уже попрощался с жизнью, но тут монстр потерял к нему всякий интерес. Троица, забрав чернокнижника, повернулась и пошла обратно.

Ладай с трудом поднял голову и оглядел образовавшуюся бойню. Из его людей не уцелел никто, и теперь ему предстоит как-то добраться с переломанными ребрами до ближайшего селения, чтобы передать ужасную весть.

На землю Зоданги пришел новый враг, чужой, непонятный и страшный.

Вот он и дома. Желторотый юнец, так и оставшийся ребенком в двадцать три, покинул столицу в начищенных до блеска доспехах под походный марш и летящие из толпы пожелания удачи, всего месяц спустя обратно вернулся воин с повязками на руке и голове. Сталь брони покрыта пылью дорог и отметинами вражеских ударов, тело — парой ран, душа — смертями друзей и недругов. Двадцать девять дней войны превратили Кархада Вэйла ан Карлайла из мальчишки в покрытого кровью и славой воина и командира. Двадцать девять самых черных дней в его короткой жизни. Двадцать девять дней, которые он будет помнить в мельчайших подробностях до самого конца несмотря на все попытки забыть, а два из них, проведенные у моста через Ваарду, будут сниться ему в кошмарах. До самой смерти.

Встречать возвращающееся войско, если там можно назвать горстку выживших и отряд сопровождения, вышел весь столичный простолюд. Под ноги коней летят цветы, в воздух влетают тысячи шапок, но Кархад Вэйл, барон Карлайл, этого не видит, слезы мешают. Эти люди, радостными криками приветствующие победителей, никогда не узнают, чего стоила Кархаду эта победа. Два пальца на левой руке и ухо — ничто. Он уходил на войну в толпе друзей, а возвращается один. Все остальные, вместе с тремя сотнями других достойнейших людей, знатных и простолюдинов, лежат под высокой каменной могилой на берегу Ваарды. У моста, который все они поклялись не отдать — и не отдали.

Что ж, теперь армия генерала ан Кагэмара на той стороне, ждет репараций от ублюдочного ханнайского короля, слишком трусливого для честной битвы и позорно капитулировавшего, а Кархад вместе с остатками третьего тяжелого эскадрона, погибшего почти в полном составе, но решившего исход войны, возвращается домой. Было их триста пятьдесят вначале. Когда враг, отчаявшись захватить и сжечь мост, бросился наутек — оставалось четырнадцать. Безумно дорогая цена за бревенчатую конструкцию, но вполне сносная за молниеносную победу. Не выстоял бы третий тяжелый — потери кампании были бы куда больше.

Ворота королевского замка распахнуты настежь, король встречает лично, и весь двор вместе с ним. Кархад неуклюже спешивается и, хромя, идет к королю, он — единственный выживший из благородных, потому право возглавить шествие досталось ему.

Рыцарь подошел к королю и преклонил колено.

— Мой король, мы обещали вам не возвращаться без победы. И вот мы здесь, хоть и не все.

— Меньшего от сына твоего отца я и не ожидал, — ответил Дэнбар Третий, — встань, Кархад, сын Кэлмара, и вы, все остальные, встаньте. Это не вы должны кланяться.

По его знаку все — и весь двор, и многотысячная толпа — низко поклонились горстке героев.

* * *

Жизнь наладится, Кархад верил в это. Когда-нибудь. А пока у Талсидонии масса проблем и, значит, у Кархада, верного слуги короля и отечества, их тоже масса. И он примется за их решение, как только оправится от ран, а если приказ придет раньше — значит, раньше. Но вот прямо сейчас ждет пир, а затем и бал в честь победы. Можно не сомневаться, что героем дня будет именно он, Кархад, так как он единственный благородный представитель победоносного войска, вернувшийся с войны: армия Кагэмара

вернется с грузом дани нескоро, остальные тринадцать героев — простолюдины, четверо будут пировать на всенародной гулянке на главной площади столицы, остальные девять, получив щедрую награду, испросили позволения вернуться по домам, к своим семьям. Кого из них посвятят в рыцари, кому пожалуют эсквайра, кого просто повысят в звании и определят в гвардию, чьей семье какая награда за утрату героя-кормильца полагается — это король будет разбираться после, на холодную голову, когда Кархад напишет доклад. А пока вся столица, да и вся страна ликует. Все, с угрозой ханнайцев покончено, набегов больше не будет, а ублюдки на ханнайском троне на много поколений запомнят, что с Талсидонией связываться — себе дороже.

Молодой рыцарь дернул за колокольчик, вызывая камердинера и целительницу. Целительница, к слову — дочь леса, ее магия за несколько часов оставила от кровоточащих ран ноющие, но зажившие рубцы. Будь она там, у моста — домой вернулось бы не четырнадцать, а не меньше тридцати, очень многим не хватило совсем чуть, чтобы выжить. Но увы, эльфы не желают принимать участия в войнах людей, хоть и живут на их землях. Конечно, Кархад прекрасно понимал: им не резон. Они не подданные талсидонской короны, свои леса территорией любого человеческого королевства не признают, и с ними поспорить об этом — тоже чревато. Должно быть, просто зависть. Живут себе в своих дремучих чащобах, изредка посещая города людей, чтобы продать целебные мази, волшебные амулеты или собственные магические таланты, и за семьсот лет жизни им может горя выпасть меньше, чем Кархаду — за три дня. Впрочем, мирная жизнь эльфов куплена их предками дорогой ценой, Кархад знал и это, и то, что люди за войны с длинноухими платили еще дороже.

Оделся с помощью слуги, а пока целительница снимала повязки и производила последние манипуляции, двое лакеев притащили бадью для умывания. Спал долго, весь вчерашний день, как вернулся, всю ночь и снова до вечера. Самочувствие вполне ничего так, есть хочется жутко, но сейчас пир, а потом силы и на бал хватит. А на балу он увидит ее высочество Мирдану... Давно не виделись, полгода уж прошло, но еще вчера старый Паттус сообщил: молодая госпожа вернулась из летней резиденции, куда отец отослал ее на время войны.

Кархад бросил в зеркало еще один взгляд на свое лицо и горестно поморщился: обрубок уха его, прежде весьма недурственного собой, не красит. Ну и плевать, отметины войны он будет носить с гордостью.

* * *

— Сэр Кархад Вэйл ап Карлайл! — провозгласил слуга, и по пиршественному залу пробежал негромкий гомон.

Кархад вошел в зал, обратив внимание на большое количество стражи у стен, и почтительно поклонился королю, Дэнбар в ответ приветственно взмахнул рукой.

— Ступай сюда, по правую руку садись. Подать кубок барону Карлайлу в последний раз! — И, видя недоумение рыцаря, широко улыбнулся: — бароны Карлайлы много поколений верой и правдой служили Талсидонии, и я решил, что такому достойному роду давно уже пора стать графским!

Сидящие за столом отсалютовали этим словам поднятыми кубками. Кархад принял из

рук лакея рог, наполненный вином.

— Ну что, да Карлайл, — сказал король, употребив графскую приставку «да» вместо баронской «ап», — каков будет твой тост?

Кархад секунду помедлил и поднял кубок:

— За то, чтобы Талсидония стояла до конца времен, и отдавших свою жизнь во имя этого!

Кубки поднялись и опрокинулись, слуги бросились наполнять их, а рыцарь сел на указанное ему место между бароном Фэйдом и графом Арканайским и, наклонившись чуть вперед, сказал:

— Ваше величество, я глубоко благодарен вам за такую честь, но имею просьбу. Пускай я останусь в Карлайле, а те земли, которые отошли бы мне прибавкой к феоде, пускай будут разделены среди семей тех воинов из третьего эскадрона, которые не дожили до победы. Никто из них не сделал меньше, чем я, мы все стояли в одном строю, и упокоились в одной могиле. А что сам сейчас не с ними — не моя заслуга, просто повезло, что вражьи клинки удовлетворились лишь пальцами да ухом.

Дэнбар благосклонно кивнул:

— Достойное решение. Так, значит, тому и быть. Слуги, еще меда графу Карлайлу!

Кархад выслушал еще несколько поздравлений в свой адрес, опрокинул кубок и окинул взглядом собравшихся. Много достойных людей нынче в зале, но есть и незнакомые лица в середине и конце стола.

Тут как раз поднялся незнакомый, но богато одетый пожилой толстяк, сидящий сразу за бароном Фэйдом, и обратился к Кархаду с поздравлениями:

— Вы воистину благородный воин, сэр да Карлайл, — сказал он, — а ваш подвиг, без сомнения, будет воспет менестрелями еще при вашей жизни. Посему от имени его величества Клейдана Шестого выражаю восхищение вашим мужеством и присоединяю к этому свои ничтожные поздравления!

Клейдан?! Король Далмады?! И его человек тут, за столом?! Должно быть, лица Кархада выражало настолько явное удивление, что король Дэнбар пояснил:

— Это Виссандо, посол Клейдана. Привез заверения, что Далмада и не собиралась воевать с нами.

— Мой король, вы верите первейшему союзнику ханнайцев, собравшему против нас сорокатысячную армию?! — с неприкрытым скепсисом спросил рыцарь.

Король неопределенно, но тоже с долей скепсиса пожал плечами, а Виссандо сразу же пустился в объяснения:

— Ну, видите ли, сэр рыцарь, у Далмады давно заключен союз с Ханнаем, и многие годы этот союз позволял обеим странам жить и процветать... А когда на троне Ханная внезапно оказался монарх, скажем так, не такой мудрый и уравновешенный, как предыдущие ханнайские короли... Это создало проблему, потому как договор — это договор, исполнять его — дело чести и репутации, и мой мудрейший повелитель Клейдан Шестой оказался в крайне неудобном положении, когда его союзник крайне неразумно вступил в войну с лучшим соседом Далмады. Ему пришлось собирать армию, потому как договор, вы же понимаете. Но он собирал войско так медленно, а Талсидония победила так быстро, что король Клейдан не успел вступить в войну. Если бы он сам хотел воевать — держал бы армию наготове, вы же понимаете. Но, само собой, что все сказанное — лишь домыслы старого никчемного жирдяя, которому доверили только возить королевские письма, и для

которого это и так слишком большая честь.

— Сдается мне, что повелитель Далмады давно был не прочь захватить наши северные провинции, — проворчал Кархад, — просто испугался и пошел на попятный.

— Вот-вот, — пробасил граф Арканайский, — на моей границе что ни день, то сотни далмадианских кавалеристов замечают, ежечасно ждем атаки, и тут я внезапно узнаю, что Клейдан, оказывается, наш лучший сосед! Ха-ха!

Посол виновато развел руками:

— Всемиловейшие господа, я же говорю, какой спрос с жалкого носителя королевской почты? Мне истинные мысли других людей неизвестны. И все же подчеркну, что король мой Клейдан, дайте боги ему здоровья, армию под рукой не держал. А те сотни — так вы, препочтеннейший граф, каждый день видите одних и тех же всадников. В Далмаде вдоль всех границ постоянно отряды передвигаются. Ну, чтобы соседи думали, что там войска большие. Сами ведь понимаете, время беспокойное, то там безумец, то тут тиран...

— Ну да неважно, — подытожил дискуссию Дэнбар, — свой ответ Клейдану я повторяю так, чтобы вся знать Талсидонии знала: мы войны не ищем, но отпор дать готовы каждый день и каждую ночь, кому угодно. Пускай пример ханнайцев всем послужит уроком.

— Воистину мудрые слова, — поклонился посол, — мой повелитель будет рад узнать, что великая Талсидония клинка за пазухой на него не держит.

Пир продолжался, появились слуги с новыми блюдами. Кархад бросил взгляд на стражу: теперь понятно, почему они тут стоят.

По ходу дела дворяне принялись вполголоса обсуждать возможные последствия войны, торговые пошлины, разгул разбойников в каком-то приграничном лесу, цены на ввозное оружие и прочие жизненные мелочи. Кархад, слушая вполуха, всерьез заинтересовался разве что появлением орочьей орды на юге. Можно только гадать, куда будет набег, на Талсидонию или Зодангу, но давешний инцидент с нарушившими границу золотобытчиками вроде бы исчерпан. Стало быть, Зоданге в скором времени достанется, орки уж если собралась в орду — времени попусту терять не будут.

В душе молодой рыцарь надеялся, что ближайшие годы пройдут без войны. Талсидонцы — народ не воинственный, сами вражды искать не будут, возможным недругам в очередной раз продемонстрирована сила. Что ж, можно рассчитывать на мирный труд и дальнейшее укрепление страны, пока очередному кретину не придет в голову затея испытать Талсидонию на прочность.

Вскоре появились слуги с огромными ковшами: пир заканчивается, стало быть. А дальше бал, а на балу, если боги смилостивятся, он снова увидит Мирдану.

Лакеи разнесли ковши нескольким людям вокруг стола: таков давний обычай Талсидонии. Те, которые получают ковши с крепчайшим медом, вспыхивающим от огня, делают плоток и передают соседу, сидящему слева. Ковши идут вокруг стола, символизируя движение солнца на небе, и напоминают пирующим, что все они — сыновья одной страны, один народ. Правда, за многие столетия обычай слегка изменился. Раньше в ковшах подавали хорошее вино — теперь, по совету эльфов, крепкий мед или другой напиток высокой крепости, по их мнению, так пьющие из одного ковша меньше будут болеть. Ну и присутствие иноземцев за столом стало обычным делом, раньше право выпить с талсидонской знатью для чужака было огромной честью и абы кто ее не достаивался.

Один из ковшей прошел от барона Гэрри к барону Лоредану, от него — далмадианскому

послу, от него — барону Фэйду, Фэйд, глотнув, передал Кархаду, и в этот момент рука в кожаной перчатке, протянувшись через плечо рыцаря, перехватила ручку ковша.

— Не пейте это, сэръ рыцарь, — послышался мягкий, вкрадчивый голос.

Рыцарь возмущенно засопел, обернулся и увидел позади себя одного из стражников, в обычной парадной броне, но в шлеме с закрытым забралом. Усилием воли он подавил гнев — каждый благородный человек должен уметь держать себя в руках, особенно в присутствии короля — но если этот простолюдин сейчас же не объяснится... Брутальное вмешательство в древний обычай, само собой, привлекло всеобщее внимание, на лицах заиграли желваки, кулаки сжались, но все молчали, предоставив право принять меры королю.

А стражник, отняв у Кархада ковш, подошел к послу Виссандо, поставил сосуд перед ним и масляным голосом произнес:

— Сделайте еще один глоточек, ваша светлость.

— Что это значит?! — возмутился далмадианец и взглянул на короля.

Неожиданно для всех в правой руке стражника невесть откуда появился кинжал и неуловимым движением прижался к горлу посла.

— Отпейте еще немножко, будьте так любезны... или умрете.

— Что происходит?! Ваше величество, прикажите вашему стражнику!..

Король сделал знак страже, но приказ оказался неожиданным:

— Взять жирного ублюдка.

Однако брать внезапно стало некого: во второй руке стражника с забралом появился еще один кинжал, Кархад успел лишь раз моргнуть, но за этот короткий миг Виссандо получил шесть ударов в спину, по три каждым клинком. Посол застыл с вытаращенными глазами и медленно завалился назад, упав на пол.

Кархад вскочил на ноги, выбираясь из-за стола и выхватывая меч, но тут вмешался король:

— Сядь! — властно приказал он рыцарю и устремил на стражника тяжелый взгляд: — объясни.

Тот адресовал королю полупоклон:

— Яд, мой повелитель. Посол подсыпал в ковш, когда получил его в руки, сразу после того, как сам отпил. Очень тонкое, изящное движение, незаметное для того, кто ничего не знает о перстнях с ядом.

Стражник, не снимая перчатки, окунул палец в ковш, засунул под забрало и то ли лизнул, то ли понюхал.

— Перетертые семена душегуба-обманщика, — резюмировал он, — яд редкий и коварный. Если б вы глотнули из ковша, мой повелитель — умерли бы в муках дня так через четыре, когда посол уже покинул бы страну. Им же отравили мою мать.

Барон Фэйд, и так уже изрядно побледневший, схватился за горло:

— Великий Ариант! Я сделал глоток!! Рвотной смеси мне, зовите лекаря!!

— Бесполезно, ваша светлость, — почти проворковал стражник, — порошок из этих семян, намоченный в алкоголе, приклеивается к стенкам желудка, и выблевать их можно, хе-хе, только вместе с ним. И очень редкий лекарь знает рецепт противоядия. Ах, как прискорбно.

— Ты!.. Ты нарочно подождал, когда я выпью!!

— Я подоспел слишком поздно, увы.

— Лжешь! Мерзкая тварь!!

— Я уже слышал это от вас, — ответил стражник, — и потому решил соответствовать вашим ожиданиям.

Возникло небольшое замешательство, когда отравленный барон в сопровождении нескольких других дворян бросился на поиски целителя. Тут у Кархада, ровным счетом ничего не понимающего, лопнуло терпение.

— Ваше величество! Что происходит?! Кто это?!

— Это мой телохранитель, — мрачно ответил король и вновь взглянул на стражника в забрале: — Р'Энкор, йоклол возьми, ты нарочно дал Фэйду выпить отраву?!

— Нет, мой повелитель, я ничего ему не давал, — вкрадчиво ответил стражник, — просто решил не мешать. В мои обязанности забота о ком-либо, кроме вас, не входит, и вы это знаете. Барон Фэйд нанес мне оскорбление, за которое, произойди оно не в Талсидонии, поплатился бы головой, и это вы, мой повелитель, тоже знаете. Я не вызвал его на дуэль только потому, что у меня нет такого права, а не потому, что простил.

Кархад слушал этот диалог, и внутри его все клокотало от ярости. Вместе с тем он понимал, что этот странный Р'Энкор, видимо, не совсем прост, если позволяет себе разговаривать с королем подобным образом.

Тут в зал быстрым шагом вошла целительница-эльфийка.

— Где, кого и чем отравили?

— Фэйда. Он только что отправился тебя искать. А отравили его... Р'Энкор?

— Душегубом-обманщиком. Но вот незадача: для лесных эльфов он не ядовит, и потому противоядия у них нет. Они его называют не душегубом, а заячьим солодом.

Целительница покачала головой:

— Так и есть. Я не смогу ничем помочь, увы.

Дэнбар забарабанил пальцами по столу.

— Р'Энкор, а ты знаешь рецепт противоядия?

— Я — убийца, а не целитель.

Король достал из кармана что-то мелкое и зажал в кулаке.

— Не юли. Ты знаешь рецепт или нет?

— Не тратьте кристаллы попусту, мой повелитель. Если Фэйд не умрет, мне и впредь придется сносить оскорбления тех, кто не выше меня происхождением, лишь оттого, что здесь у меня нет права вызвать обидчика на дуэль.

— Я нанял тебя противодействовать убийцам, а не потворствовать им!

— Осмелюсь вас поправить: вы наняли меня для защиты от убийц вашей бесценной персоны. Все остальное в договоре не оговорено, а значит — на мое усмотрение.

В зале повисла гробовая тишина: почти все, как и Кархад, замерли с отвисшими челюстями. Чтобы кто-то позволил себе говорить с королем вот в такой манере?! Неслыханно! Возмутительно! Сукин сын в забрале говорит крайне почтительным тоном, но то, что он говорит, выходит за любые рамки. Вот так открыто перечить королю осмеливаются очень немногие.

Однако король проявил куда большую выдержку.

— Чего ты хочешь?

— Уважения, которого я заслуживаю, но в котором мне отказывают. Пусть этот толстый барон умрет и послужит уроком остальным благородным талсидонцам, вот чего я хочу.

— Я не знаю, кто ты такой, но явно не талсидонец, — резко сказал Кархад, — и таким образом в Талсидонии тебе уважения не добиться, только ненависти!

Р'Энкор негромко и зловеще засмеялся:

— Да что ты знаешь о ненависти, рыцарь-человек?

Он пальцем поднял забрало, и под ним Кархад увидел изящное эльфийское лицо с серой кожей, бесцветными губами и фосфоресцирующими фиолетовыми глазами.

— Дроу! — потрясенно выдохнул рыцарь.

— Теперь ты понимаешь, как глупо пугать меня ненавистью? — в своей вкрадчивой манере спросил Р'Энкор, — мне к ней не привыкать. Ненавидь сколько влезет — но уважай. Иначе в следующий раз, когда мне снова подвернется возможность спасти твою жизнь, вот как сейчас, я просто промолчу.

— Прекратите болтовню, — велел король, — Р'Энкор, ты не отрицаешь, что знаешь рецепт. Ближе к делу. Тебе нужно еще золота?

Тот отправил королю полупоклон:

— Вы невероятно щедры, а я — не жаден. Но если вам непременно хочется, чтобы Фэйд жил — признайте мое право, как сына благородного Дома, на дуэли с дворянами Талсидонии.

— Это вряд ли возможно. Но я могу официально причислить тебя к своему двору, и если тебя оскорбят впредь — наказанием будет пятьдесят плетей, согласно закону.

— Это будет более чем замечательно, мой повелитель.

— Что ж, с этого момента ты — мой придворный, со всеми вытекающими отсюда привилегиями. Говори рецепт.

Плечи Р'Энкора затряслись в приступе беззвучного, но искреннего и недоброго веселья.

— Как прикажете, — широко улыбнулся дроу несколько секунд спустя, — итак, ведро воды, кружка уксуса, кружка соли и, хи-хи-хи... Простите, не удержался... хи-хи-хи, свежая коровья «лепешка». Все это тщательно перемешать и выпить.

За столом раздались характерные звуки, когда покушавший человек отчаянно пытается удержать съеденное внутри, а оно просится наружу.

— Ты издеваешься? — возмутился Дэнбар.

— Ничуть, мой повелитель.

Вмешалась целительница:

— Коровий навоз в качестве противоядия?! Первый раз такое слышу!

Р'Энкор развел руками:

— Собственно, это не совсем противоядие. Однако эта смесь воздействует на частицы семян и заставляет их отклеиваться от стенок желудка, после чего они могут быть исторгнуты. Принимать смесь необходимо по меньшей мере десять раз, чтобы наверняка избавиться от яда. И стоит поторопиться: времени мало. Еще час или два — и помочь нельзя будет.

— Ты говорил, твою мать отравили этим же ядом. Она спаслась?

— К моему безграничному сожалению — да.

Король сделал знак целительнице:

— Приступай.

— Еще чего! — возразила та и указала пальцем на Р'Энкора, — вот пусть он и готовит!

— Зелья и противоядия готовить и продавать — не моя работа, — отрезал дроу.

— Слугам поручи, — велел Дэнбар, — и найдите кто-то барона Фэйда!

Кархад сокрушенно покачал головой. Надо же, его короля пытались убить, а все мысли — о темном эльфе, неизвестно каким образом оказавшемся при дворе. Чем король думал, вообще пуская убудка в страну?! Это Кархад спросит у короля сам... в гораздо более уважительной манере, само собой.

Монарх тем временем обвел дворян глазами и сказал:

— Что ж, пир закончен. Бал начнется в срок, не смотря ни на что. А все, что должно быть сделано — сделаем до него. Для начала — немедленно арестуйте всех спутников этого посла. Р'Энкор, йоклол подери, зачем ты прикончил его? Его следовало допросить!!

— Да еще устроил бойню прямо в зале для пиршеств! При всем честном народе! — возмутился барон Гэрри. — Это, между прочим, культурная страна, а не пыточная в твоём Подземье!

Эльф развел руками.

— Уж прошу меня простить. Поскольку мой нынешний повелитель — самый щедрый из всех, кому мне приходилось служить, покушающиеся на его жизнь не могут рассчитывать ни на мое милосердие, ни даже на легкую смерть. И пусть это знают во всех соседних королевствах. — Он повернулся к королю: — а что касается допроса, то я уже обо всем позаботился. Убитый — никакой не посол и не дворянин. Просто актеришка, влезший в огромные долги. Истинный организатор покушения — его конюх, который на самом деле не конюх, а дворянин Далмады и приближенный Клейдана. Все остальные слуги «посла» непричастны.

— Схватить этого конюха и допросить!

— Вообще-то, он и так уже в вашей темнице, — словно о каком-то пустяке, сказал Р'Энкор, — и я уже его допросил. Но поскольку под пытками люди иногда сами себя оговаривают — я лично дождался факта покушения, чтобы убедиться в правдивости главного заговорщика.

Граф Диркхэйм, с давних пор глава внутренней разведки, наконец-то заговорил:

— Так ты разоблачил покушение еще до самого покушения?! Как?!

Дроу негромко засмеялся:

— Теперь вы понимаете, что моя репутация полностью заслуженна. И псевдопосол, и псевдоконюх вели себя так, словно они поменяны местами. Неестественно. Дворянин-посол, не умеющий властно говорить со своим холопом, и конюх, говорящий с господином с наигранным почтением... Их маскарад обманул людей, но он не настолько искусен, чтобы обмануть дроу, который забыл об интригах и заговорах больше, чем все присутствующие здесь когда-либо знали. Мой повелитель, если вы желаете лично допросить организатора — он ждет в вашей темнице. Нужен ли я вам сейчас?

— Да. Ступай и проследи, чтобы твой рецепт приготовили правильно!

— Сейчас же и незамедлительно, — поклонился Р'Энкор и покинул зал быстрым шагом.

Король велел дворянам расходиться, но оставил нескольких приближенных и советников. Кархад тоже собрался на выход, когда палец короля указал на него:

— И ты, Кархад, тоже останься.

Рыцарь молча поклонился и сел обратно на скамью. Дэнбар сделал знак капитану охраны, и тот вывел всю стражу из зала, оставив только караулы у дверей и забрав с собой труп. Затем король забросил правую ногу на левое колено: верный признак, что разговор будет без официоза, серьезным, хотя Кархад и не понимал, зачем тогда здесь он: подвиг

подвигом, но этого мало, чтобы попасть в число доверенных советников.

— Итак, — сказал монарх, — Далмада действительно готовилась к войне, но не успела, однако же своих агрессивных намерений не оставила.

— Я вам это с самого начала говорил, — напомнил граф Арканайский.

— А я с тобой соглашался, Кришган, — кивнул король, — но тогда это было твое мнение и мое с ним согласие. Сейчас же мы получили фактические доказательства.

Кархад робко кашлянул:

— Я покорнейше прошу прощения, но о каких доказательствах речь? Р'Энкор — дроу, лживый и подлый. Кто, кроме него, видел, как яд высыпают в ковш? Никто. У нас только его слова. Фэйд якобы отравлен — но уверены ли мы, что это правда? Посол убит и уже ничего не расскажет. Конюх в темнице, но вы пока не сообразовали потратить минутку на его допрос. И если Фэйд не умрет — не будет никакого доказательства, что яд вообще имел место! Где доказательства, что дроу, чье присутствие при вашем дворе в мой неглубокий ум не укладывается, не ведет свою собственную игру? Все слышали — это чудовище сожалеет, что его мать выжила после отравления! Я, может, и юнец, но хоть убейте, не понимаю, как можно верить хоть одному его слову.

Король вздохнул.

— Скажем так, пока ты был на войне, произошли разные... события. Этот дроу — Р'Энкор К'Айрэн'Кинн из Дома Арн'Кай...

— Тот самый?!! — ужаснулся Кархад.

— Тот самый. О его появлении при моем дворе не знал, пожалуй, лишь ты, так как был на войне. За этот месяц меня пытались убить дважды, и второй раз меня спас именно он... После чего я его и нанял. И вот сегодня — третье покушение, и он второй раз доказал свою полезность.

— Ваше величество! Разве вы не знаете, что он предает всех, кому служит?!!

Дэнбар усмехнулся в бороду:

— Слухи я слышал. Но то слухи. Знаешь, что это такое?

На раскрытой ладони короля лежал маленький кристалл, прозрачный, словно льдинка в горном ручье.

— Кристалл Правды?

— Он самый. Мне известна репутация темных эльфов, потому без кристалла я с Р'Энкором обычно не говорю. Сам видишь, кристалл целехонек, все, что он говорил, было правдой. Я устроил ему допрос... Он утверждал, что всегда верно служил своим нанимателям и ни разу не предал тех, кто ему платил. И кристалл подтвердил, что Р'Энкор не лжет.

— Все дроу — колдуны! Его черная магия...

— Даже если и так... Кристаллы Правды — дар Восьми, и магии неподвластны. Как я уже говорил, я всегда держу его при себе, однако до сего времени Р'Энкор ни разу не солгал мне. И покамест я доволен, что он на моей службе. Врагов у нас много, еще и внутренние появились. А лучшее средство от заговорщика или наемного убийцы — другой наемный убийца. Особенно такой знаменитый и искусный, как Р'Энкор.

Кархад, конечно же, прекрасно знал о похождениях этого темного эльфа. Вот уже лет тридцать прошло, как Р'Энкор К'Айрэн'Кинн поднялся на поверхность из своей мрачной подземной страны, и теперь его носит по белому свету, словно неприкаянную душу в аду, из года в год пополняющего именами убитых свой «послужной список». Бессердечное,

беспощадное, лишенное совести и чести орудие интриг и заговоров, Р'Энкор регулярно нанимается для самых черных дел вроде братоубийственной борьбы за престол, и количество жертв только лишь королевской крови доходит до десятка, хотя молва множит это число безостановочно, а графов да баронов вообще вряд ли кто считал. Особую известность приобрела история о том, как ублюдочный дроу нанялся убить одного вельможу, пырнул его кинжалом в его же замке и перед смертью жертвы предложил свои услуги. Умиравший воспользовался возможностью и заказал заказчика своего убийства. С тех пор за Р'Энкором закрепилась мрачная слава бесчестного подонка, не гнушающегося предать своего нанимателя за звонкое золото.

И вот теперь оказывается, что все это ложь? Честный, держащий слово дроу? Такого быть не может. Кархад оказался в смятении, он прекрасно знал, что это не один Р'Энкор такой подлый и коварный — такие все дроу. Рыцарь мог бы не поверить кристаллу — но может ли он не верить своему королю?

В любом случае, нужно быть наготове. Одно лишь присутствие темного эльфа в самом сердце страны — угроза всем и каждому.

— В таком случае, — сказал тем временем граф Арканайский, — что будем делать с далмадианской угрозой?

Король призадумался.

— Предлагаю закрыть границу... временно. Затем мы заключим военный союз с Кадорией, а кадорианцы с Далмадой давно на ножах.

— Ваше величество, вы полагаете, что Кадория нападет на Клейдана?

— Очень вероятно, что принц Синтэн воспользуется союзом, чтобы убедить отца, что именно он более достойный претендент на корону, а не его старший брат, и нападет своими силами, заручившись нашей поддержкой, в обход решений короля Сингэна.

— И тогда мы сокрушим Далмаду! — решительно воскликнул барон Гэрри.

Король засмеялся в бороду и покачал головой:

— Воевать — значит тратить прорву золота и жизней. Мы только сосредоточим на границе войско. Клейдан попросит помощи у Ханная, но что-то подсказывает мне, что ханнайский кусок венценосного дерьма не поможет, потому как Клейдан ему тоже не помог, а помочь — значит снова сцепиться с нами. Если все получится — союзу Ханная и Далмады конец. После этого мы убедим Клейдана отдать старому Сингэну смежные провинции, а Сингэна — отказаться от войны и найти управу на сына. Кадория получит пару провинций почти без кровопролития, Далмада останется без союза и с новой враждой. А мы, постояв на границе, вернемся по домам, заручившись дружбой Сингэна и, возможно, Синтэна тоже. При этом Клейдан поймет, что мы не имеем агрессивных планов, если он сам не заставит нас воевать, и сменит приоритеты, переключившись на борьбу с Кадорией. В идеальном случае враги расторгнут союз, мы укрепим отношения с Кадорией и сделаем ее противовесом Далмаде. Что, возможно, позволит мне править до конца жизни без войн, а может, и не только мне.

— Слишком уж сложный план, — заметил Диркхэйм, — но если он все-таки удастся...

— Вот-вот. Я не говорю, что сыграть его по нотам будет легко, но прелесть в том, что попытка почти ничего не будет нам стоить, кроме перемещения нескольких полков и расходов на послов.

— Реакция Ханная и Далмады непредсказуема...

— Не соглашусь, Ханнай уже получил, а Клейдан будет воевать с нами только при

условии, что мы сами вторгнемся, риск войны на две стороны не для него.

На том и порешили, король поручил отправить посла к королю Кадории, отпустил дворян и снова задержал Кархада.

Когда они остались вдвоем, король взял со стола свой кубок, отхлебнул из него и сказал:

— В общем, ввожу тебя в курс дел. Пока ты воевал, граф Вальтус устроил заговор и два покушения на меня, напомнили о себе ханнайские корни. Первое провалилось, второе, когда я возвращался из восточного края, могло бы увенчаться успехом, но там каким-то образом оказался Р'Энкор. Может, случайно, а может, и не очень. Я опасаюсь, что Вальтус мог быть лишь верхушкой айсберга, хотя под пытками он никого не выдал. В общем, беспокойное время.

— Так вы все же не доверяете этому проклятому эльфу?

Король снова отхлебнул, поставил кубок на стол и задумчиво подпер скулу кулаком.

— Как тебе сказать... На самом деле дроу весьма и весьма предсказуемы. Их планы могут быть невообразимо сложными, но мотив действий у них всего один. Выгода. Личная выгода — то, ради чего они пойдут на любые злодеяния, но вместе с тем дроу будут держать слово и выполнять договор, если это выгодно. Вальтус признался под пыткой, что покушался на меня не только ради возможной выгоды, двадцать лет он копил на меня обиду, что я обходил его милостями и доверяем... Не зря, как видишь, не доверял. Так вот, дроу, по большому счету, не свойственно ставить во главе своих мотивов что-либо, помимо выгоды и статуса. С ними можно играть на равных, если понимать их образ мышления и мотивы. Но тут есть одна неувязка...

— Он отказался от золота?

— Верно. Я был уверен, что Р'Энкор пытается набить себе цену, но он удивил меня, отказавшись получить компенсацию звонкой монетой. Я не верю, что у дроу, особенно у мужчин, есть гордость. Мое предположение — статус. Став моим придворным, а не просто наемником, он повысил свой статус, главным образом, в собственных глазах. Но я предпочитаю знать, а не предполагать.

Словом, есть у меня для тебя секретное поручение. В Эйльхеймском лесу лет двадцать назад начали появляться темные эльфы. Мне неизвестно, почему светлые принимают их к себе, между ними вражда, смертельной которой разве что топор орка. Но я хочу, чтобы ты тайно отправился туда как мой гонец, передал старейшинам эльфов подарки и испросил разрешения поговорить с темными, что там живут. Выясни все, и про них, и про их образ мышления, и, если получится, о Р'Энкоре. Вдруг там его знают.

— Хм... почему не расспросить тех эльфов, которые оттуда приходят? Вроде бы Эйльхейм — один из ближайших к столице источников эликсиров от чумы.

— Эльфы — народ древний, гордый и высокомерный. Они не любят, когда в их дела суют нос. Но старейшины эльфов — разговор другой, они достаточно мудры и уравновешены, и с ними можно делать дела и вести переговоры. Только помни, что они не выносят неуважения к себе со стороны нас.

— Я знаю, ваше величество. Прикажете отправляться немедленно?

— Шутишь, что ли? Ты поправься вначале, дело неспешное... Не очень спешное, скажем так. Далее, есть еще кое-что. Последний раз с судьи, берущего взятки, кожу живьем содрали еще при моем прадеде, и сейчас эта жестокая, но полезная и справедливая практика начала забываться. Я ее возрождать не собираюсь, но с кривосудием надо бороться. Порой городские стражники грабят торговцев и крестьян похлеще лесных разбойников, и с этим

тоже надо что-то делать. Талсидонии угрожают далеко не иллюзорные передряги, и чтобы пройти их без больших потерь, нам нужно поддерживать в народе любовь к престолу, а среди служивого люда — верность ему. Жалобы на несправедливости и притеснения со стороны чиновников рассматривают чиновники же — не годится это. Я задумал создать небольшой отряд стражи, который будет ездить по стране и нести закон и справедливость туда, где ее не хватает, и хочу, чтобы ты его возглавил.

Кархад удивленно приподнял брови:

— Я? Мой король, мне такое вряд ли по плечу, я ничегошеньки в этом не смыслю!

Дэнбар усмехнулся:

— Умение — дело наживное и потому не главное, куда важнее — доверие, потому что его, раз утратив, уже не вернуть. Залог успеха — поставить во главе человека пусть неопытного, но честного. Такого, которому я могу доверять. Ты доказал, что присяга тебе дороже жизни, что ты достоин своего отца, потому я назначаю тебя на должность, где именно верность, честь и совесть важнее всех прочих добродетелей. И твоя первейшая задача — не разоблачать продажных судей, а следить, чтобы твои люди, которые будут это делать, сами не стали продажными.

Кархад поклонился:

— Я буду счастлив исполнить вашу волю.

— Вот и славно. А теперь ступай, и на бал не опаздывай.

* * *

Норлаш медленно открыл глаза и моргнул. Доброго утра ему при этом никто не пожелал: во-первых, камера одиночная, во-вторых, здесь, в Яме, самом охраняемом узилище Цитадели Велькиона, на два этажа ниже уровня земли, неизвестно, когда утро, а когда вечер. Нет дня и ночи в мире вечной тьмы, разгоняемой лишь тусклыми факелами.

Он медленно перевернулся на бок и взглянул в щель под дверью, куда стражники просовывают еду и воду — пусто. Кормежка еще не наступила, или, может быть, стражники, разносившие пищу, решили оставить его голодным и жаждущим. Они частенько так развлекаются.

Маг медленно принял сидячее положение, стараясь не обращать внимание на тяжесть ошейника. За пятнадцать лет, что он провел здесь, Норлаш так и не привык к ошейнику и браслетам. Нельзя привыкнуть к тому, что, словно упырь, присосалось к твоей душе и тянет, тянет, тянет из тебя силы. Нельзя привыкнуть к самому неодолимому барьеру между узником и свободой.

Норлаш прикрыл глаза и несколько минут мечтал о том, что сделает с охранниками, если когда-нибудь каким-то чудом оковы из проклятого металла, не позволяющие магам-узникам колдовать, спадут с него. Он мечтает об этом каждый день, с бессильной ненавистью в истощенной душе. Отсюда, из Ямы, сбежать невозможно, остается лишь ненавидеть мир, который так ненавидит его, и мечтать о мести, которая еще не факт, что сбудется.

А ведь казалось бы, в чем же дело? Что такого запретного сделал Норлаш? С демонами якшался? Людишки каждый день молятся своим Восьми и некоторым другим богам, не понимая, что между богом и демоном нет принципиальной разницы. Бог — суть

могущественный демон, владеющий умами и поклонением большого стада рабов. Конечно, ненависть всякого «бога» к любому, с кем приходится бороться за поклонение стада — закономерна, что уж говорить.

А еще люди ненавидят чернокнижников за то, что они, чернокнижники, достаточно смелы и независимы, и с демонами говорят, стоя на ногах в полный рост, а не на коленях, и договариваются, как равные с равными, а не вымаливают у глухих небес милостыню. Люди всегда ненавидят тех, кто лучше и сильнее их, такова человеческая природа.

Жертвы? Смех, да и только. Когда какому-нибудь королю приглянется чужой город — война и десятки тысяч жертв. Мало золота в казне? Война и десятки тысяч жертв. Гордыня обуяла? Война и десятки тысяч жертв. Норлаш за всю свою жизнь не принес и сотни жертв демонам, с которыми обдeldывал свои делишки — но королям слава, почет и богатства, а чернокнижникам, добивающимся своих целей куда меньшей кровью — ненависть, гонения... и Яма.

По коридору прокатился чей-то надрывный кашель, прервав размышления мага. Сырое, мрачное подземелье — воистину филиал самой страшной преисподней, и выберутся отсюда немногие. Те, которые кровью искупят свою вину, сражаясь на войнах Зоданги в качестве пушечного мяса впереди всей армии, и выживут при этом — те, может быть, будут переведены из Ямы наверх. Но Норлашу это не светит: чтобы направить приговоренного мага на войну, его сажают на цепи, удерживаемые тремя храмовниками, но вот магические оковы придется снять... Гребаные прихвостни Велькиона знают, что Норлаша им не сломить. Знают, что с ними случится, если узник когда-нибудь избавится от покрытого рунами металла на своем теле. Так что здесь, в Яме, так никогда и не увидев больше солнца, великий Норлаш и умрет...

Если не сбежит.

Посаженный в клетку зверь тяжело переживает неволю. Он еще помнит свободный бег по степи наперегонки с ветром, азарт охоты на жирного оленя, ярость схватки за самку и ток адреналина по жилам во время побега от охотников, но со временем его душа умирает, и в глаза закрадывается леденящая пустота безразличия. Свободная тварь становится скотиной, и с человеком происходит то же самое, тем более что большинству людей от рождения предначертано быть скотиной, а не диким зверем.

Но только не Норлаш Великий. Не Норлаш Проклинатель. Не Норлаш-хозяин-демонов. Он никогда не сдастся и рано или поздно сбежит... или погибнет в попытке.

Все эти пятнадцать лет Норлаш готовил свой побег. Душехватных оков оказалось недостаточно, чтобы досуха опустошить столь сильную волю. Проклятый металл, покрытый святыми символами Велькиона, может мешать колдовать — но ему не отнять мастерство того, кто был и остается сильнейшим и непревзойденным, того, с чьим магическим даром считался даже Старший народ.

Крохотная руна, начерченная пальцем в грязи, и капли былой мощи, не выпитые оковами — этого хватило, чтобы подчинить себе разум крохотной крысы, с ее помощью найти первое орудие — оброненный гвоздь — и принести в камеру.

Долгие месяцы маг тщательно зачаровывал кусок металла, вкладывая в него все, что удавалось в муках выжать из своей измученной души, и тот со временем стал тверже камня. Достаточно твердым и острым, чтобы им можно было царапать каменный пол.

Грязная, вонючая соломенная подстилка Норлаша скрывала под собой наполовину готовый призывной круг, начерченный на полу. Когда он будет закончен — кого-то ждет

большой и очень неприятный сюрприз.

Прочность гвоздя, даже зачарованного, имела свой предел. Второй гвоздь Норлаш зачаровал куда менее тщательно, ровно настолько, чтобы хватило на одну маленькую, но важную руну. Планируя побег, надо знать местность вокруг Цитадели, и способ сделать это, сидя в Яме, только один: обзреть с высоты птичьего полета птичьими же глазами.

Новая руна и связанные с нею трудности сильно замедлили создание призывного круга, однако, поразмыслив, Норлаш пришел к выводу, что спешить некуда: он все равно не смог придумать, кого вызвать.

В самом деле, чтобы демон смог проникнуть в Сангарию, ему нужна энергия. Обычно чернокнижники используют для этого жертву, пропорциональную силе вызываемого демона, сильные потусторонние визитеры на курицу не купятся. Кого может принести в жертву Норлаш? Максимум крысу, жизненная сила которой не привлечет никого, кто мог бы быть полезным. Призванный демон должен быть достаточно сильным, иначе он не то что не сможет снять с Норлаша проклятые оковы — он даже не притронется к ним, жрецы и зачарователи ордена свое дело знают.

Низшие демоны, проще говоря, демонические твари, бесполезны, с ними не договориться. Младшие — Собиратели, Ищущие, Шепчущие и прочие — слишком слабы, они ни при каких условиях не могут войти в конфликт с демоном-богом, имеющим доминион в Сангарии, в данном случае — с Велькионом. Средняя прослойка в их иерархии — Искусители, Обманщики и иже с ними — теоретически, могли бы освободить Норлаша, но им для этого потребуется прорва энергии, и для самого действия, и в качестве награды, и эти голодные до нее демоны не согласятся не то что помочь в долг — они даже не заявятся, если наперед не получат достаточно силы для проникновения в план Сангарии, свою собственную силу они ни за что не потратят: ее у них и так мало.

Старшие демоны — другой разговор, они достаточно могущественны, чтобы ненадолго перенести свой аспект в материальный план, особенно если найти для них вместилище, чьей жизненной силой они будут питаться и которой хватит им на награду за помощь... Вот только вместилище взять негде, храмовники — ребята в подобных делах грамотные, никто из них не будет настолько туп, чтобы позволить запечатанному в камере колдуну сделать себя вместилищем для демона... Как иначе с помощником рассчитаться — вопрос интересный. Безусловно, если кто-то из них и согласится помочь в долг — расплачиваться придется очень дорого, не говоря уже о том, что в залог придется отдать свою душу или, что еще хуже, согласиться на «вампир-печать»... Не особо радужная перспектива.

К тому же Норлаш, несмотря на свою богатую практику, всего пару раз имел дело со старшими демонами — и это было далеко не самый приятный опыт в его жизни. Но сейчас маг в отчаянном положении — придется прибегнуть к отчаянным мерам. Вырваться и отомстить любой ценой — вот все, чего он хочет.

Самая серьезная помеха заключалась в ограниченных контактах. Из старших у Норлаша просто нет устоявшегося контрактора, случайные одноразовые подельники, даже получив когда-то давно хорошую плату, не рискнут с трудом накопленной энергией, чтобы явиться на зов, не подкрепленный подношением в виде жертвы, да и перспектива конфликта с аспектом одного из здешних хозяев их не обрадует.

Была еще одна категория демонов, любой из которых с легкостью решил бы все проблемы узника. Те, о которых знают немногие, а кто знает — предпочитает говорить шепотом или вовсе молчать. Владыки. Демоны, достаточно могущественные, чтобы устроить

разборки в чужом доминионе, не считаясь с потерями, затратами и рисками столкновения с местными богами, и даже ненадолго заявиться в Сангарию в физическом, а не астральном аспекте. Одна беда — эти существа не снизойдут к смертным букашкам, их невозможно призвать, ведь для того, чтобы возместить затраты энергии Владыки, нужна жертва из сотен тысяч жизней людей — или пары десятков тысяч эльфов. Да и платить нечем: они, безразличные к материальному миру, проводят вечность в занятиях, недоступных воображению смертного. Сколько жизней надо принести в жертву, чтобы заинтересовать Владыку — вряд ли кто-то знает.

Норлаш вздохнул и на миг отрешился от своих бед, погрузился в отрадные мечты. Что будет, если удастся освободиться и сбежать из Цитадели? Конечно, вначале залечь на дно, восстановить силы, расплатиться с помощником... а затем начать мстить. Охотиться на тараканов-храмовников и давить их поодиночке, по двое-трое, без всякой пощады и милосердия. Все, хватит, больше никогда маг не будет подвержен недостатку мягкосердечия, потому что сейчас из-за собственной доброты и страдает. Раньше он мог истреблять храмовников шутя, и Велькион бы никак их не спас, людишкам не дано противостоять Норлашу Великому, разве что единицам — но маги, равные ему по силе, не теряют время во вшивых орденах. Но нет. Стукнула ему в голову блажь, видимо, полученная от материнского воспитания — не творить лишнего зла. Да, Норлаш, конечно, чернокнижник, и к своим целям он всегда шел неукоснительно — но выбирал пути наименьшего зла, стремясь не вредить никому больше, чем того требует дело. Считал себя уравновешенным и рациональным. Храмовников и прочих врагов предпочитал просто водить за нос, оставлять в дураках — а надо было давить беспощадно. Уничтожал бы любого, перешедшего дорогу, проливал бы реки крови — и сейчас был бы свободен, потому как никто не осмеливался бы даже думать о том, чтобы поймать великого мага.

Однако Норлаш допустил ужаснейшую ошибку, забыв, что даже у самого могучего существа может быть период слабости. Однажды он слег от тяжелой болезни — и храмовники, которых он в другой ситуации в два счета размазал бы тонким слоем красной кашицы, нашли его укрытие, схватили мага, мечущегося в горячечном бреде, заковали в оковы и швырнули в Яму. И вот Великий Норлаш — беспомощный, истощенный, страдающий от цинги и недоедания отчаявшийся узник, потерявший былую силу, которую вряд ли удастся восстановить полностью: пятнадцать лет в этой дыре подорвали и тело, и душу.

Он сжал зубы. Если сможет — выберется. Совершит невозможное и сбежит. А если сбежит — отомстит, страшно отомстит. Не простит никого, не забудет ничего, ни единого дня в этом сыром аду. И будет воздаяние его ужасным.

Однако чтобы это осуществилось — надо вначале сбежать. Маг отодвинул в сторону часть соломенной подстилки и нащупал ладонью канавки руны владения. Отсюда, из Ямы, невозможно захватить разум даже убогой пичуги, кандалы не позволяют — но возможность видеть глазами самых мелких и безмозглых птиц все же осталась. Сегодняшний сеанс потребует выложиться на полную, преодолевая чудовищное сопротивление оков-душехватов — но он сможет. Недаром Норлаш — величайший маг из людей.

Губы беззвучно зашевелились, читая заклинание, весь мир потемнел и растаял, астральный аспект Норлаша оказался в черной пустоте, только мимо шмыгали яркие огоньки чужих душ. Пришлось немного поднапрячься, избегая столкновений и выискивая подходящую жертву, к которой можно было бы приблизиться и проникнуть в нее.

Процесс занял некоторое время, затем жертва — крохотный комочек простейших инстинктов — была найдена. Норлаш плавно приблизился и перетек вовнутрь. Несколько раз моргнул, справился с головокружением, вызванным необходимостью смотреть глазами, отличными от человеческих и видящих мир совершенно иначе и в других цветах, затем поборол приступ страха высоты. Ну да, птица. Судя по всему, голубь или воробей, сидит на ветке или карнизе. Или нет, невысокая крепостная стена, окружающая Цитадель.

Самое неприятное в попытке смотреть глазами птицы — это сама птица, точнее, ее поведение. Норлаша интересует происходящее внизу, но птицу может интересовать происходящее рядом, выше, ниже, другие птицы на соседней ветке — что угодно, но не то, что нужно магу. А если птица к тому же быстро меняла объекты своего интереса, ее постоянное верчение головой причиняло сильнейшее неудобство и вынуждало прекращать сеанс.

В этот раз, к счастью, пичугу интересовала земля, возможно, она высматривала оброненные крошки. Внизу — двор Цитадели, снуют люди, стоят в стойле лошади, производится утренний развод караула... Нергал возьми.

Все это Норлаш уже не раз видел. Сейчас его интересует местность за пределами Цитадели, потому как в столице Зоданги он сам никогда не был, города не знает, а для побега это критично. Не повезло с выбранной птицей. Тут вариантов два: либо ждать и надеяться, что пичуга куда-то переместится или голову повернет, либо прервать сеанс и попытаться еще раз, хотя силы может уже и не хватить...

В этот момент раздался странный шум и гам. Птицы слышат звуки совсем не так, как люди, и разобрать что-то нельзя... Часто ли такое бывает? И что именно происходит? Ну же, птица, ради всех богов и демонов, голову поверни хоть немного!

Тут в поле зрения попали солдаты-новобранцы, бегущие к воротам и пытающиеся поспешно их закрыть. Лязг и удар — и створки распахиваются настежь, опрокидывая людей, словно от удара тарана, а во двор, размахивая оружием, вбегают воины огромного роста.

К счастью, птица не испугалась — а чего ей пугаться-то, она же высоко сидит — и потому Норлаш, невзирая на частые повороты ее головы, сумел разобрать, что там внизу происходит.

Огромный рост нападающих был хорошо виден в контрасте с невысокими солдатами, хотя в храмовники берут только людей выше среднего. Огромные топоры, мечи и палицы, массивные наплечники, рогатые шлемы...

Вот один из них врезал подвернувшемуся под руку храмовнику, человек отлетел изломанной куклой в сторону. Нападающие, проявив нечеловеческую силу в придачу к нечеловеческому росту, крушили титаническим, неподъемным для человека оружием всех и вся. По меньшей мере два десятка их ворвалось в крепостной двор, который сразу же превратился в забойный. Это было даже не сражение — бойня. Караульных, выскочивших из помещения у ворот, разметал всего один противник, играючи разрубая их здоровенным топором.

Доигрался король Зоданги, мрачно подумалось Норлашу, с орками шутки плохи — и вот они уже в самом сердце столицы. Хотя... орки в доспехах? Это что-то новое под тремя лунами. Вот несколько рыцарей, оседлав своих лошадей, примчались на помощь избиваемым пехотинцам, надеясь повлиять на ход битвы, но куда там... Ближайший титан направил на них свой молот — и с него сорвалась ослепительная молния.

Птица в страхе сорвалась с места и Норлаш спешно разорвал связь.

Ну и дела. Орки в доспехах и с магическим оружием?! А вот идея совместить топор с боевым посохом небезынтересна, да...

Норлаш прикрыл руну подстилкой и уселся сверху. Эх-х, а как не вовремя орки пожаловали! Вот сейчас, сними кто с него оковы, был бы идеальный момент для побега — но оковы пока на нем. Тут до него донесся говор охранников — на этом ярусе Ямы их трое, два воина и жрец — встревоженно обсуждают происходящее наверху, они еще не знают того, что видел Норлаш. Сюда, в Яму, сверху долетает только неясный шум... Нападающие пошли на штурм главных помещений Цитадели? Кто? И зачем? С другой стороны, было бы наивно полагать, что они пришли только ради небольшой разминки в крепостном дворе.

Один из охранников отворил тяжелую дверь и выглянул наружу, в лестничный колодец, и как раз в этот миг приближающийся душераздирающий вопль влетел в дверь и прервался грохотом и звоном, с каким закованное в доспехи тело падает с высоты на камни, следом донеслись звуки сражения: удары металла о камень, металла о плоть, плоти — о камни. Вот особо мощный удар, словно тараном да в стену, вопли людей...

Норлаш напряг слух. Крики боли и ужаса избиваемых храмовников говорили о том, что эта братия — надо отдать им должное, не робкого десятка люди — столкнулась с непосильным противником. С кем — неизвестно, но это точно не орки, иначе от их громогласных боевых кличей уже тряслись бы стены, сражаться молча дети степей не умеют.

Маг еще раз тщательно пересчитал слагаемые, но результата не получил. Огромный рост, соизмеримый разве что с орочьим, и огромное оружие, соизмеримое с орочьим, но все остальное — доспехи, магическое оружие, сражение в полном молчании — совсем не вяжется с самими орками. Вместе с тем, откуда еще взяться таким силачам?! Огры-карлики? Слишком тупые для военного дела, а огр-маг это еще невозможнее, чем сухая вода или светлая тьма...

Тут сражение в Цитадели начало спускаться вниз, звуки битвы усилились. Троица охранников, колебавшаяся, оставаться на посту или попытаться вопреки приказу подняться наверх, приняла решение: дверь заперли, наложили засов и отошли на несколько шагов.

— Глупцы! Снимите с меня оковы и я помогу вам сражаться! — закричал какой-то узник, охранники, впрочем, не купились на эту уловку.

Прошло минуты две, затем в дверь — дуб, окованный сталью, покрытой рунами Велькиона — чем-то грохнуло. Стражники с мечами перегородили узкий проход между клетками своими щитами, жрец, стоя позади, принялся плести зачарование, подавляющее вражескую магию, и Норлашу это причинило почти физическую боль. В других условиях он бы только рассмеялся — но сейчас, лишенный возможности использовать магию защиты, лишь болезненно морщился.

Внезапно дверь буквально высадили, да так, что раскололи на части, и куски досок влетели в коридор, в следующий миг в проем буквально влетела закованная в металл громадина. Удар палицы почти что сплющил первого мечника, второго нападающий убил ударом кулака. Жрец завопил, призывая на помощь Велькиона и читая заклинание изгнания демонов, только не помог ему его божок. Легкое движение огромной бронированной ручки — и жрец впечатывается в противоположную стену.

А ведь орк бы так не смог, подумалось Норлашу. А в следующий момент гигант завопил глубоким мощным голосом то, чего узник ожидал меньше всего.

— Норлаш! Норлаш, где ты?!

И еще более удивительным было то, на каком языке он заговорил. Абсолютный язык. Язык демонов и богов, известный любому чернокнижнику, где бы он ни жил.

Пока Норлаш, изумленный до глубины души, переваривал услышанное, гигант, оглядев этаж и не услышав ответа, двинулся на выход. Остальные узники испуганно молчали, и тот подумал, что искомый маг не здесь.

Чернокнижник с трудом встал и подошел к решетке на подгибающихся от слабости ногах, ухватился за прутья.

— Я Норлаш, — крикнул он вдогонку уходящему.

Тот крикнул кому-то еще, и уже на совершенно незнакомом языке. Почти сразу послышались мерные тяжелые шаги, и в поле зрения Норлаша появился еще один гигант, еще более титанический, и чем ближе он подходил, тем больше маг поражался ужаснувшей его догадке.

Доспехи весили, должно быть, пудов десять, но хозяин нес их легко и непринужденно, словно вторую кожу. Слово родился в них. Вся его массивная фигура излучала колоссальную силу и... мощь. Ту самую мощь, от которой мурашки идут по коже даже у самых бывалых чернокнижников. Наплечники и нагрудник из черного металла украшены черепами, и только немногие знают, чьи это черепа: то, что на левом наплечнике, когда-то было лицом назриля — искусителя, на нагруднике — непонятно чьи лицевые кости, на правом, судя по рожкам — голова какого-то из демонических псов, а позади шлема закреплены массивные рога, явно принадлежавшие кому-то из старших демонов. Вся махина украшена везде рогами и клыками поменьше, и судя по количеству, на декорацию этого комплекта доспехов было пущено десятка два демонов низкого ранга.

Громила остановился по ту сторону решетки и взглянул на Норлаша с высоты своего роста. Магу понадобились все его силы, чтобы преодолеть совершенно естественное для смертного желание рухнуть на колени и закрыть голову руками, хотя тяжелый взгляд буквально впился в душу, а аура, окружающая массивную фигуру, заставляла воздух вибрировать от колоссальной, невиданной, ни с чем не сравнимой силы.

Владыка. Воистину мифический демон явился к Норлашу лично... и не один.

Маг, напрягая всю свою волю, выдержал поединок взглядов, не согнулся. Он всегда говорил с демонами как равный — и будет держать марку до конца. Даже перед Владыкой. Даже несмотря на свое бедственное положение. Ведь раз демон явился к Норлашу без вызова и приношения — значит, ему что-то нужно.

Шлем с поднятым забралом позволял разглядеть часть лица, вроде бы человеческого. Мощный подбородок, крупные черты, сломанный нос — и глаза, буквально светящиеся поразительным внутренним светом. Интересно, где демон нашел себе подобное вместилище, ведь людей такого роста и комплекции не бывает. Но, видимо, использует его уже не впервые, раз так заморочился с разукрашиванием доспеха черепами... И вообще, вполне возможно, что и вместилище, и броня — на самом деле одно целое, вроде голема из плоти и металла, слишком уж легко хрупкая плоть несет тяжесть доспехов, слишком непринужденно.

— Я ищу источник магической силы, — заговорил демон глубоким, мощным баритоном, — и мне сказали — ты знаешь, где такой найти.

— Конечно, знаю, — отозвался Норлаш, — если уж на то пошло, то любой маг — источник ее.

— Мне нужен мощный. Очень мощный.

— Это очень относительное понятие. Могу лишь догадываться, какова должна быть

сила источника, чтобы даже ты назвал его мощным. Зачем тебе человеческая магия, о великий?

Демоны — существа скрытные и хитрые, но этот оказался не таким.

— Мне нужно открыть портал в мой мир.

— А разве ты протащил в Сангарию свое вместилище и... своих слуг как-то иначе?

— Портал был недостаточно велик. Я смог провести через него лишь полсотни воинов.

А теперь мне надо провести и остальных.

Вот оно как. Безусловно, завоевание целого мира — занятие, вполне достойное Владыки.

— Остальных — это сколько? — осторожно уточнил Норлаш.

— Всех. Десять тысяч.

— Вот так размах, — ухмыльнулся маг, — и... что дальше?

— Я завоюю этот мир.

— Что ж. Я знаю целых три источника достаточной силы... Один из них утерян, второй еще не факт что до сих пор существует, но третий... Сфера Королей — слышал про него?

— Он мне и нужен.

— Так в чем проблема, о великий? — с иронией спросил маг.

— Твой ученик рассказал, что его истинная сила пробуждается лишь в определенные моменты при определенных ритуалах. И для этого нужен маг. Твой ученик рассказал, что учитель твоего учителя написал манускрипт о пользовании Сферой Королей.

— Я понял тебя, — кивнул Норлаш, — но... а что с этого мне?

— Выбраться отсюда — недостаточно?

— И сам выберусь, особенно после того как ты перебил храмовников. Слишком мала плата за мою помощь.

Демон промедлил несколько секунд, затем спросил:

— Чего ты хочешь?

Теперь уже промедлил Норлаш. В самом деле, чего он хочет? Мести жаждала его душа, но сейчас все ужасы его гипотетического возмездия просто меркнут на фоне беды, нависшей над этим миром. Демон-завоеватель явился все равно что во плоти и привел с собой малый отряд. Когда портал откроется и полчища демонических захватчиков ринутся в Сангарию, начнется ад кромешный. Конец света, вот что случится. Конец всего сущего, и вот еще один материальный план бытия падет перед натиском потусторонних тварей, превратится в очередной демонический мир.

И Норлаша это устраивает.

— Я хочу, выражаясь фигурально, место в первом ряду, — сказал он, — откуда мне будет хорошо видно, как этот мир будет пылать в огне, как он рухнет в бездну. И тогда пусть тьма ляжет на землю. Вот чего я хочу.

Глаза демона вспыхнули внутренним огнем, но голос остался ровным.

— Значит, договорились.

* * *

Келленсилль уже собиралась шагнуть в тронный зал, когда ее слуха достигли звуки шагов. Подкованные сапоги, через главную дверь — к трону. Торубаэль вернулся, догадалась

княжна.

Вошедший прошагал до самого трона и Келленсилль услышала голос вождя карателей.

— Я пришел, мой князь, доложить о выполненном долге. Говорящий скот сторицей заплатил за пролитую кровь.

Тяжелый, печальный вздох отца княжна услышала даже сквозь занавесь.

— Ты хорошо справился, Торубаэль, как обычно. Что-нибудь еще?

— Да, мой князь. Я хотел бы отнять немного твоего времени, чтобы рассказать об одном мальчике, которого я встретил этой ночью.

— Говори, — разрешил старый князь.

— Он оказался слишком мал, чтобы платить цену крови, но обещал отомстить за смерть его матери, когда вырастет. На это я ответил ему, что возможность отомстить мне лично появится, как только он убьет одного из нас.

— И что же?

— Мой князь, я решил рассказать тебе об этом, потому что на моей памяти это не десятый и не двадцатый подобный разговор. Таких мальчиков было много. И многих из них я позже убивал, когда они вырастали, а затем этот же разговор повторялся с их сыновьями, и так далее. Я хочу сказать одну вещь... Неприятную. Все это бессмысленно. Мы жестоко мстим людям, но это ничего не дает. Они убивали нас тысячелетия назад, когда мы еще владели землями от внутреннего моря до внешнего, они убивают нас сейчас, они будут убивать нас и впредь. Все эти тысячелетия мы карали их, как велят нам наши традиции и наши князья — и вот итог. Вечный Лес — наше последнее убежище, и нас стало так мало, что под его Сенью хватает места для всех. И только теперь, пару веков исполняя долг карателя, я понял, почему.

— И почему же? Говори.

— Потому что нашего возмездия недостаточно. Мы вырезали и сожгли целую деревню, отомстили за Уллэмаля. Но Уллэмалю было триста лет. Пройдет сто лет, пока его сын станет взрослым и освоит искусство отца. За это время дети, которых мы пощадили этой ночью, вырастут, родят детей, вырастят их и умрут. И их дети успеют вырасти и произвести потомство, и их дети, и дети их детей. За короткие сто лет у людей меняется пять поколений. И за эти пять поколений дети, которых мы не убили сегодня, превратятся во много сотен людей, если не в тысячи. Это больше, чем мы убили этой ночью. Наша потеря — Уллэмаль — гораздо тяжелее, чем потери, которые мы нанесли людям. Но даже не в этом дело.

Наисветлейший, я прошу прощения за мой зашоренный, ограниченный ум. Я должен был догадаться раньше, но смог только сейчас. Мы, щадя детенышей этого скота, сами готовим наших же врагов. Тот мальчик вырастет с ненавистью к нам в сердце, и такими же будут его дети, и дети его детей. И эта война будет продолжаться, как продолжалась тысячи лет. Люди всегда будут ненавидеть нас, но их с каждым веком все больше, а нас... нас уже почти не осталось, и если бы не Сень Леса — люди и тут уже хозяйничали бы.

Мой князь! Я хочу сказать тебе, что все, что я делал многие годы — путь в никуда. Путь к вымиранию. Мы поколение за поколением пожинаяем плоды ошибок того добрейшего князя, который тысячелетия назад сказал «да пусть себе живут, кому они мешают?», и той добрейшей княгини, которая решила, что люди не заслуживают того, чтобы мы... регулировали их количество. И что хуже всего — мы не можем свернуть с этого пути. Сил на полномасштабную войну у нас уже нет, люди слишком окрепли, их слишком много. И мы,

как века до этого, идем по протоптанному пути в никуда, и в конечном итоге, если не начнем убивать людских детенышей — там и окажемся. В небытии.

Старый князь вздохнул.

— Не ты первый каратель, который говорит мне это, Торубаэль. Но традиции предков указывают нам путь сквозь дебри мироздания вполне определенным образом... Да, уничтожая поселения полностью, вместе с детьми, мы могли бы решить проблему, но... Кто отдаст такой приказ? И кто станет его выполнять?

— Не нужно объяснять мне все то, что я и сам понимаю. Ты мой князь, а я — твой каратель, и я выполняю твои приказы без объяснений, сомнений и колебаний. Я не знаю решения проблемы, я ведь воин, а не светлейший — просто подумал, что тебе, мой князь, будет интересно узнать то, что я понял. Ты Наисветлейший — на тебя я и возлагаю бремя направлять меня.

— Увы, Торубаэль... Я не первый князь, который так и не нашел верного решения. Что ж. Может быть, мой преемник будет мудрее меня, все, что я могу сделать — начать церемонию Приношения поскорее.

— Ты не передумаешь, Наисветлейший?

— Нет. Я уже слишком стар, и моя гордость требует, чтобы я сам взошел на алтарь, без посторонней помощи. Самое время для меня присоединиться к остальным.

— Я склоняюсь перед твоим решением.

— Тогда ступай.

Келленсилль услышала, что Торубаэль идет в ее сторону, а не к выходу. Должно быть, заметил тень за занавеской.

Командир карателей появился перед ней, отодвинув занавесь в сторону, и склонил голову в поклоне.

— Приветствую, светлейшая. Я так понимаю, тебе не удалось отговорить отца?

Княжна покачала головой:

— Боюсь, что это невозможно. Примем как данность, нам неподвластную.

— Что ж... Тогда, полагаю, я уже могу называть тебя Наисветлейшей?

— Скорее всего, что да, если только не найдется неожиданного претендента или кто-то не передумает. А пока что все те, которые могли бы меня одолеть на Турнире Князей, посылают ритуальные поздравления и отзывают свои кандидатуры. Если ничего не изменится — Турнир Князей будет чистой формальностью, без намека на серьезное противостояние. Скажи мне, Торубаэль... Если князь или княгиня прикажет тебе убивать и детей тоже — ты согласишься выполнить этот приказ?

Торубаэль отвел взгляд, задумчиво изучая деревья за окном.

— Знаешь, Келленсилль, я дам тебе честный ответ после того, как ты задашь этот же вопрос всем остальным карателям. Опасаюсь, после этого мой ответ тебе уже будет не нужен.

— Скорее всего, так и будет. Но я согласна с тобой в том, что, делая одно и то же, и результат будет одним и тем же.

Как только Торубаэль ушел, княжна вышла на балкон с графином кленового сока и парой свитков. С отцом она говорить передумала, все то, что она сама собиралась сказать, сказал командир карателей. Одна и та же мысль приходит в головы многим, но никто не может найти работающее решение. Однако биться в силках безысходности Келленсилль будет последующие века, а сейчас стоит воспользоваться отсутствием статуса, а значит — и

Мирдана несколько раз повернулась у огромного тройного зеркала, проверяя, как сидит на ней платье. На балу она в последний раз была полгода назад, перед отъездом в летнюю резиденцию, расположенную в дичайшей глуши: небольшой замок на острове посреди озера, а само озеро — посреди обширного леса. Стратегическое расположение, безусловно, крайне удобное, именно потому замок Кэр Ланзендэлл вот уже пятьсот лет используется королями Талсидонии как место, где можно спрятать свою семью на время смуты, и за это время оброс большим количеством легенд и небылиц.

Говорят, строитель Ланзендэлла, Мирдорий Мудрый, воспользовался помощью высших сил. По одной легенде, это был ковен могущественных ведьм, по другой версии, Мирдорий сумел найти на берегу священного озера спящую богиню и срезал у нее один локон, который, будучи брошенным на ветер с башни Ланзендэлла, упал на пустынную прежде землю и обратился дремучим волшебным лесом. Еще целая куча баек на разные лады рассказывала, как Мирдорий выкручивался, когда разгневанная богиня явилась наказать нахала.

На самом деле, все было немного иначе. Ланзендэлл стоял еще при отце Мирдория, Кайлане Втором, но был всего лишь крохотным королевским охотничьим домиком. Лес вокруг был насажден Кайланом же, потому как охотник он был заядлый, но все охотничьи угодья были потеряны после неудачной войны с эльфами. Кайлан, не мудрствуя лукаво, потратил немало денег на насаждение нового обширного леса, дабы на старости иметь где предаться своей страсти. Мирдорий Мудрый же был чужд подобным жестоким забавам, но стратегическое положение замка оценил. Он воспользовался случаем, когда из-за большой засухи далеко на юге леса гибли, превращаясь в степи, а населявшие их кланы эльфов были вынуждены переселяться, и заключил договор с одним из кланов. Бездомные эльфы на веки вечные получили в свое владение Ланзендэлльский лес, обязавшись до конца времен оберегать Кэр Ланзендэлл, и теперь этот замок можно по праву считать самым неприступным на свете: осада посреди кишящего эльфами леса — предприятие не только совершенно безнадежное, но еще и на редкость гиблое, причем гиблое в буквальном смысле.

Сама Мирдана, впрочем, полагала, что эльфы перегибают палку. Потому как на деле замок был не только неприступен, но еще и недоступен, без королевской грамоты посторонним туда не попасть. Ни торговцам, ни бродячим артистам нет хода, и даже когда принцесса захотела изучать живопись, ей пришлось лично выехать навстречу приглашенному учителю, потому как эльфы, слишком жестко трактуя давний договор, не желали пропускать кого бы то ни было без королевской грамоты или устного слова персоны из королевской семьи. И потому полгода прошли в весьма полезных занятиях с мудрыми учителями и играх с младшей сестренкой, но увы, самым частым спутником принцессы стала скука, в какой-то мере скрашенная необычным соседством: в лесу, на берегу озера, жил незнамо откуда взявшийся бродячий орк.

Вернувшись в столицу, Мирдана узнала не самые приятные новости: на отца дважды покушался свой, талсидонский дворянин, а буквально за пару часов до бала — еще и чужестранный посол. Кархад, давний друг детства, вернулся с войны изуродованным и

искалеченным. На фоне этого победа над Ханнаем не очень-то и радовала.

Но больше всего ее заинтересовал новый телохранитель отца. Темных эльфов Мирдана никогда воочию не видела, только в детстве няня говорила, что они ночами шастают по земле, чтобы найти непослушных детей и уволочь к себе в подземное царство. Возможно, именно потому, когда принцесса подросла, дроу стали казаться ей сказочным народом. Она, конечно, знала, что темные эльфы действительно существуют, и их Подземье существует, но дроу продолжали оставаться для нее сродни сказки. Где-то они есть, но далеко-далеко, не в Талсидонии. И тут внезапно один из них становится личным телохранителем отца, спасшим ему жизнь. Вот уж новость, так новость.

Как назло, за день с момента своего возвращения Мирдана видела отца лишь три раза, и он приходил все время без телохранителя, и теперь принцессу просто сжигало любопытство: какой он из себя, таинственный, овеянный мрачными легендами темный эльф?

На балу принцесса появилась в сопровождении полагающихся ей по статусу четырех фрейлин, двух из них она видела первый раз в жизни. Должно быть, дочери каких-то приграничных дворян, потому что всех своих ровесниц из мало-мальски приличных семейств Мирдана знает как минимум в лицо, хотя на имена память не очень. Да и вообще, робкие девчушки, сразу видно, что в столице и во дворце еще не освоились.

Двум другим, давним подружкам Айни и Лэтти, принцесса очень обрадовалась и сразу же после приветствий засыпала вопросами, где, кто, что и как. Лэтти пытаются сосватать за младшего сына какого-то мелкого дворянина, у Айни намечается помолвка со старшим сыном барона Гэрри, в столице намереваются разбить новый парк с озером и лодками, послезавтра должен прибыть огромный караван торговцев с заморскими товарами, а какой-то предприимчивый конный заводчик вывел новую породу маленьких и очень симпатичных пони. В общем, новостей куча за полгода накопилась.

— А вы видели темного эльфа? — полюбопытствовала принцесса.

— Ох, лучше бы не видела, — всплеснула руками Лэтти, — он просто ужасен! Убивает, кого ему вздумается, прямо во дворце, а самых невезучих бедолаг волочит в темницу и там пытает до смерти!

Эту новость принцесса восприняла крайне скептически.

— Вот так прямо во дворце налево и направо убивает? И многих убил? И, главное, откуда сведения такие?

Как и ожидалось, помимо сплетен подружки других источников не имели, однако Айни все же отыграла одно очко:

— А что, слуги просто так шепчутся, без причины? Вот не далее как сегодня прямо на королевском пиру он порешил не то троих, не то четверых дворян и иностранного посла в придачу.

— Ариант свидетель, Айни, слуги глупы и склонны преувеличивать! У страха глаза велики, но видел ли кто-то воочию все эти злодеяния? Или хоть какое-то одно?

В этот момент сбоку подошел старый слуга в праздничной ливрее, с подносом сладостей, который с поклоном предложил вниманию ее высочества и фрейлин, и очень тихо прошептал:

— Ваше дражайшее высочество, я видел собственными глазами, как по коридору для слуг стражники несли покойника, и было это не далее как два часа назад.

Мирдана выбрала себе пирожное с изысканным кремом, жестом предложила угощаться своим спутницам и спросила:

— А он точно был мертвый? Может, просто перепил?

— Уж простите за ужаснейшие детали, но вы пожелали их знать. На пол капала кровь, словно капли воды с зонтика под ливнем.

— О, Фиттус, а я тебя и узнала не сразу, — сказала принцесса, — только как ты про зонтик сказал...

— Безмерно счастлив, что вы вспомнили меня, — ответил старый слуга, — а что не сразу — так годков немало прошло с того времени, как я носил зонт над вами. Вы совсем маленькой были.

— А что произошло на пиру?

— Подробностей не ведаю, я там лишь распорядился переменами блюд, и вот после очередной перемены мы услышали, что в зале что-то происходит. Потом выбежала группа дворян, затем еще стражник, он потом вернулся, приведя целительницу Тэнру. Шел там разговор на повышенных тонах, ну и в конце вышли стражники, неся тело. Капитан Сазз сказал — покушение было. Отравить пытались отца вашего во время обноса ковшей, а с ним еще человек то ли пять, то ли шесть, среди них граф Криштан Арканайский и граф Карлайл...

— Как, и Кархад?!

— Так рассказал капитан.

— И?!!

— Новый телохранитель заметил, как яд сыплют, и всех спас. Только какого-то барона отравить успели, но этот дроу, оказывается, противоядие знал. Барона сейчас лечат. Выживет ли — неизвестно.

Мирдана задумчиво откусила от пирожного, проглотила, затем спросила:

— Так отец, значит, пожаловал Кархаду титул графа?

— Истинно так. Когда его величество приказал подать барону Карлайлу кубок в последний раз — именно я имел честь исполнить приказ.

— И... как он? Кархад? Говорили, ему на войне досталось?

Старый слуга немного стусевался.

— Ох, тяжело мне это говорить... Слегка ему... ухо укоротили. И вроде бы пару пальцев, но вы же понимаете, я не смотрел.

— Главное, что не голову! — с облегчением ответила принцесса.

Тут заиграла музыка: началась формальная часть бала. В зале стали появляться разодетые дворяне, и потому принцессе пришлось отвлечься, принимая поздравления гостей и заверения в их бесконечном счастье видеть ее высочество еще более прекрасной, чем прежде. Затем появился отец, как всегда, в своем любимом праздничном камзоле слегка устаревшей моды, с буфами без разрезов, вместе со своими сподвижниками, их супругами и детьми. Мирдана, выслушивая очередную порцию приветствий от дворян и их отпрысков, глазами попыталась отыскать Кархада, но его в толпе не оказалось. Почему бы это?

Также она не заметила и темного эльфа. Стало быть, отец без него пришел? Обидно.

— Вы не видели, с отцом его телохранитель был? — спросила принцесса у своих ровесниц, прервав очередное словоизлияние с придыханием от какого-то паренька в бархатном кафтане.

Девушки ответили отрицательно: король пришел без него.

— Не сомневайтесь, ваше высочество, он где-то поблизости, — заверил Мирдану какой-то невысокий бледный парень в дорогом дублете крайне неудачного цвета, похожего на

ливреи пажей, и берете той же расцветки, из-за чего беднягу запросто можно было бы принять за слугу.

Неудача. Что ж, после бала надо будет все-таки отыскать этого дроу и посмотреть, каков он. Затем принцесса выбросила эльфа из головы: музыканты заиграли громче и быстрее.

Первый танец Мирдана, как обычно, танцевала с Кришганом Арканайским: к старому графу она с детства относилась как ко второму отцу. Замок Ланзендэлл находился в его землях, и принцесса частенько гостила в арканайском замке даже в отсутствие самого графа, который зачастую бывал нужен королю в столице, считая его резиденцию своим вторым домом в большей степени, нежели Ланзендэлл.

— Говорят, сегодня на пиру папу пытались отравить, и вас с ним заодно, — прошептала принцесса ему на ухо.

— Первый раз, что ли, — ухмыльнулся в седые усы граф.

— Говорят, папин новый телохранитель помешал?

— Ох, не вспоминайте лучше об этом негодяе, — попытался отшутиться Кришган.

— Ай-ай-ай, — подхватила его шутливый тон Мирдана, — он, стало быть, жизнь спас и вам в том числе, а вы его негодяем зовете.

— Все дроу — негодяи, — совершенно серьезно ответил граф, — да, этот свое дело знает, ведь он и сам убийца. И никогда нельзя быть уверенным, что в его голове нет намерений очередного предательства... Я говорил вашему отцу, что он решает проблему наемных убийц, позволяя находиться за своей спиной самому ужасному из них... И трагизм в том, что теперь, после уже второго спасения, я не изменил своего мнения об этом дроу, но лишился аргументов... Ах, не забивайте свою прелестную головку всем этим.

Лишь только намерившись после танца вернуться к обсуждению новостей и моды, принцесса внезапно краем уха услышала встревоженный шепот. Повернув голову, она заметила у дальней стены, в самом темном углу, того самого парня в дублете неудачного цвета, а шепчет, стоя подле него, сенешаль дворца, пожилой и дотошный Винц, причем старика не узнать: глаза на лбу, если б не парик — наверно, и волосы дыбом стояли бы. Мирдана подкралась поближе и прислушалась.

— Это блюда для гостей, а не для слуг!

— Правда? — как-то вкрадчиво спросил парень, прожевав миниатюрный рулетик с икрой, — я вот сколько тут стою — желающих подойти да отведать нету. Хреново, стало быть, сготовлено.

— Прекрати немедленно! И вообще скройся с глаз, окаянный!

— Надо же, — протянул тот и взял со столика с подносом, у которого стоял, очередной рулетик: — по натуре ты прислужник, а интонации как у большого господина. Позволь я объясню тебе одну простую вещь: служить — еще не значит быть слугой. Если я вызвал чем-то твое недовольство — вон, короля видишь? Подойди к нему и пожалуйся. Потому что на всех остальных, включая тебя, мне плевать. А теперь ступай прочь, занимайся своим делом и не мешай мне делать мое.

При последних словах глаза парня в дублете блеснули, словно у кошки, и Мирдана окончательно убедилась: это и есть дроу. Теперь понятно, отчего в берете, словно паж: уши прячет.

Она подошла поближе, и Винц тут же с поклоном ретировался.

— Уши под шапку спрятать можно, а глаза — нельзя, верно? — сказала принцесса.

— Можно, — беспечно отозвался парень, — вы меня сразу не узнали и не узнали бы вообще, не прицепись ко мне этот старый хрыч. Не обессудьте, что головной убор снять не могу, иначе бал будет протекать в несколько напряженной обстановке. Чем могу быть полезен, ваше высочество?

— Да ничем, хотелось просто на тебя посмотреть. Ну и заодно «спасибо» сказать, что отца спас и прочих достойных людей.

Телохранитель остался совершенно невозмутим.

— Не стоит благодарить, я сделал это за деньги, которые платит мне ваш отец.

— А ты довольно прямолинеен. Про вас говорят, вы народ очень... хитрый и коварный.

— Есть такое, — согласился дроу.

Принцесса с любопытством его разглядывала. Среднего роста, лишь немногим выше ее, худощавый, лицо узкое, элегантное, с тонкими чертами, глубоко посаженные живые глаза с цепким взглядом.

— А почему у тебя кожа не серая?

— Покрасил, чтоб в глаза не бросаться.

— А правду говорят, что твой народ враждебен другим народам, включая людей и эльфов?

— Смотря кто говорит. Мой народ считает, что это все остальные враждебны нам. Хотя с какой стороны ни глянь — результат один.

— А почему ты ушел из своей подземной страны?

— Долгая история, которую поймет лишь тот, кто очень хорошо знаком с моим народом. Если коротко — из-за семейных неурядиц. Мать Дома Арн'Кай, младшим сыном которого я был, взъелась на моего отца и вознамерилась его сменить. Отец попытался отравить ее, но не получилось, и тогда ему пришлось бежать. И я сбежал вместе с ним.

— Честно говоря, я что-то не очень хорошо поняла... Дом — это благородное семейство?

— Верно.

— Так ты дворянского происхождения?

— По вашим обычаям — да. По обычаям моего народа — не совсем, ведь я мужчина.

— Теперь я ничего не понимаю.

Дроу терпеливо объяснил:

— У нас женщины выше и сильнее мужчин, кроме того, наша богиня принимает служение только от женщин. У моего народа — полный матриархат, мужчины не имеют никаких прав, кроме пожалованных своей госпожой.

Мирдана обдумала услышанное.

— А я и не знала, что у вас так, — сказала она.

— Вы еще очень много не знаете о нас — и поверьте, что не много потеряли.

В этот момент прямо из-за угла появился Кархад собственной персоной. Мирдана сразу же забыла о телохранителе отца и радостно улыбнулась другу детства.

— А ты не очень-то и спешил. Заставил меня поволноваться.

Кархад тоже улыбнулся и с поклоном произнес:

— Безмерно счастлив вновь лицезреть вас, прекраснейшее высочество. Стыдно признаться — опоздал, потому что парики мерял... Как-то страшновато было без парика на глаза показаться...

— Это говорит человек, дравшийся с толпами ханнайцев?

— Да вот и я подумал, что это малодушно — парик носить.

Принцесса придирчиво его осмотрела:

— Да уж, обкорнали ухо тебе слегка, но это ерунда, ты им меч не держишь. А что с рукой?

Молодой рыцарь продемонстрировал левую руку без мизинца и с укороченным безымянным пальцем:

— Тоже ерунда. Просто крепление щита надо будет немного переделать.

— И угораздило же тебя...

— Меня не угораздило — напротив, я редкий везунчик.

Тут он обратил внимание, что парень в дублете — не лакей, и, как того и требует этикет, вежливо поздоровался.

— И вам приветствие, коль не шутите, сэръ рыцарь, — ухмыльнулся дроу.

— Ты!! — узнал его Кархад.

— Он самый я.

Мирдана уловила напряженность между ими обоими. Не поладили? Или Кархад недолюбливает темных эльфов? Это она скоро выяснит.

— Сейчас будет второй танец, — сказала принцесса Кархаду, — угадай, с кем ты танцуешь?

Тот, позволяя ей увлечь себя ближе к центру, бросил косой взгляд на дроу и ответил:

— С самой прекрасной леди на этом балу?

— Не угадал, льстец. Со мной.

В этот момент за спиной раздался грохот падения и звон разбитых бокалов. Мирдана и Кархад одновременно обернулись.

На полу у ног дроу лежали слуга, разносивший напитки, и Вайтреллинэль, один из двух придворных магов. На лице слуги — ужас и растерянность, эльфа же буквально перекосило от злости.

И в этот момент дроу громко и отчетливо, чтобы весь окружающий честной народ услышал, произнес:

— А я думал, все эльфы очень ловкие и проворные...

Вайтреллинэль поднялся, левой рукой стряхивая с камзола то, что еще не успело впитаться, правая сжалась в кулак, и Мирдане показалось, что меж пальцев у него струится дымок. Взгляд, полный бешенства, буквально пытался прожечь дроу, но тот сохранял полную невозмутимость.

— Ох, простите мне мою неучтивость, я не имел в виду ничего обидного, просто удивился слегка, что столь ловкий господин, как вы, упал на ровном месте, да еще и прямо на слугу, — сказал он.

Принцесса хорошо видела мучительную борьбу на лице мага, но затем тщательно выпестованное в каждом эльфе самообладание взяло верх над гневом. Вайтреллинэль резко развернулся и пошел прочь из зала.

— Да ты успокойся, приятель, — обронил дроу слуге, — все видели, что ты не виноват, этот эльф сам на тебя свалился. Убери тут быстренько и никаких проблем.

— Гребаный дроу, — процедил Кархад настолько тихо, что принцесса не столько услышала его слова, сколько угадала, что он сказал.

— Что такое? — насторожилась Мирдана.

— Готов прозакладывать свой герб, что это дроу толкнул Вайтреля... Или подножку

поставил. Недомерок...

— Зачем ему так делать?

— Это я у него сам спрошу... попозже.

В этот момент музыканты заиграли громче: начался второй танец.

* * *

Побег из темницы Цитадели прошел без сучка, без задоринки. Правда, правильнее было бы назвать его не побегом, а уходом, потому что Владыка и его отряд попросту перебили или рассеяли всех, кто мог бы встать у них на пути. Весь двор Цитадели был усеян трупами тех, кому Норлаш так хотел отомстить, на пути к городским воротам несколько раз попались тела стражников. Воистину, смертным не дано противостоять столь могущественным существам, как Владыки: он вошел в город, проложил себе путь к своей цели и так же ушел, и никто не смог ему помешать. Теперь проклятые храмовники мертвы, их потери ужасны... и Норлаш поймал себя на мысли, что сожалеет об этом. Они умерли, им уже не придется пережить того ужаса, той страшной агонии, которая ожидает Сангарию, если Владыка и Норлаш преуспеют.

Колдун уехал из города верхом на коне одного из убитых рыцарей, хотя держаться в седле ему, ослабевшему в заточении, было непросто. Злость придала сил, и всю дорогу от Цитадели до ворот он вопил, проклинал, грозил страшными карами и потрясал кулаком. Пусть знают, твари дрожащие, что их ждет.

Лагерь маленького отряда располагался в небольшом овраге в нескольких верстах от города, и здесь Норлаш среди нескольких громил с удивлением заметил своего ученика, Малантуса из Виргемы.

— Какое счастье снова видеть вас, учитель! — воскликнул он.

— А уж я-то как счастлив... Как ты тут оказался?

Вскоре чернокнижник уже знал детали своего освобождения. Поисковая группа Владыки наткнулась на храмовников, везущих нерадивого Малантуса, и освободила его, потому что Малантус говорил на языке демонов, а Владыка нуждался в переводчике. Вот тут Норлаш слегка озадачился. Владыка, не знающий ни одного языка смертных? Странное дело, ведь демоны говорят на любом наречии.

Что не менее странно — так это способ выхода на него, Норлаша. Демон-владыка, оказывается, приперся, не имея никакого понятия о великом чернокнижнике, и по чистой случайности узнал о нем от Малантуса, когда допрашивал его на предмет источника силы. Таким образом, богоравный завоеватель приперся в Сангарию, не имея ни плана, ни сведений о мире, который собрался завоевывать. Хотя... если вдуматься, тот, который может войти в укрепленный город силами едва ли тридцати бойцов, пролить реки крови, разгромить могущественный орден и беспрепятственно уйти, в особых планах не нуждается. Пришел, победил, ушел. Хотя с эльфами, надо думать, этот номер так легко не пройдет.

— Итак, колдун, где манускрипт, который мне нужен? — спросил Владыка, бесцеремонно прервав разговор Норлаша и Малантуса, — времени терять нельзя.

— Ты шутишь, о великий? Я на ногах едва держусь, не говоря уже о том, что мне бы не помешало подкрепиться. Ты-то велик и могуч, а я всего лишь больной, изможденный смертный.

— Так может, раздобыть повозку? Или лучше экипаж? — подсказал Малантус.

— Говори на моем языке! — потребовал Владыка.

— Эм-м-м... Я не знаю, как сказать «повозка» на абсолютном языке, — признался тот.

— Он говорит — надо достать повозку, — перевел Норлаш слова ученика на язык демонов, и в следующий момент Владыка буквально вогнал старого чернокнижника в ступор.

— Что такое «повозка»?

Демон, не знающий собственного языка? Абсолютный, совершенный язык, в котором любое-любое понятие можно передать лишь одной руной, был принесен в мир смертных именно демонами. И вот нате, демон, да еще и Владыка, всесильный и вроде бы всеведущий, не знает, что такое повозка.

— Повозка — это тележка для перевозки людей, которую тянут животные, — пояснил Норлаш.

— Где ее достать?

— Я покажу, — вызвался Малантус, — тут недалеко.

* * *

Р'Энкор стоял у облюбованной стены некоторое время, затем, когда король перешел в другой конец зала, чтобы переговорить с кем-то из своих дворян, двинулся следом, не выпуская принципала из поля зрения, и заодно заметил новый столик с лакомствами.

Охранять королей — довольно скучное занятие, он давно это усвоил. Особенно на балах, когда приходится стоять столбом среди болтовни и дикого шума, который людишки называют музыкой. Пытка, воистину. Но под лежащий камень вода не течет.

Вместе с тем, Р'Энкора ситуация забавляла. Ни дать ни взять — волк в овечьей шкуре посреди стада овец. Людишки такие смешные, ставят охрану у каждого входа — и спокойны. Поздно запирать хлев на замок, если хищник уже проник внутрь.

Впрочем, даже столь скучное занятие можно обернуть себе на пользу. Дворяне толкуют о своих делах, по большей части — просто бичуют языками воздух, но, если прислушаться, то можно иногда услышать и что-то полезное. Что-то, что в будущем можно будет использовать в своих интересах.

Бал шел своим чередом. Странные у людей способы развлекаться, такие же бессмысленные, как и у эльфов. Танцы... В чем их смысл? Если танец — способ ухаживания или подбора партнера — еще ладно. Но если танцуют люди, которые заведомо никогда не станут парой, женатые, замужние, разного возраста... Первый танец принцесса танцевала с союзником своего отца... Граф давно женат, и его дети уже создали свои семьи, так почему он танцует с дочерью своего господина? Странные люди.

Р'Энкор мысленно вернулся к новоиспеченному графу Карлайлу. Он — герой войны. Женщины людей — слабый пол, им нравятся сильные мужчины. Значит ли это, что у Карлайла есть виды на принцессу, или у принцессы — на него? Король повысил барона до графа, что подтверждает одно предположение — теоретически, теперь Карлайл имеет формальный шанс стать мужем наследницы престола. Надо будет разузнать, что к чему.

Когда музыканты ненадолго утихли, сделав перерыв перед шестым танцем, Р'Энкор боковым зрением выхватил из толпы Карлайла, направляющегося в его сторону.

Граф подошел прямо к нему и без околичностей перешел к делу.

— Есть разговор к тебе... Р'Энкор, да?

— Слушаю, — ответил Р'Энкор, не спуская глаз с короля и его окружения.

— Сделай одолжение, держись от ее высочества подальше.

— Я нахожусь и впредь буду находиться там, где считаю необходимым для исполнения своих обязанностей. И это касается только меня и короля. И уж тем более я не должен бегать от ее высочества, если ей захотелось со мной поговорить. Но вы не переживайте, сэр рыцарь, принцесса в любом случае не в моем вкусе.

Удар достиг цели: граф буквально задохнулся от возмущения и негодования, его рожу исказила ярость.

— Да как ты смеешь?! — процедил он.

— Боюсь, что не понимаю вас, сэр рыцарь, — ровно ответил Р'Энкор, — как я смею что именно?

— Как ты смеешь говорить такое?!

— Прошу прощения, а что я такого сказал?

Человек несколько мгновений пытался сформулировать свою претензию, затем выдал:

— Даже сама твоя мысль о том, что между тобой и ее высочеством может быть что-либо — оскорбительна! И думать об этом не смей!

Р'Энкор едва удержался от ухмылки. Все боги свидетели, этого человека чем дальше, тем забавней злить.

— Прошу меня простить, я не совсем понимаю обычаи Талсидонии. Почему моя мысль оскорбительна? И почему я не должен об этом думать?

Граф засопел, словно страдающий от одышки кабан, и процедил:

— Потому что она — королевская дочь и наследница короны, а ты, ты...

Р'Энкор склонил голову набок и сказал:

— А я, к вашему сведению, могу проникнуть в любой замок любого короля на свете и взять, что пожелаю, будь то хоть жизнь самого монарха, хоть честь его дочери. И ничье разрешение мне для этого не потребуется. Давайте мы с вами уясним одну деталь, сэр рыцарь. Законы и обычаи людей для меня, дроу, ничего не значат. Я могу сделать абсолютно все, что могу и за что мне ничего не будет. Для вас мысль о связи ее высочества с дроу неприемлема? Так это ваша забота. А я рассматриваю такой поворот событий, как вполне осуществимый. Просто потому, что я могу это сделать, я делал вещи и посложнее. И еще мне совершенно непонятно, как может быть оскорбительной мысль. Впрочем, мне вас не понять, если вы способны оскорбиться мыслью — что ж, продолжайте оскорбляться и дальше, это ваше личное дело.

Он ожидал чего угодно, от вспышки бешенства до призыва стражи, но граф Карлайл отреагировал на удивление спокойно.

— Такое впечатление, что ты предпочитаешь наживать врагов, а не друзей.

— О чем это вы?

— О том, как ты себя ведешь. Вайтрель ведь с твоей помощью упал. Вот и зачем ты это сделал?

— Ненавижу эльфов, — честно признался Р'Энкор.

— Я это и так знаю.

— Нет-нет... Я не о вражде наших народов. У меня личные причины.

Карлайл мрачно хмыкнул:

— Ну-ну. Одного дворянина, ненавидящего тебя до самой глубины души, тебе мало?

Р'Энкор приподнял бровь:

— О, вы настолько сильно меня ненавидите?

— Я о бароне Фэйде. Он ненавидит тебя так, что сильнее просто некуда.

Он зашелся в беззвучном смехе.

— Ошибаетесь, сэр рыцарь. Барон Фэйд возненавидит меня еще больше, когда узнает, что коровье дерьмо в рецепте противоядия появилось по моему слову, изначально оно там предусмотрено не было.

Лицо Карлайла вытянулось в сильнейшем изумлении, граничащем с шоком. Несколько секунд спустя он спросил:

— Как ты посмел накормить дворянина дерьмом?!

Р'Энкор посмотрел графу в глаза.

— Мне почти шестьдесят лет, и за это время никто не сумел оскорбить меня и остаться безнаказанным. Очень многие оскорбляли — и почти все они мертвы. Помните это, сэр рыцарь.

— Я запомню, — зловеще пообещал тот и пошел прочь.

Р'Энкор миролюбиво окликнул его:

— Могу я дать вам дружеский совет, сэр рыцарь?

Карлайл обернулся, слегка удивленный:

— Я слушаю.

— Когда хватаетесь за оружие в присутствии дроу, помните, что такой ход событий им почти наверняка просчитан. И этот расчет почти наверняка не в вашу пользу.

* * *

Жизнь постепенно входила в обычное, мирное русло, но не для всех. Кархад, прежде вина не особо жаловавший, намеревался вернуться в родной Карлайл и надираться до тех пор, пока ужасы войны не утонут, хотя бы на время, под толщей алкоголя, но получилось не совсем так, как планировалось. Забыться в запое — роскошь, ему недоступная, потому что прямо здесь, в сердце своей родины, он нашел нового врага.

Казалось бы, ну подумаешь, эка невидаль, дроу! О том, что не все эльфы белолицы, честны и миролюбивы, он и так прекрасно знал, но это его прежде не волновало. Это дело эльфов, ему-то что? Периодически то тут, то там Кархад слышал сплетни, что вот, мол, видали на днях дроу. Ну видали, и что с того? Дроу в Талсидонии может взяться только из лесных поселков, набегов из-под земли не было и никогда не будет, Талсидония расположена на равнине, а подземные королевства темных эльфов — неизменно под титаническими горными массивами, в лабиринтах пещер. Да, дроу большие любители устроить налет, хоть на своих светлых сородичей, хоть на кого получится, и вблизи гор нападение снизу настолько же вероятно, как и нападение из-за границы. Но дроу-подземники — как собаки на цепи. Днем они просто слепнут, и это ограничивает расстояние набегу половиной ночного перехода. И если встречаешь темного эльфа где-нибудь вдалеке от его Подземья — то это либо беглец, покинувший родные места не от хорошей жизни и новых проблем не ищущий, либо темный по крови эльф, но выросший уже на поверхности и отличающийся от любого другого эльфа только цветом кожи, волос и глаз.

Однако было из этого правила исключение, и имя ему — Р'Энкор К'Айрэн'Кинн из Дома Арн'Кай, известный также как «Ночная погибель», «Убийца королей», а также еще под доброй дюжиной зловещих прозвищ. Ходячая легенда, притча во языцах, самая желанная добыча для охотников за головами — и наглая, неотвратимая смерть для тех из них, кто осмеливался на нечто большее, нежели просто мечтать о поимке Убийцы королей.

Кархад слышал о похождениях сукина сына еще в детстве — и тоже мечтал, как однажды, поступив на службу королю, повстречает Р'Энкора в ночных залах дворца, когда тот заявится убить короля Дэнбара, и схватится с ним не на жизнь, а на смерть. Но, по большей части, Р'Энкор К'Айрэн'Кинн казался чем-то сродни дракона, могущественного лича или сошедшего на брэнную землю божества. Чем-то таким, что может случиться в загадочных далеких краях, но чего никогда не бывает тут, в обыкновенной прозаической Талсидонии.

И вот пожалуйста. Ублюдок Р'Энкор появляется в Талсидонии собственной персоной. Причем не где-нибудь, а именно в королевском дворце, только не как убийца, а как телохранитель. «Ха-ха» три раза, Кархад мог бы представить этого душегуба в любой роли — палача, людоеда, детоубийцы — но в роли хранителя?! Еще разок «ха-ха».

Теперь он, едва-едва отдохнув после войны, трясется в седле по пути в Эйльхейм, везет в дар тамошнему клану эльфов мраморную статую единорога и кучу вопросов в придачу.

Вообще-то, Кархад еще от отца усвоил: не стоит даже пытаться влезть в душу инородцу. Если своего сородича-человека еще как-то можно понять, поставив себя на его место, то чужака, будь то эльф или орк — нет. Допустим, те же орки — и вроде бы прямолинейный до невозможности народ, и вроде бы их культура и обычаи хорошо известны — а поди ж ты пойми, что у орка в голове творится и почему он такой, какой есть.

Их повернутость на славе Кархад еще кое-как понимал: быть героем все-таки приятно, это да. Почести, женщины, все такое. Но обычно слава стоит слишком дорого, и тот, кто еще месяц назад был беззаботным мальчишкой, а ныне — изуродованный герой, знает цену героизму, как никто другой. Если бы во власти Кархада было сделать так, чтобы повернуть время вспять, чтобы войны вообще не было — он бы с радостью отказался от своего нынешнего статуса, лишь бы вернуть себе свое затянувшееся и совершенно безоблачное детство, своих друзей — ну и ухо с пальцами тоже.

А орки, дети степей — совсем другой разговор. Как они сами и говорят, если жил без славы — жил напрасно. Умер без славы — все равно что вообще не жил. Для орка не бывает слишком высокой платы за славу. Врагов тысяча на одного? И отлично, тем более великой будет битва. Собственная жизнь для него вообще не цена.

Или их правдивость. Орк прекрасно знает, что такое ложь — но сам никогда не лжет, даже если это действительно необходимо. Почему — никто не знает.

— Сынок, представь себе, что стоящий перед тобой, будь то орк, гном или эльф — это марионетка на веревочках, — говорил отец. — Ты можешь с ней говорить и делать общие дела — но не можешь понять, потому что у марионетки нет своей точки зрения, она покорна воле кукловода. А кукловод этот прячется глубоко в сердце своей куклы, с ним нельзя поговорить, понять, договориться. Говорить ты можешь только с куклой, но это не то же самое, что говорить с кукольником. И все, что тебе дано — это усвоить, как кукловод дергает за ниточки в ответ на твои действия. Не более того. Понимать душу его ты никогда не будешь.

Кархад не раз убедился в правоте отца. Выучить, как реагирует на слова и действия

чужак, можно. Понять — вряд ли, потому что его разум, сердце и душа — совсем другие. Всем известно, что любой конфликт с орком имеет всего два возможных сценария развития: либо незамедлительное нападение с последующей смертью обидчика, либо будет достаточно извинений. И если извинения приняты — инцидент не просто исчерпан, орк забывает о нем. Почему? Только Восьмеро знают глубинные причины, и может быть, сами орки.

Или эльфы. Такие же древние, как и орки, но гораздо более сложные натуры. Эльфы не принимают подарков, имеющих какую-либо материальную ценность, и сами никогда не подарят ничего ценного. Почему? Многие полагают, что дарение воспринимается ими как выплата дани или подкуп. Эльфы не продают свое расположение, не платят податей людям, не разменивают свою ненависть на вещи. От враждебно настроенного эльфа невозможно откупиться, нельзя купить его союзничество. Почему? Только Восьмеро знают ответ и, может быть, сами эльфы.

И вот теперь Кархад во главе небольшого каравана, везет в Эйльхейм статую единорога весом почти в десять пудов. Она толком ничего не стоит, хотя над ее созданием немало потрудился королевский ваятель. Это компромисс: эльфы не приемлют человеческой традиции дарить и принимать подарки, однако талсидонские короли и эльфийские «светлейшие» выработали собственную манеру меняться знаками дружбы. Люди дарят эльфам мраморные статуи, как правило, это единорог, символ леса, а те расставляют подарки по своему лесу как украшения. В ответ шлют королю ритуальные маски, очень искусно сработанные. У короля Дэнбара целая комната ими заставлена и увешана, такая вот бесполезная коллекция, символизирующая, тем не менее, длительный период мира и ограниченной взаимопомощи между талсидонцами и эльфами.

Почему эльфы не примут в подарок роскошные ковры и не подарят изящную, из отличной стали выкованную саблю? Обменяться в процессе торговли — это да, а подарить и принять в дар — никак. И причины известны, опять же, только самим эльфам да Восьми.

Однако отсутствие понимания все же не мешает иметь дела с эльфами к обоюдной выгоде. Отец был прав: не надо пытаться понимать причины, толкающие чужака на то или иное действие, достаточно знать его цели и методы достижения этих целей.

Но вот теперь Кархад впервые усомнился, что эта простая жизненная мудрость годится всегда: он отдал бы и второе ухо за то, чтобы понимать своего недруга, заглянуть ему в душу. Хорошо бы король был прав, потому что верность наемника обеспечить проще всего — достаточно платить больше всех. О том, что дроу помешаны на власти и статусе так же сильно, как орки — на славе, с разницей, что орк готов пойти на смерть без колебаний, а дроу — совершить любое злодеяние без малейших сомнений и угрызений совести, и так давно всем известно. Если уговорить короля не только щедро платить, но и дать этому ублюдку Р'Энкору еще какой-нибудь незначительный титул, с ограничениями, ясное дело — пожалуй, тогда предательства можно не опасаться, ведь все, чего жаждет дроу — это деньги и статус. Золото и власть. И если дать ему того и другого больше, чем кто-либо — можно получить надежного союзника. А весть о том, что на службе талсидонского короля — легендарно известный убийца, может удержать врагов от нападения не хуже целой армии. Да, Ариант свидетель, идея отличная!

Кархад достал из седельной сумки флягу и отхлебнул вина, довольный своей мудростью: дроу и в самом деле удобны тем, что их верность можно купить за титул и звонкую монету. Король прав, настолько знаменитый и искусный наемник стоит почти

любого гонорара, в королевстве полно людей, которые, получают немало почестей и золота — а делают не так уж и много. К тому же, если вдуматься, золото — это просто золото, есть масса бесценных вещей, которые купить невозможно, а цена верности Р'Энкара мизерная: всего лишь деньги.

* * *

Деревня, куда Малантус привел Владыку и его армию, само собой, не смогла оказать ни малейшего сопротивления. Лишь завидев атакующих чужаков, стражники попытались закрыть хлипкие ворота, но первые титаны просто перепрыгнули через частокол, а потом кто-то высадил створки пинком. Атака с трех сторон увенчалась молниеносным успехом, и вскоре жителей селения согноли на площадь.

Норлаш, восседая на коне, прилагал огромные усилия, чтобы, несмотря на усталость, держаться ровно и гордо. Он всего лишь переводчик, но... Ха-ха, а ведь можно славно поразвлечься! Чернокнижник тут единственный всадник, стало быть, жители думают, что именно он здесь главный!

— Я сам сейчас объясню им все, что надо, — сказал он Владыке, — сколько у тебя солдат? Я так понимаю, веса двоих мало какая телега выдержит, да и поместиться вдвоем в одной повозке им будет трудно.

— Сорок семь.

— Значит, телег понадобится полсотни... Думаю, тут столько найдется.

Восседая на коне, Норлаш надменно возвестил крестьянам, что он, Норлаш Ужасный, вырвался из заточения и будет кроваво мстить всему миру, но именно они, убогие, могут избежать страшной участи, если предоставят для его могучих воинов пятьдесят телег и сорок девять ямщиков для управления ими. В случае отказа чернокнижник пообещал предать всю деревню огню и лютой смерти.

А про себя он улыбнулся. Забавно, если людишки будут думать, что именно Норлаш и есть тот злодей, призвавший армию демонов миру на погибель. Хорошо, что Владыка не понимает ни одного здешнего языка, он мог бы крепко обидеться, если б узнал, что смертный чернокнижник нахально присваивает себе его величие. Кстати, о Владыке.

— Эти жалкие черви спрашивают, кто ты, о великий, — сказал Норлаш демону, — как им тебя называть?

— Я — Трэйкхан Кхейл из Лагурента, — коротко ответил тот.

Вот и славно. Теперь Норлаш знает имя демонического властелина. Правда, это мало что ему дает, ведь он слышит его первый раз.

Чернокнижник улыбался, теперь уже в открытую. Перед тем, как Сангария погибнет в демоническом пламени, он, Норлаш, славно развлечется. А затем — небытие, так небытие. Этот жалкий, презренный мир проклял чернокнижника, сделал его жизнь настолько невыносимой, что Норлаш уже не дорожит своей шкурой. С ним может случиться что угодно — главное, чтобы Тьма легла на землю. Навеки.

В поход отправились длинным караваном. Воины Владыки Кхейла охотно воспользовались повозками, и хотя каждый из них несет свои доспехи легко и непринужденно, усталость им, видимо, не чужда, да и скорость езды на телеге все же чуть повыше, чем пешком. Лишнюю, пятидесятую повозку, Норлаш велел загрузить лучшей едой.

Неизвестно, едят ли демонические воины, а он и Малантус в пище точно нуждаются.

Перед выступлением Норлаш объяснил Кхейлу их следующий пункт назначения.

— Манускрипт хранится в дворцовой библиотеке Ламедии, столицы Далмады. Этот город, укрепленный как минимум не хуже, чем столица Зоданги, хотя я там сам никогда не бывал. И кроме того, наш путь будет пролегать через северную оконечность Кадории. Гонцы на быстрых лошадях, почтовые голуби или даже магические заклинания уже обогнали нас. Пока не доберемся к Кадории — можно ждать нападения армии Зоданги. В Кадории нас может встретить армия короля Синтэна, хотя может и убояться. В Далмаде нас встретит король Клейдан, если, конечно, узнает, что мы собрались походом как раз на его столицу. Или, как вариант, он будет держать всю армию в Ламедии, и тогда нам придется брать штурмом укрепленную и набитую войсками твердыню...

— Или просто потребовать отдать манускрипт.

Это в планы Норлаша не входило. Только бойня, только огонь и меч.

— Во-первых, он вряд ли отдаст. Во-вторых, если б я был на месте Клейдана и у меня потребовали манускрипт колоссальной ценности, я бы его уничтожил, чтобы враг ни при каких обстоятельствах не смог восторжествовать. Короли — они такие. Тут только штурм. Враг не должен знать о наших планах, иначе сможет легко помешать.

— Резонно. Им же хуже, раз так.

* * *

Он разжал руку и выронил на мостовую очередной медяк, прислушиваясь к шагам за спиной. Уличных попрошайек, следующих на некотором расстоянии и бросающихся на каждую монетку, словно курица на червяка, уже набралось десятка полтора. Пхе...

Тонкие губы растянулись в презрительной улыбке, пальцы вынули из кармана серебряную монету и через несколько шагов выпустили ее. За спиной — удивленный выдох нескольких глоток, поспешные шаги, ругань и звуки смачных тумаков. Ни гордости, ни ума, только жадность и жестокость. Одно слово — людишки.

Р'Энкор шагал по городу, роняя на мостовую монетку за монеткой и собирая все большую и большую толпу нищих и попрошайек, после третьей или четвертой серебряной монеты в группе последователей появились и люди, одетые попримечнее, подмастерья какие-то, селяне и прочий сброд. Но Р'Энктору нужны не они.

Он шел через центр к речушке, протекающей через город, звоном монет по камням мостовой увлекая за собой все больше и больше людей. Разумеется, толпа в три десятка уличного отребья не могла не привлечь внимание стражи. Все по плану.

Через пару кварталов медяки закончились, пошло сплошное серебро. Р'Энкор, кутаясь в плащ, ускорил шаг и стал бросать деньги в дождевые лужи. Каждая серебряная месета — это свалка с расквашенными носами и подбитыми глазами, так пусть все это происходит в лужах, пусть твари у него за спиной будут не только разукрашены кулаками друг друга, но еще и в болоте испачканы.

За странным действием следила уже пятерка стражников. В принципе, хватит. Пора сыграть предпоследнее действие этой комедии, тем более что речка уже за углом. Р'Энкор уронил золотой, предвкушая, что сейчас будет, и бодрым шагом двинулся к мосту, соединяющему берега.

Позади развернулось чуть ли не целое сражение, Р'Энкор вышел на мост и оглянулся на образовавшуюся посередине улицы кучу малу. Испуганные прохожие, не понимающие, что происходит, жались к стенам или побыстрее шмыгали мимо, растерянные стражники пытались сообразить, что делать, их было слишком уж мало, чтобы разнимать такое количество дерущихся. Наконец из свалки вырвался какой-то крепкий детина, без шапки, одного сапога, в разорванном дублете и с окровавленным лицом, и бросился прочь, сжимая в кулаке золотую монету.

Р'Энкор улыбнулся и достал из кармана еще один золотой. Монета с негромким, тусклым звоном падает на мостовую недалеко от ограды, за которой плавно несет свои воды неглубокая речушка.

Вся шобла безрассудно рванулась вперед: золотой ойран овладел помыслами этих тварей. Проклятия, пинки, тумачи, разлетающиеся во все стороны брызги крови и выбитые зубы. Стражники беспомощно толпятся вокруг, им бы разнять толпу да заодно и монетку присвоить — но понимают, мрази, что в свалке всем будет наплевать на их ранг и полномочия, огребут наравне с остальными. Из этого месива несутся вопли, причитания, угрозы и хрип тех, кого давят. Лучшее из всех мыслимых представлений, которое только могут дать людишки.

Наконец, какой-то стражник переводит взгляд на Р'Энкора, и эльф легко читает его мысли по глазам: арестовать странного господина за нарушение общественного порядка и провокации, а там уже можно под видом штрафа отнять деньги, у него ведь их немерено... Люди так предсказуемы. Пора закругляться, тем более, что по улице уже разносится знакомый пересвист.

Он вынул из кармана руки и высоко поднял их, демонстрируя доброй сотне зевак зажатые в пальцах монеты. Легкое движение — и полновесное талсидонское золото летит в реку. Улица застывает в беспредельном изумлении, а Р'Энкор достает кошелек и сыплет оставшееся там золото в воду, затем бросает следом пустой мешочек.

А затем кто-то один бросился в воду, и за ним пришла в движение вся толпа. Люди с обеих сторон бросались в реку, и в числе первых оказались стражники. Вода под мостом буквально вскипела.

Р'Энкор улыбался. Вот вода уносит прочь какого-то неудачника, плывущего лицом вниз, должно быть, ударился головой или просто захлебнулся. И всем наплевать, ведь на дне столько золота, сколько любой из присутствующих никогда не видел. Баснословная сумма, лежащая в иле, наполовину состоящем из дерьма и нечистот, заставляет людей нырять, топить других и тонуть самим. И погода холодная, наверняка хоть кто-нибудь да подхватит воспаление легких и сдохнет.

Эльф надвинул на лицо, выкрашенное в боевую раскраску под цвет человеческой кожи, капюшон и быстрым шагом двинулся прочь, в заранее облюбованный им и уличными грабителями узенький темный переулок: наверняка его где-то там уже ждут.

Так и оказалось. Миновав несколько домов, выходящих на улочку преимущественно глухими стенами и грязными незрячими окнами, Р'Энкор увидел впереди четверых молодчиков весьма красноречивой наружности. Бандитов он перевидал на своем веку достаточно, чтобы сейчас безошибочно определить: это они самые. Двое даже не прячут дубинки.

Улыбаясь, он шел прямо на них.

— Доброго вам денька, почтенный господин! — начал один из них, довольно щуплый

по сравнению с товарищами тип, видимо, мозг банды. — А не вы ли тот неимоверно богатый человек, подкармливающий рыбку золотом?

Позади шаги. Еще один бандит позади, отрезающий путь к бегству. Наивные: пути к спасению нужны вовсе не «жертве», потому что настоящая жертва тут — не Р'Энкор.

— Я и есть, — кивнул эльф, — а вы не очень-то и спешили.

— Ну, мы как-то не сразу и поверили, — картинно развел руками щуплый, — никогда не видели, чтобы люди сами золото в реку выбрасывали... Тут такое дело, господин, вы, видимо, просто невероятно богаты, а мы, Ллето свидетель, ужасно бедны. Не поделитесь ли с нами толикой вашего благосостояния?

Им бы бежать, глупцам, жертва прямо намекнула, что запланировала эту встречу, а значит — жди беды. Но нет, золото владеет их жалкими умами, вытесняя все остальное, даже инстинкт самосохранения.

— А делиться-то нечем, — ответил Р'Энкор, приближаясь к ним, — в реку высыпал все, что было. Впрочем, кое-что у меня есть... Вот, держите.

Два кинжала прыгнули из рукавов в ладони. Бросок в ближайшего парня с дубинкой, молниеносный разворот, бросок в подкрадывающегося сзади. Первому лезвие вошло в глаз, второму — в горло. Поднырнув под взмах дубинки со скоростью разящей гадюки, Р'Энкор оказался лицом к лицу со щуплым, основанием ладони вбил его носовой хрящ в мозг, перехватил руку с ножом второго бандита и ловким маневром поменялся с ним местами, подставив его голову под второй удар дубинки. Оставшись один на один с последним грабителем, эльф провел серию быстрых жестких ударов: под дых, в пах, по спине. Противник упал, скорчившись, тогда Р'Энкор обошел его и с размаху ударил ногой в лицо, затем принялся обрабатывать ребра и желудок. Сдавленные крики жертвы быстро смолкли, попытки закрыться от ударов руками прекратились, но он продолжал с неописуемым наслаждением наносить удар за ударом, пока в переулке не послышался топот подкованных сапог.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Именем короля! Всем стоять! — завопил стражник-сержант.

— Все — уже не могут, — возразил, тяжело дыша, Р'Энкор и окинул незадачливых стражей правопорядка презрительным взглядом: — А что это с вас вода течет, как с водяных крыс? Как водичка в реке?

— Здесь я задаю вопросы! — рявкнул сержант, хватаясь за меч.

— Неужто? — Р'Энкор продемонстрировал медальон с королевским гербом и не спеша направился к стражникам.

Те, увидев регалию королевского придворного, склонились в поклоне, и Р'Энкор немедленно этим воспользовался, зарядив сержанту коленом в лицо и опрокинув его на мостовую.

— А ну-ка скажи мне, песий потрох, почему ты купался, когда подданных его величества грабят в переулке вверенного тебе квартала? — ласково спросил он, предвкушая новую порцию развлечения.

— Виноват, господин, не уследили! — прогнусавил сержант, сидя на земле и заслоняя лицо от возможного пинка.

В этот момент позади раздался стон. Вот уж прокол так прокол, оставить за своей спиной недобитого врага для таких, как Р'Энкор, совершенно непростительно. Но оказалось, что это не его недоработка: бандит, получивший удар дубиной от своего товарища, обладал

весьма прочным черепом и умудрился выжить.

Р'Энкор немедленно изменил свои планы по избению стражников: тут перспектива повеселее подворачивается.

— О, хвала Восьми! — воскликнул он, — этот бедолага жив, а я-то уж думал, разбойники его прикончили! Вы двое, песьи души, а ну-ка поднимите его и посадите вот тут, у стены!

Стражники незамедлительно выполнили приказ, придав грабителю сидячее положение, и принялись приводить его в чувство. Р'Энкор присел на корточки рядом с ним и, как только поймал первый осмысленный взгляд, полный страха, сказал:

— Ты как, в порядке, приятель? Хорошо, что эти уроды не проломили тебе череп. Да ты не смотри на меня такими перепуганными глазами, все уже позади, разбойники мертвы, тебе ничего не угрожает. Пошли, я о тебе позабочусь.

Грабитель, все еще ничего не понимая, попытался что-то сказать, но Р'Энкор сразу же принялся хлопать его по щекам:

— Ну же, давай, приходи в себя, наконец. Ладно, надо тебе выпить чутка. Пошли со мной.

Он взял грабителя за руку незаметным со стороны захватом, заставил подняться и повел на выход из переулка, мимоходом толкнув ногой тело забитого бандита, убеждаясь, что тот от побоев скончался, и бросил стражникам:

— Вперед, сучьи дети, наводите тут порядок! И не вякайте лишнего, если кто узнает, что я сделал вашу работу вместо вас, пока вы купались — в лучшем случае без жалованья останетесь. Шевелитесь, нечего тут глазами хлопать!

Когда они вдвоем вышли на улицу вдоль реки, в которой люди все еще ныряли, выискивая на дне золото, бандит, понимая, что влип во что-то похлеще цепких рук стражи, сделал робкую попытку вырваться, осознал, что это у него вряд ли получится, и заскулил, прося прощения и пощады.

— Заткнись, кусок дерьма, — презрительно ответил Р'Энкор, — я буду говорить, а ты — слушать, вякнешь еще хоть слово без разрешения — прямо тут выпущу тебе кишки и сброшу в реку. Усек?

Тот поспешно закивал.

— Значит, так, ублюдок. Сделаешь для меня кое-какую работенку — и я не сдам тебя страже. И даже заплачу двадцать золотых ойранов. Ничего сложного, как раз по твоей части. Понятно?

Грабитель снова закивал, и Р'Энкор увидел, как страх в его глазах начинает сменяться алчностью.

— Вопросы есть?

— Э-э... А что делать? И когда?

— Все узнаешь. Через два дня будешь ждать меня вечером вот прямо здесь, на этом самом месте. Слинять не вздумай, единственное место на свете, где я не смогу тебя достать — могила. А когда достану — ты пожалеешь, что сегодня я забил твоего подельника, а не тебя. Понял?

— Понял, понял...

— Вот и славно, — сказал Р'Энкор, отпустил бандита и бросил ему серебряную монету стоимостью в две месеты: — пойдешь выпей вина да подлечись, чтоб через два дня был в полном порядке. Будешь работать на меня — станешь богатым. Вздумаешь хитрить —

повстречаешься со своими покойными дружками быстрее, чем тебе бы того хотелось. А теперь исчезни с глаз моих долой.

Проводив грабителя взглядом, он удовлетворенно хмыкнул. Славный день выдался, веселый, и развлечения еще только начинаются.

* * *

Эльф-часовой повстречался Кархаду практически в самом начале леса, он-то и провел небольшой караван к цели.

Рыцарь с интересом рассматривал поселок: деревянный частокол, на деревьях — гнезда стрелков-охранников. Все селение окружено странного вида кустами и полянами с грибами-визгунами. О грибах этих слышал всякий: охрана получше собак, подойти, не подняв тревогу, невозможно. Правда, на процессию с телегой визгуны не отреагировали: эльф-проводник успокоил их тихим напевом еще издали.

У ворот пришлось выждать минут пять. Кархад перед отправкой получил все необходимые для посла к эльфам указания и инструкции. Ждать у ворот приходится всегда, если визит неожиданный: по неизвестным причинам только старейшины эльфов, или, как они титулованы официально, Светлейшие, встречают послов, и всегда числом не менее трех. Потому, если кто-то из них сейчас спит или занят — придется подождать.

— Прошу простить мое любопытство, — обратился он к эльфу-сопровождающему, — а если бы в селении было меньше трех светлейших, а остальные отсутствовали бы — надо было бы ждать их возвращения?

Эльф взглянул на Кархада, словно на умственно неполноценного ребенка, и вроде бы дружелюбно, но все равно как на идиота:

— Так не бывает. В селении всегда не меньше трех светлейших.

Вскоре ворота открылись, сразу за ними рыцарь увидел небольшую группу встречающих, преимущественно воинов, а перед ней — трех высоких эльфов в ритуальных одеяниях старейшин, но неожиданно для себя обнаружил, что крайний справа — не в белом, а в темно-сером ниспадающем плаще. Мгновение спустя он осознал, что одежда-то под цвет лица. Двое старейшин — белолицые лесные эльфы, и у них белые одежды, но третий — серолицый. Дроу.

Кархад спешил, вошел в ворота, остановился ровно на линии ограды, следя, чтобы не ступить на внутреннюю территорию поселка, и поклонился:

— Приветствую вас! Я — Кархад Вэйл, посол его величества Дэнбара Талсидонского, привез его наилучшие пожелания и знак дружбы между Талсидонией и Эйльхеймом.

— Входи, посол, — разрешил тот, что стоял посредине, после чего все трое сделали предписанные своими обычаями три шага назад, символизирующие, что теперь на территории поселка есть место и для гостя.

По знаку Кархада слуги выпрягли из телеги лошадей — эльфы не любят, когда кони входят в поселок — и на руках втолкнули ее в ворота, после чего вышли обратно и расселись вокруг небольшого очага, устроенного под навесом за пределами ограды. Эльфы хоть и дружелюбны — но людей в своих селениях видеть не хотят без крайней на то нужды, потому для свиты послов предусмотрели навес от непогоды с небольшим освященным очагом снаружи поселка, и угощение слугам тоже вынесут наружу.

Кархад, следуя необходимым ритуальным формулировкам, от имени короля передал его подарок эльфам.

— Знак дружбы принят, — ответил светлейший, — ответный знак приготовят чуть позже: король Дэнбар решил отправить посла несколько раньше обычного.

— На то есть причина, — пояснил рыцарь, — мой король хотел бы... посоветоваться.

— И что это за причина собирать совет светлейших?

— Нет-нет, нет нужды в формальном совете. Дело, в котором мой король нуждается в совете, мелкое... но деликатное.

Крайний старейшина сделал знак в сторону небольшой площадки у центрального дерева поселка, где сами эльфы держат свои советы. В центре этой миниатюрной площади — скамейки, расположенные почти полным кругом. Старейшины расселись на своих местах, Кархаду было предложено место гостя. Вокруг площади заняли свои места шесть воинов — чистая формальность, на самом деле, потому что старейшины у эльфов — всегда сильные маги, и любой из них способен справиться с обычным рыцарем в считанные мгновения.

— Мы слушаем тебя, — сказал старший.

Кархад успел рассмотреть всех троих. Старший — высокий, крепкий, с белоснежной шевелюрой и короткой подстриженной бородкой, выглядит лет на пятьдесят по человеческим меркам, значит, ему под семьсот. Второй — существенно моложе, младший светлейший, видимо, от силы триста лет, хотя может, и всего пятьдесят, в этот период определить точный возраст эльфа может только другой эльф.

Больше всего Кархада интересовал третий. Дроу-светлейший? Из милосердия принять к себе злейшего врага — это одно, но сделать его одним из руководителей поселка? Как минимум, странно. Дроу, судя по всему, недавно перешагнул за триста или триста пятьдесят, кроме цвета кожи, вроде бы ничем не отличается от двух других, разве еще волосы черного цвета — огромная редкость как среди лесных, так и среди подземных эльфов. Надо будет рассказать дома, что старейшины выбирают цвет одежды именно по цвету своей кожи, а не просто белый...

— В двух словах, королю Дэнбару стало известно, что вы в последнее время приняли к себе некоторое число... э-м-м... подземных эльфов, — начал Кархад.

— Это исключительно наше дело, — ровно, но решительно сказал старший, — кого принимать.

— Конечно, ваше, — согласился рыцарь, — я имел в виду, дроу появились в Талсидонии, и король хочет прояснить кое-какие моменты, связанные с этим народом.

— Эйльхейм — не Талсидония.

— Вы опять не так меня поняли...

— Так может, посол, ты точнее сформулируешь суть вопроса?

Кархад развел руками.

— Да я уже и сформулировал. Я не говорю о тех дроу, которых вы приняли к себе. Просто Эйльхейм теперь не единственное место вокруг, где можно встретить подземного эльфа. В частности, один из дроу находится на королевской службе. Он полезен, но король хотел бы лучше понимать мотивы этого народа, понять, как работает их мышление, насколько им можно доверять. Вы знаете о дроу больше других, к тому же, они живут среди вас. Я хотел бы получить помощь в этом вопросе, было бы особенно хорошо поговорить с кем-нибудь из дроу, ну хотя бы с вами, — последние слова он адресовал светлейшему-дроу.

Все трое старейшин, а вместе с ними и охранники, сдержанно засмеялись, потом

серолицый сказал:

— А я не дроу. Я родился на поверхности, в соседнем селении, и прожил там немногим меньше, чем правит в Талсидонии нынешняя династия. А сюда перебрался несколько лет назад. Так что с дроу меня не объединяет ничто, кроме крови моих предков, которых я даже не знаю. Но, полагаю, устроить тебе беседу с истинным подземником возможно... если кто-то из них согласится.

Светлейшие быстро посоветовались на своем языке, затем отослали одного из воинов, и вскоре тот вернулся с еще одним темнокожим эльфом, и в нем Кархад сразу же заметил массу деталей, разительно отличающих его от остальных. Чуть ли не все, начиная с нехарактерного для эльфов вооружения в виде пары сабель и заканчивая слегка циничным выражением лица и манерой держаться, выдавало в нем самого настоящего дроу, ожившего персонажа детских страшилок... и не только детских.

После короткого разговора со старейшинами дроу уселся перед Кархадом и на ломаном талсидонском сказал:

— Я Тиэль из Дома... а, неважно. Что ты хочешь от меня услышать?

Всем своим обликом он показывал, что само присутствие рыцаря ему в тягость, и на разговор он согласился лишь чтобы услужить приютившим его эльфам. Не самый приятный тип, ну да ладно, Кархад ведь не собирается отдавать за него замуж свою сестру. Он незаметно сжал в кулаке кристалл правды, полученный от Дэнбара.

— К моему королю на службу нанялся один из твоего народа, и я хотел бы знать, как он думает, что ценит, можно ли ему доверять... Ну и все в таком духе.

Тиэль приподнял бровь:

— Кем нанялся?

— Охранником.

— Странно. А он точно из Подземья?

— Да. Что тут странного?

Дроу хмыкнул:

— Ну не любите вы нас. Ну и мы вас — тоже.

— Вы и с эльфами враждуете. Это не мешает тебе сейчас жить у них, верно?

— То эльфы, а то... вы. С эльфами у моего народа вражда, но они нас не боятся и в некоторых случаях мы можем найти у них пристанище. Вы, люди, ненавидите всех, кто не человек, и даже с эльфами живете мирно лишь оттого, что они заставляют вас захлебываться в своей крови всякий раз, когда вы забываетесь.

— А я почему-то думал, что это вы всех ненавидите, кто не дроу...

— Это не совсем верно. Нас учат сызмальства, что все остальные ненавидят нас. Ну и ненавидеть поверхностников учат. Считается, к примеру, что если во время порки громко желать смерти кому-нибудь наверху — не так больно будет. Но если б я по-настоящему ненавидел эльфов — жил бы среди них?

— А как ты вообще попал сюда?

— Во время налета, как же еще? Засада, ранение, плен.

— Налет на кого?

— На эльфов же.

— А почему тебя не убили? — удивился Кархад.

Дроу в ответ пожал плечами:

— Если б я знал — был бы как все здешние эльфы. Сначала думал — либо запытают,

либо принесут в жертву. Когда не случилось ни того, ни другого — понял, что дома мне лгали... И остался.

— Это правда, что все дроу корыстны и властолюбивы? — сменил тему рыцарь. — Что они жаждут власти и богатства, словно орки — славы, и что всякий дроу руководствуется исключительно собственной выгодой?

Тиэль снисходительно усмехнулся:

— Ты пугаешь совершенно разные вещи. Богатство и выгода — не вполне одно и то же, ведь выгода не всегда бывает материальна, а богатство — лишь инструмент, не более того. Вот власть — да, это истинная цель любого из моего народа, но тут тоже есть момент, который ты, видимо, не понимаешь. Скажем, моя персональная жажда власти и авторитета не имеет ничего общего с помешательством орков. Мужчинам и низкородным женщинам нужен не сам статус как таковой, а преимущества. Когда ты не имеешь власти — ты зависишь от других, от их милости, немилости или просто плохого настроения. Когда ты владыка — другие зависят от тебя.

Но совсем другое дело — женщины знатных домов. Вот для них статус — все, все остальное — ничто. Каждая из них — жрица Ллос, их богини. Продвинувшись по лестнице храмовой иерархии как можно выше, до самого верха — предел мечтаний. Это именно по их воле мы идем наверх, устраиваем резню поверхностникам, чтобы порадовать Ллос, убиваем и сами гибнем.

Кархад задумчиво подпер голову кулаком.

— Хорошо, ты говорил — ты из знатного Дома. Теперь, когда ты здесь, куда делась твоя жажда статуса и власти?

Дроу лишь пожал плечами:

— А куда она должна была деться? Мне сто двадцать лет, из которых я жил по законам моей неласковой родины сто три. Перевоспитать на здешний манер удастся только очень молодых, а я так и останусь тем, кто я есть, на всю жизнь.

— И ты, кхм, так легко в этом признаешься? Говорят, дроу скрытны и не склонны говорить правду, если им это невыгодно...

— Да-да, так и есть, — подтвердил Тиэль, — мы не считаем ложь пороком, скрытность для нас — обычный образ жизни, интриги и заговоры — естественный способ достижения цели.

— Удары в спину и предательства?

— Все верно. Из нас мало кто доживает до трехсот, ненасильственная смерть — из разряда чудес.

— Правда, что дроу злы и жестоки?

— Ложь. Мы всего лишь добиваемся своих целей, невзирая ни на что.

— Хм... и это все верно и в отношении тебя?

— Само собой.

— Эм-м-м... То есть, ты только что вот так запросто признался, что ты лживый, подлый, бесчестный, властолюбивый, и это при том, что твои светлейшие сидят прямо у тебя за спиной?

Тут Тиэль захохотал, весело и искренне, и Кархад заметил, что старейшины тоже посмеиваются.

— Во-первых, — сказал дроу, отсмеявшись, — лгать, не попадаясь на лжи — это у нас доблесть. Подлость — добродетель. Властолюбие — норма. Насчет бесчестности ничего

сказать не могу, потому что слово «честь» для меня — пустой звук. Я так и не понял, что имеется в виду под ним. Во-вторых, светлейшие и так прекрасно знают все, что я только что сказал, это только для тебя откровение, не для них. И если бы я сказал тебе что-то отличное от того, что ты слышал — они немедленно уличили бы меня во лжи.

Кархад поднял руки в символическом жесте:

— Все, я сдаюсь. Я даже не представляю себе, как ты с твоей-то натурой уживаешься среди столь сильно отличных от тебя эльфов, как не понимаю и того, почему они тебя терпят...

— Так тут-то как раз все просто, — пояснил Тиэль, — я живу тут точно так же, как жил дома, и преследую те же цели. Для меня не изменилось ничего, кроме правил игры. Да, привычные методы неприменимы, тут такие странные нравы, что, к примеру, ложь роняет авторитет, а если я говорю невыгодную мне правду — мой авторитет повышается. Я не понимаю, почему — но факт остается фактом. Тут есть слово такое — «доверие». Кто никогда не лжет — у того много «доверия». И чем больше у меня его, тем больше мне верят на слово, не проверяя. Хоть убей, но я считаю это глупым: все доверие на свете не помешает мне лгать, если надо будет. Но — даже не понимая смысла правил, я все равно играю по ним. Ты спрашивал о злобе и жестокости? Здесь они мне не нужны. Врагов у меня тут нет, понимаешь? Общество эльфов устроено наоборот по сравнению с обществом моего народа. Дома, чтобы получить власть и статус, надо было что-то делать. Например, устроить пакость или несчастный случай тому, кто находится на ступеньку выше тебя. Он свалился — все, ты на его месте. А тут наоборот. Чтобы авторитет рос, надо, напротив, не делать некоторых вещей. Не лгать, не делать, как тут говорится, другому того, чего себе не желаешь... и все, если разобраться, и тогда авторитет растет сам по себе, главное — не мешать ему. И вот, я, бывший враг и пленник, теперь воин, разведчик, ночной часовой, иногда тренирую других воинов, если случится бой — я старший в своей четверке стрелков. Изучаю магию, в будущем пойду вверх по лестнице иерархии светлейших и, может быть, сам стану светлейшим. Когда-нибудь.

— Никогда бы не подумал, что дроу может удостоиться такого доверия. А как же склонность к предательству?

Тиэль вздохнул, словно учитель, вынужденный объяснять нерадивому ученику прописные истины, и сказал:

— Предательства не бывает самого по себе. Да, я могу предать — и предаю кого угодно, но для этого выгода должна быть ощутимо больше того, что я потеряю. А потеряю я, во-первых, свой дом. Меня больше не примут ни в одном селении. И куда мне дальше деваться? К вам, людишкам? Сильно сомневаюсь даже не в том, примете ли вы меня так же хорошо, как приняли здесь, а примете ли вообще. Во-вторых... да к йоклол, тут и «во-первых» хватает.

— Хм... а обратно домой?

— А там меня убьют сразу же. Потому что я уже знаю, как на самом деле обстоят дела наверху. Тот, кто жил внизу и наверху — вниз никогда не вернется. Тут жить легко и привольно, не боишься удара в спину от своего окружения, не подвергнешься наказанию просто так, ради чьего-то развлечения... да что там говорить. Ты все равно не поймешь, потому что ни дня не провел в Подземье. Как бы я ни живописал тебе жизнь в моем родном краю — ты ни на йоту не приблизишься к пониманию, это надо почувствовать на себе. И это все знают. Вот потому на Большом совете окружающих лесов один из поселков представляет

светлейший-дроу. И это объясняется легко и просто — доверием. Только не странным здешним, а обычным: доверять можно лишь тому, кто по определенным причинам не может обмануть или предать, все просто. Тот дроу-светлейший достиг практически наивысшей ступени иерархии, и больше нет на свете ничего, еще более ценного. Он не может предать, потому что при любом раскладе потеряет больше, чем выиграет.

Кархад кивнул:

— Вот теперь начинаю понимать. Получается, невзирая на страшные сказки, таким, как ты, все же можно доверять при определенных обстоятельствах. Вот я и думаю, каковы должны быть эти обстоятельства для дроу, нашедшего себе приют в стране людей?

— Сложно сказать. Можешь не сомневаться, что его цели те же: власть и богатство. Власть — чтобы не зависеть от чужой воли. Богатство — чтобы жить в комфорте и достатке. В общем, он такой же, как и я. Тут немаловажно, как сложились его приключения среди вас, людей. Если, предположим, он сразу попал в Талсидонию и был принят хорошо — стоит опасаться предательства.

— Почему?!

— Он короля охраняет? Ну вот. Кто-то предложит большую награду за голову твоего правителя, чем жалованье охранника — и все, считай что ты остался без хозяина. Но если раньше этот дроу уже побывал в разных краях и его отовсюду гнали, что мне лично кажется очень вероятным, а твой король взял да и отнесся к нему хорошо — тогда наоборот, подкупить его не получится. С денег нет пользы, если тебя нигде не принимают, понимаешь? Тогда тот дроу — как я. Я не предаю, потому что мне больше некуда будет пойти. И он не предаст по той же причине. А вот тебе я советовал бы оглядываться, хе-хе.

— Не понял?

— Не исключено, что дроу, решив служить твоему королю, начнет убирать других приспешников. Чтобы в конечном итоге стать правой рукой короля. Ближайшим помощником. Власть и богатство, ну ты понял... Известно что-то о том, из какого он Дома, если знатный, или хотя бы города?

— Дом Арн'Кай.

— Что?! — воскликнул Тиэль.

— Р'Энкор К'Айрэн'Кинн из Дома Арн'Кай? — спросил главный старейшина.

Кархад кивнул:

— Он самый. Известный тип...

Тиэль внезапно махнул рукой:

— Впустую потраченное время. Забудь все, что я тебе рассказал, человек, оно никак не применимо к Р'Энктору из Дома Арн'Кай.

— Почему?!

— Потому что он не такой, как я. Не такой, как все дроу, и я даже не представляю, насколько...

— Что ты имеешь в виду?

— Он... а, спрашивай у светлейших. Они объяснят тебе лучше, чем я.

Кархад перевел взгляд на старейшин:

— Вы объясните мне, в чем дело?

Старший кивнул:

— Как тебе сказать... Р'Энкор особенный, у него есть качества, не присущие дроу вообще. Я перевидал на своем веку множество их — и все они такие, как Тиэль. И отец

Р'Энкора был обычным дроу... Но не сам Р'Энкор. Видишь ли, посол... он любил своего отца.

Молодой рыцарь приподнял бровь:

— Я внимательно слежу за вашим рассказом.

— Дроу не способны любить, если ты не знал. У них нет даже такого слова. Женщины дроу не имеют материнского инстинкта, к примеру, брат может убить брата. Любовь мужчины к женщине и женщины к мужчине, брата к сестре и сестры к брату, матери к детям и детей к матери — всего этого у них нет.

— Неужели это правда?! — ужаснулся Кархад.

— Правда, — подтвердил Тиэль, — от своей матери я слова доброго не услышал. Мне по сей день трудно понять, почему женщины эльфов и людей поют своим детям колыбельную... Мужчин моя мать меняла очень часто, длительный интерес она проявила лишь к двум или трем...

— Так вот, — продолжил рассказ старейшина, — есть у дроу лишь одно чувство, отдаленно похожее на любовь — это слабость, которую испытывают некоторые мужчины к своим сыновьям. И это чувство всегда одностороннее, для своего сына отец — всего лишь союзник, который поможет в решении той или иной проблемы, не более того. Как только он перестает быть полезным — отпрыск теряет к отцу всякий интерес. Так вот. Особенность Р'Энкора в том, что он платил своему отцу взаимностью. В этом его уникальность... И в этом же его трагедия.

Когда Р'Энkorу было двадцать или около того, его отец по какой-то причине попытался отравить Мать Дома, чьим мужем на тот момент являлся. Сам Р'Энкор принял сторону отца — неслыханное дело, ведь дроу всегда пытаются принять сторону сильного. Любой дроу в той ситуации попытался бы принести матери голову отца, чтобы снискать ее милость, но не Р'Энкор. Когда покушение провалилось, они вместе сбежали на поверхность и оказались в наших лесах возле человеческой страны Кадории. Талант молодого Р'Энкора уже там проявился, они с отцом месяц играли в прятки с тамошним лесным народом, с нами то есть, хотя обычно от нас в нашем же лесу не спрячешься.

Затем они, приспособившись хоть как-то видеть при свете дня, ушли в людской край и некоторое время скитались в Кадории, Далмаде и других тамошних странах, но их отовсюду гнали, и убивать людей Р'Энкор научился еще тогда. Затем они все же прибились к одному из наших кланов — вот как Тиэль. Казалось, все беды позади, но... Но никто и подумать не мог, что Р'Энкор любит своего отца.

— А разве это не заметно? — скептически поинтересовался Кархад.

— Заметно, но никто не верил, что признаки сыновней любви искренни. Всем известно, что дроу не любят своих родителей — и точка. Как бы там ни было, их разлучили, потому что Р'Энкор был молод, и светлейшие надеялись, что его душа еще не сформировалась окончательно, не закорюзла до того предела, когда юный дроу становится неисправимым. Потому он жил не в том селении, где его отец, чтобы исключить дальнейшее влияние отца на сына. Видеться им разрешали очень редко.

Так прошло десять лет, а затем отец Р'Энкора погиб в стычке со своими же сородичами, защищая приютившее его селение. И вот тогда Р'Энкор буквально обезумел от боли утраты и гнева на нас. Он высказал светлейшим, которые разлучили его с отцом, очень много слов, которые обычный эльф вряд ли скажет хоть раз в жизни и за которые любой не-эльф дорого поплатился бы. Он сыпал проклятиями и самыми гнусными оскорблениями в лицо

светлейшим во всеуслышание, видимо, надеясь спровоцировать конфликт и убить, кого сможет. Однако светлейшие не поддались на провокацию, и тогда Р'Энкор ушел.

— То есть, светлейшие спустили ему с рук... подобное?!

— Да. Хоть Р'Энкор и был очень непочтителен и дерзок, его упреки, увы, были обоснованы. Он винил нас не столько в гибели отца, сколько в разлуке с ним. Мы никогда бы так не сделали, если б хотя бы заподозрили, что его чувства к отцу искренни. Но уже было поздно.

Кархад тяжело вздохнул.

— Тягостная история, — сказал он, — так, значит, все поступки Р'Эннора были нехарактерны для дроу?

— Именно, — кивнул старейшина, — обычный дроу так никогда бы не поступил. Дроу не любят своих отцов. Разлучили? Ну и ладно. Убили? Жаль, ну да что поделывать. А Р'Энкор намеревался отомстить, он хотел драться с целым селением — хотя месть ценой своей жизни для дроу тоже нехарактерна. И на гнев, который сильнее инстинкта самосохранения, они зачастую не способны.

В общем, посол, думаю, ты понимаешь, что Р'Энкор из дома Арн'Кай — не такой, как другие представители его народа. Его мотивы, чувства, устремления для меня — загадка. Они для любого загадка, так что перед тобой стоит не самая обыденная задача.

— Хм... если он хотел драться — почему не начал драку сам?

— Возможно, мы успели повлиять как-то на него. Он был очень зол на нас, но все же отдавал себе отчет, что мы не умышленно сделали то, что сделали. Ему было бы проще, если бы на него напали — но светлейшие стерпели все, что он им говорил, не поддавшись на эту провокацию.

— Да уж, и угораздило моего короля связаться с настолько непредсказуемым типом...

— На самом деле, я рискну кое-что предсказать, — заметил Тиэль, — мне кажется, что вас, людей, он должен ненавидеть. Потому что, не прогони вы их, его отец мог бы быть жив. На самом деле, как я говорил раньше, нам бесцельная ненависть не свойственна, я ненавидел эльфов раньше, но как только попал сюда — отказался от этого чувства, потому что оно мешало мне прижиться тут. А вот Р'Энкор... Если он способен на немотивированную любовь — точно также может быть способен и на немотивированную, нерациональную ненависть. Задумайся, человек, если все, что о нем говорят, правда — сколько золота он должен был бы уже заработать? Да больше, чем сам весит. Зачем ему столько? У него в Талсидонии есть замок или хотя бы особняк? Слуги? Расшитая золотом и камнями одежда? Если нет... я рискну предположить, что Р'Энкор на самом деле убивает людскую знать не ради денег. Он ненавидит вас.

— Ну, что я точно знаю — Р'Энкор ненавидит эльфов, он сам мне это сказал. Честно говоря, его выходки как-то не вяжутся с расчетливым ненавистником... Дал на балу подножку придворному магу, эльфу. Накормил одного из баронов дерьмом и сам же признался мне в этом... Легкомысленное ребячество какое-то.

— Накормил дерьмом? — сразу оживился Тиэль.

— Ну да, — ответил Кархад и пересказал историю с покушением, опустив существенные детали.

Тиэль только хмыкнул:

— Пойми одну вещь, человек. Ты никогда не встретишь на поверхности легкомысленного дроу, потому что они гибнут еще в детстве. Чтобы выжить в Подземье,

миновать чужие ловушки, успешно плести интриги — необходимо тщательно продумывать каждый шаг, слово, поступок. Иначе нельзя. Р'Энкор сказал тебе о том, что дерьмо в рецепте было лишним, для того, чтобы ты сказал это тому барону.

— Но зачем?!

— Чтобы он знал, как жестоко ему отомстили. Иначе и месть не сладка. Я согласен с тобой в том, что разменивать скорбь о погибшем отце на подобные выходки — очень уж мелко. Возможно, Р'Энкор разрывается между ненавистью и пониманием, что больше ему некуда идти, и потому ограничивается проказами. Возможно, я ошибаюсь. И возможно — что у него свой, недоступный моему воображению план. Ведь план с уничтожением других слуг твоего короля, включая тебя, все равно никто не отменял.

— И как мне сделать так, чтобы либо понять, что у него на уме, либо вывести на чистую воду?

— Никак, человек. Все, что ты можешь сделать — это морально подготовиться к поражению. Если дело доходит до интриг, манипуляций, предательств, многоходовых комбинаций — любой друо сильнее в этом. Встанешь на пути у Р'Энкора — проиграешь.

— Выходит, самым мудрым решением будет выслать его из страны или даже сбросить в реку с камнем на шее?

В следующий миг Кархад почувствовал, как что-то изменилось, словно прямо над его головой сгущаются грозовые тучи. Все трое старейшин встали и буквально пронзили его мрачными взглядами.

— Я что-то не то сказал?..

Старший медленно произнес:

— Если ты хочешь, чтобы мы снова начали пользоваться правом на выстрел из лука, или сожгли несколько десятков ваших деревень — то добьешься этого. Видимо, человек, кое-что миновало твои уши или разум. Ты совершенно упустил тот факт, что Р'Энкор по-прежнему один из нас. И только что ты, сидя в деревне эльфов, спрашивал совета, не убить ли эльфа.

Кархад несколько секунд сидел, словно громом пораженный. Вся серьезность промашки моментально стала ему понятна. Даже если эльфы начнут всего лишь пользоваться правом безнаказанно убить любого, приблизившегося к их лесу на расстояние выстрела — можно забыть про торговлю с севером и востоком, потому что все пути проложены сквозь территорию эльфов, их леса опоясывают Талсидонию полукругом.

— Но... но ведь вы же сами сказали, что он ушел с крупной ссорой! У меня и в мыслях не было ничего...

— «Ушел» и «был изгнан» — прочувствуй разницу. Да, он ушел — но мы не отказали ему в праве быть одним из нас. Потому что его отец погиб, выполняя взятые на себя обязательства, и потому, что мы виноваты перед ними обоими. А теперь выметайся отсюда. И телегу не забудь.

Кархад встал, с трудом подавив вспышку злости:

— Я бесконечно сожалею о сказанном мною, однако вы, кажется, тоже кое-что забыли! Тот, кого вы защищаете, несмотря ни на что, вообще-то опасный убийца. Мысль о том, что я обдумываю убийство эльфа, справедливо возмутила вас — но что будет, если эльф, один из вас, убьет моего короля?!

Старший приподнял бровь:

— Во-первых, слухи, рассказанные людьми, для нас веса не имеют, потому твое утверждение о том, что Р'Энкор — убийца, крайне спорно. Во-вторых, мы не считаем

наемного убийцу собственно убийцей, он орудие, с которого нет спроса, истинный убийца — заказчик. Такие у нас обычаи. Потому отвечаю на твой вопрос: если Р'Энкор убьет твоего короля по заказу другого человека и скроется в нашем лесу — не будет ничего. Вы похороните своего правителя и выберете нового, вот и все. И даже не сможете никого наказать.

— Это... это возмутительно!!

— Таковы наши законы, человек. И если хочешь жить с нами в мире — будешь их уважать. Мы никому не отказываем в праве защищаться — но Р'Энкор для тебя неприкасаем точно так же, как и любой другой эльф, до тех пор, пока ты не застанешь его ночью с кинжалом у кровати твоего короля. Или пока он не убьет кого-нибудь не по заказу, а по своему желанию. А теперь проваливай!

Деревню эльфов Кархад покидал с позором и злостью на самого себя. Ведь мог же, мог заметить довольно закономерный момент, если бы вдумчиво слушал! Как он вернется теперь к королю с непринятым подарком?! Какое фиаско... Старейшины, словно подчеркивая, что больше для него нет места в селении, шли по пятам. Чуть ли не пинками прогнали.

Уже шагнув за черту, Кархад решительно остановился и повернулся.

— Я прошу прощения, что испытываю ваше терпение — но всего лишь один последний вопрос. — Он показал прозрачный кристалл, который до того зажал в кулаке: — Р'Энкор говорил королю, что никогда никого не предавал, и кристалл не показал лжи. Может ли друу своей темной магией обмануть вот это?

Ответил ему третий из старейшин:

— Ты слыхал о Договоре Восьми?

— Эм-м-м... Что-то такое слышал...

— Когда-то Восьмеро были соперниками. Однако, когда их власть пошатнулась под напором других богов и демонов, им пришлось заключить мирный договор, прекращающий их противостояние. Кристаллы правды дала смертным Сияющая Дэнэбриэль, и преодолеть их силу без помощи иного божества невозможно. Весь известный тебе мир поверхности — владения Восьми, ни один другой бог не имеет тут власти, а остальные Семь не помогут противостоять силе кристаллов из-за договора. Потому в другом месте, в Подземье, или иных, очень далеких краях, можно заручиться чужой божественной милостью и обмануть кристалл Сияющей Дэнэбриэль — но не здесь. Если Р'Энкор сказал, что никогда никого не предал, и кристалл правды в руке твоего короля не раскололся — значит, Р'Энкор не лгал. Еще один повод не верить людской молве.

* * *

Турнир Князей — чуть ли не самое знаменательное для высших эльфов событие, непременно собирающее почти всех обитателей Вечного Леса, кто не занят несением караула или другими жизненно важными делами. Проводился этот турнир в колоссальном, выстроенном более десяти тысяч лет назад амфитеатре, который людишками считался одним из чудес света. Шутка ли, самый последний ярус возвышается над ареной на огромную высоту, в семьдесят раз превышающую рост человека и в шестьдесят пять — рост эльфа. Пятьдесят ярусов могли вместить двести тысяч зрителей, и когда-то давно, когда высшие эльфы правили всей землей от Западного океана до восточных орочьих степей,

право попасть в амфитеатр получали только достойнейшие.

Однако теперь Турнир Князей — с каждым разом все более траурное событие. Все меньше и меньше зрителей собирается, и вот уже две тысячи лет исполинский амфитеатр вмещает всех желающих, и с каждым разом зрителей все меньше и меньше. Закат древнейшего из народов все ближе. Еще несколько Турниров — и все. Смотреть больше будет некому.

В этот раз два самых верхних яруса — совершенно пустые. Это значит, что всего зрителей — меньше ста восьмидесяти тысяч. Печально.

Однако вот затрубили трубы, в каждую из которых самозабвенно дует по десять трубачей, на много лиг возвещая о начале самого захватывающего зрелища, которое только может выпасть смертному существу. Турнир Князей, состязание, на котором меряться силой и мастерством будут величайшие из живущих ныне магов, а именно — сильнейшие маги старейшего из народов, которым равных просто нет.

Келленсилль никогда прежде не видела настоящего турнира, поскольку родилась уже после того, как ее отец стал верховным князем, а власть его никем никогда не оспаривалась. Те турниры, которые происходят раз в сто лет по традиции — не в счет, потому что Турнир Князей, на котором не идет борьба за корону верховного князя — не турнир, в нем отсутствует соревновательное начало. Маги не состязаются всерьез, иногда вплоть до летального исхода, а просто демонстрируют свое мастерство, нередко вообще выходя на арену в одиночку, без соперника, а те, которые все же устраивают противоборство — соревнуются вполсилы во избежание ненужных ранений.

Вот и в этот раз все должно было стать просто показухой, поскольку все кандидаты, которым были отправлены приглашения, отказались от борьбы за титул верховного правителя. И дело было даже не в том, что Келленсилль, дочь двух магов из числа сильнейших, сама унаследовала колоссальный дар: за ней с детства закрепились репутация очень расчетливой и умной девочки, освоившей, помимо магии, многие другие дисциплины и сумевшей в весьма юном возрасте прекратить соперничество двух кланов, с которым ничего не могли поделать другие правители. Потому некоторые формальные претенденты, не уступающие Келленсилль в силе и превосходящие в мастерстве, отозвали свои кандидатуры, признавая ее превосходство по совокупности качеств, необходимых правителю.

Однако в самый последний момент соперник для будущей верховной княгини все же нашелся, и был это не кто иной, как Лорринайнэн Полукровка.

Этот маг, полуэльф-получеловек по крови, слыл одним из самых смертоносных боевых магов задолго до того, как отец Келленсилль выиграл корону в тяжелейшем состязании. Лорринайнэн стал печально известен далеко за пределами Вечного Леса еще четверть тысячелетия назад, когда в одиночку, не дожидаясь сбора карателей, отправился в ближайшее селение людей взыскать цену крови. Там он не только устроил огненный суд виновникам, но также подстерег посланный на помощь кавалерийский отряд и уничтожил его, оставив в живых лишь одного человека, чтобы тот мог рассказать о случившемся.

После того случая Лорринайнэн также приобрел репутацию рассудительного мудреца, когда снял свою кандидатуру с турнира, отказавшись бороться с отцом Келленсилль.

Свое решение он объяснил очень просто:

— Достаточно и того унижения, что самый искусный маг эльфов — наполовину человек. Если я стану еще и верховным князем... И вы все прекрасно понимаете, что не

хотите видеть меня верховным князем, хоть и не признаете это. Я и сам не желаю видеть себя князем: верховный князь эльфов — получеловек... Это же несерьезно, чтобы не сказать — оскорбительно.

Но в этот раз он внезапно, за два дня до начала турнира, выдвинул себя в претенденты, снова мотивировав свое решение просто и мудро:

— Тяжелые времена требуют сильных правителей. В прошлый раз у князя Кэлнителльта было достаточно сильных соперников, чтобы выявить сильнейшего. А теперь их просто нет. Вообще ни одного. Я понимаю, почему все отказываются от участия, и согласен с ними, но... Верховная княгиня, получившая корону без победы в тяжелейшем бою — это еще хуже, чем князь-полукровка. Потому, Келленсилль, дочь Кэлнителльта, готовься к состязанию. Я скорее сам заберу корону, чем позволю носить ее недостойному.

Келленсилль отлично представляла себе серьезность предстоящего поединка. Лорринайнэн, имея весьма ограниченный, по меркам Старшего народа, талант к магии, превзошел в мастерстве очень многих, если не всех. Важно было не то, насколько сильные заклинания он творил, а то, как он это делал. Его бой с кавалерийским эскадроном занял четверть часа, хотя по-настоящему могучий маг разгромил бы врага лишь несколькими заклинаниями в пару минут, а остальные в ужасе разбежались бы. Однако Лорринайнэн сражался весьма длительное время, и при этом не только защитился от всех атак, но и не позволил никому сбежать. Так что противник у Келленсилль будет хоть и слабее, но при этом намного опытнее и несоизмеримо искуснее.

Зрители поприветствовали Келленсилль, как только она появилась на арене, и княжна с грустью подумала, что это печально. Когда тебя приветствует весь твой народ — это своеобразная насмешка судьбы. Однако, может быть, именно ей удастся сделать так, чтобы столетия спустя, когда она сама будет принимать Турнир, чтобы определить своего преемника, Старший народ снова не помещался в амфитеатре полностью. Но для этого княжна должна любой ценой победить здесь и сейчас.

Турнир начался с выступлений самых молодых магов. Юноши и девушки, только-только закончившие начальное обучение и получившие звание мага низшей ступени, представили свое мастерство на суд всего народа. Особенно понравился Келленсилль один паренек, который очень скромненько вышел на арену, поклонился во все стороны, а затем молча сотворил три простейших заклинания — светляк, элементарнейший оберег и огнетушение — одновременно. Бросанием нескольких огненных шаров или одновременным поражением молнией нескольких мишеней никого не удивишь, но самые искусные маги оценили то, как непринужденно юный чародей сотворил три совершенно разных заклинания, что зачастую может не всякий архимаг. У парня определенно большое будущее, и Келленсилль отметила, что уже знает одного из тех, кто будет бороться за право стать ее преемником... Если доживет, конечно, ведь жизнь высшего эльфа, зажатого в клетке границ человеческих королевств, полна опасностей.

Затем пошла демонстрация мастерства более опытных волшебников.

Первые бурные овации сорвала молодая магесса с восточного края. Она вышла на арену, держась за руки двух прославленных Стражей, и вместе с ними телепортировалась на десять шагов вперед. Амфитеатр разразился громоподобным рукоплесканием, десятки тысяч свирелей вознесли хвалебные нотки до небес. Келленсилль хлопала в ладоши в неопишемом восторге, к которому примешивалось чувство профессиональной зависти: она, одна из сильнейших магов, так не сможет, просто не сможет. Творить сложные заклинания, держась

за руки Стражей — задача непростая, но осуществимая, но вот еще и телепортировать их вместе с собой... Несколько десятилетий обучения и тренировок — и эта девочка будет шутя, «на лету» читать даже те заклинания, которые почти невозможно сотворить иначе, чем в форме ритуала.

В последующий час на арене произошло еще немало такого, что даже у лесных эльфов случается, в основном, в сказках. Турнир стал демонстрацией мощи и мастерства, а те, которые выглядели бы бледно по сравнению с более сильными и искусными соперниками, устраивали целое представление, выступая, в основном, парами ученик-учитель. Особенно зрителям понравился поединок двух боевых големов, и хотя ученик оказался не в состоянии противостоять своему наставнику, созданные ими големы наглядно показали: древнее искусство отнюдь не утрачено.

Однако день близился к вечеру, а Турнир Князей — к логическому завершению. Настало время Келленсилль лично спуститься на песок арены.

На противоположной стороне появился Лорринайнэн Полукровка, облаченный в боевые доспехи и с двумя жезлами. Келленсилль предпочла длинный боевой скипетр, чтобы усилить свою мощь как можно больше: тягаться в мастерстве и хитрости с таким противником — дело безнадежное, вопрос в том, что он сможет противопоставить сокрушительной силе магии.

Соперники поприветствовали друг друга ритуальными фразами и поклонились князю и народу, загудели огромные трубы. Амфитеатр застыл, следя за поднятой рукой князя и ожидающими сигнала магами. Вот Кэлнителльт опускает руку — да победит сильнейший!

Келленсилль моментально взмыла ввысь, хлестнув вниз струями пламени с кончиков пальцев, так, для разминки, поглядеть, что сможет противник, однако Лорринайнэн даже не шевельнулся, уповая на защитные амулеты и мысленно читая оберег. Княжна, зависнув над серединой арены, перебросила с кристаллического навершия скипетра себе в ладонь крохотный огонек и мгновенно напитала его мощь до предела, на котором уже едва удерживала его, а затем швырнула вниз, буквально расплескав под собой озеро пламени. Лорринайнэн не стал переоценивать свою защиту и телепортировался на другой конец арены.

Келленсилль развернулась, и в следующий момент засмеялась еще до того, как начала в полный голос читать новую формулу, а Лорринайнэн скрестил свои жезлы, заставив плясать между ними ослепительную дугу молнии. Княжна, спасаясь от атаки, была вынуждена призвать на помощь всю волю и все мастерство, смеясь и внутренне ненавидя себя за недалекость и оппонента — за мудрость. В самом деле, ее собственные амулеты и волшебные руны, призванные защищать хозяйку от чего угодно — кашля, слепоты, судорог, паралича, сна, немоты, глухоты, потери ориентации, страха, паники и многих других проклятий, вообще не предусматривали защиты от смеха. Грубейшая ошибка с ее стороны и гениальное решение Лорринайнэна, ведь знать об этой прорехе в защите он не мог. Просто догадался, что никто не защищается от смеха — и создал заклинание, превратившее смех в оружие. И теперь они поменялись местами, что тоже неожиданно: старый искусный маг колдует в полную силу, вкладывая в заклинание мощь воли, жеста и голоса, а могущественная Келленсилль, лишившись возможности произносить вербальные компоненты, вынуждена хитрить и изворачиваться, отчаянно защищаясь волевой и глифовой составляющими чар и призывая все свое мастерство, чтобы как-то обойтись только ими, и силясь, помимо защиты, еще как-то прочесть заклинание рассеивания.

В конечном итоге Лорринайнэн, наступая, заставил ее опуститься на землю и припер к стенке, наступая и обрушивая на княжну всю свою мощь, творя пусть не очень сильные заклинания, но зато с двух рук одновременно — и разные вдобавок. Келленсилль, видя, что вот-вот проиграет, замкнула вокруг себя защитный барьер, наконец-то стряхнула проклятие безудержного смеха и подкрепила силу защиты голосом, выиграв короткое мгновение, но уступив всю инициативу поединка сопернику.

Лорринайнэн, прекрасно понимая, что защитные чары, вобравшие в себя всю силу столь мощного противника, ему никак не пробить, принялся плести новые заклинания и непринужденным жестом поднял в воздух несколько каменных обломков, оставшихся после схватки големов. Княжна не столько с ужасом, сколько с возмущением поняла, что ее собираются прихлопнуть совершенно немагическим способом, метая обычные камни размером с ее голову, грубый вес которых волшебный барьер никаким образом не остановит, а телекинез ее коньком никогда не был. Остановить тучу стрел или брошенный кинжал — легко, но вот такие вот булыжники — вряд ли.

Первый камень просвистел у ее уха с такой скоростью, что, попади он в цель, поединок впервые за четыре столетия закончился бы гибелью одного из участников, и весь народ ахнул в один голос.

В тот момент, когда Лорринайнэн взвесил над ладонью второй камень, Келленсилль пошла на крайние меры. Безусловно, и она, и противник надежно защищены от чар противомагического резонанса, но вот обломок, висящий над ладонью Лорринайнэна — нет, а остаточная магия в нем должна оставаться еще после того, как он откололся от голема.

Княжна выбросила вперед руку, читая заклинание молча, чтобы Лорринайнэн не понял, что именно, и ее расчет оправдался.

Резонанс оказался весьма сильным, камень разлетелся в осколки мелкого гравия, все сотворенные чары моментально рассеялись. Старый маг проявил невероятную ловкость, следя, чтобы поднятые им в воздух камни не упали ему на ноги, а Келленсилль, не дожидаясь, пока последние вибрации резонанса утихнут, бросилась вперед. Лорринайнэн, конечно же, не опасался магического нападения, во время резонанса колдовать — себе дороже выйдет — но все равно не ожидал, что ему оплатят его же монетой, грубой и вульгарной физической атакой.

Княжна, используя свой скипетр в качестве опоры, прыгнула вперед, нанося удар двумя ногами сразу. Старый маг ничего поделать не смог, сказались почтенный возраст и унаследованный от отца-человека недостаток ловкости. Получив сокрушительный удар в грудь, он отлетел на два шага и растянулся, кашляя, на песке.

Келленсилль же с последним отзвуком резонанса соткала между пальцев правой руки сеть крохотных молний и влила в них столько силы, сколько смогла одновременно извлечь из скипетра. Свою собственную она тратить пока не спешила, к тому же в ее намерения не входило испепелить Лорринайнэна: просто прихлопнет вполсилы — и конец поединку.

Однако старый маг, лежа на земле, оказался сложной мишенью. Коротким движением он метнул в нее оба своих жезла один за другим. Княжна не пожелала отвлекаться на уклонение, понадеявшись на мгновенно сотворенный одним лишь мысленным произнесением защитный оберег, и в следующий момент горько об этом пожалела. Первый жезл ударился ей в грудь — и молнии в правой руке просто угасли, а вместе с ними и сам оберег, а затем второй принес к цели мощные чары грома.

Лежа на земле и борясь с диким звоном в голове, Келленсилль сообразила, что старый

маг переиграл ее, интуитивно либо благодаря опыту найдя в ее защите еще одну брешь. Эфирная сфера оберега сильного мага создается с таким расчетом, чтобы не пропустить снаружи ни одно заклинание, а внутри себя блокирует любой чужеродный магический эффект, не влияя на чары, создаваемые самим магом. Однако первый жезл содержал в себе не эффект чар, а его прямую противоположность. Руна рассеивания магии, нанесенная на него, одним касанием разбила все творимые княжной заклинания, и хотя не подействовала на волшебные амулеты и руны, этого оказалось достаточно, чтобы часть силы второго жезла пробилась сквозь последний рубеж защиты.

Келленсилль, силясь прочитать, невзирая на звон в ушах и голове, хоть какое-то заклинание защиты, видела, как Лорринайнэн, поднявшись, плетет в пальцах огненные нити. Что ж, ее скипетр тоже с секретом. Лежа, она ударила им по земле, и точка удара пришлась на пространство между нею и противником. А затем упрятанный в навершие «бич земли» вырвался на волю.

Земля в шести шагах вокруг вздрогнула, да так, что это почувствовали даже зрители первого яруса. Лорринайнэна и Келленсилль мощным подземным толчком подбросило в воздух, и на этот раз она все же успеха прочесть формулу, зависла над землей, читая оберег и зажав посох подмышкой, и сформировала между ладонями искристый шар.

За миг до удара старый маг успел встать на ноги — и моментально телепортировался во все стороны. Вокруг того места, над которым висела княжна, образовался круг из двух десятков Лорринайнэнов, а там, где он только что стоял, песок от удара молнии превратился в раскаленную лужицу.

Зрители, старающиеся хранить тишину, ахнули.

Келленсилль наобум хлестнула молнией в ближайшего врага, испарив иллюзию, во все стороны полетели огненные капли. В ответ один из Лорринайнэнов метнул огненный шар, оберег выдержал, но в лицо княжне дохнуло жаром. Она ударила в ответ, полагая, что треск молнии и шипение сгорающей плоти ознаменуют конец поединка, но не тут-то было! Лорринайнэн, метнувший в нее огненным шаром, тоже оказался иллюзией!

Княжна, осознав, что противник способен формировать и метать заклинания непрямым способом, из рук иллюзии, нанесла еще один удар наугад, разделив всю мощь своей души между атакой и защитой, и стерла сразу две близко стоящие иллюзии.

Целую минуту, напряженную, как струна, Келленсилль изо всех сил была молниями по иллюзиям, пытаясь угадать, под которой из них — настоящий противник, а тот швырялся огненными шарами и при этом умудрялся еще время от времени создавать тут и там новых себя. Наконец-то каждый из противоборствующих в своей стихии — потрясающая мощь против непостижимого мастерства. Весь Старший народ с замиранием сердца следил, что случится раньше, Келленсилль истощит свои силы и будет поражена огненным шаром или Лорринайнэн станет пеплом, когда княжна наконец-то угадает.

Однако ей отчаянно не везло, она пробовала и так, и эдак, поражала то иллюзию, метаящую пламя, то стоящую в стороне от метящей — все без толку, а ведь, когда перед тобой восемь-девять целей, шансы угадать — один из восьми-девяти, не так уж и мало, и при большом числе попыток шансы попасть велики. Должно быть, хитрый враг еще и сам телепортируется с места на место, невозможно угадать, новая иллюзия — это иллюзия или же враг во плоти, перенесшийся сюда с другого места...

А ведь он наверняка запускает огненный шар, находясь за спиной княжны, мелькнула внезапная догадка. Келленсилль ведь всегда разворачивается в сторону бросающего и бьет

молнией по одной из иллюзий в пределах ее поля зрения... Вот оно! Лорринайнэн каждый раз телепортируется и запускает шар с противоположной от себя стороны, сводя вероятность попадания молнии в него к нулю, ведь Келленсилль всегда к нему спиной в момент своей атаки и не может выбрать его вероятной целью!

Как только одна из иллюзий сформировала в руках огненный шар, княжна развернулась обратном направлении и изо всех сил принялась наносить удар за ударом по всем видимым Лорринайнэнам, а в следующую секунду поняла, что осталась на арене одна. Иллюзии исчезли вместе с сотворившим их магом, только тут и там дымится песок. Оппонент удрал, оставив за Келленсилль поле боя и право на княжескую корону... или же стал невидимым?!

Однако еще до того, как княжна принялась произносить заклинание открытия сокровытого, Лорринайнэн, слегка дымясь, помахал ей рукой из второго яруса и поклонился.

— Я признаю твою победу, Келленсилль, дочь Кэлнителльта, — слышались его слова в полной тишине.

А потом амфитеатр взорвался бурей поющих свирелей, и почти двухсоттысячный хор Старшего народа принялся приветствовать будущую княгиню Вечного Леса.

* * *

Поход был неблизким, а телега — не самый быстрый способ передвижения, однако маленький отряд Владыки из Лагурента так никто и не догнал. Скорее всего, король Зоданги здраво рассудил, что незачем рьяно напрашиваться на неприятности, раз нападающие не тронули его самого, разобравшись только с храмовниками — значит, пускай себе уходят. Хотя рассуждение здоровое только для ограниченного умишка, кто помудрее — догадался бы, что если демонический отряд приходит вызволить из Ямы самого Норлаша — значит, скоро жди беды. Вот прямо сейчас жалкие людишки вполне могли бы помешать планам Владыки, потому что у него войска — меньше полусотни бойцов. Когда же все десять тысяч придут — будет поздно.

Такие думы Норлаш прокрутил в голове не раз и не два, благо времени было полно. Длинный караван медленно полз по землям Зоданги от поселка к поселку, нигде не встречая сопротивления и грабя крестьян и попадающиеся навстречу торговые караваны на предмет новых лошадей, повозок, возниц и провианта. Точнее говоря, случались попытки сопротивления, которые неизменно заканчивались с одним и тем же результатом.

Чернокнижник также немало времени потратил, пытаясь разгадать замыслы и план действий своего нового союзника. Он с некоторым удивлением обнаружил, что остальные воины Трэйкхана Кхейла, как назвал себя демон-владыка, тоже суть демоны во вместилищах, только пониже рангом. Это открытие порождало массу новых вопросов, и Норлаш всю напрягал извилины, пытаясь удовлетворить профессиональное любопытство. Демон во вместилище — явление само по себе редчайшее, потому что одержимый астральным аспектом демона человек — это так, шалости. Вместилище, фактически ставшее хозяину заменителем тела — совсем другой разговор. Демон не просто управляет телом, вместилище — для потустороннего визитера практически единственный способ прибыть в чужой для него план бытия почти физически и принести с собой не только свою волю, но и свою мощь. И не всякому демону сия задача по плечу, к слову.

Вторым вопросом, скорее праздным, чем серьезным, был подбор вместилищ. Налицо

прямая аналогия с людскими армиями: подобно тому, как короли зачастую одевают своих солдат в однотипные и одноцветные доспехи, так и Владыка обеспечил подчиненных ему демонов такими же вместилищами, как и свое собственное, но, конечно, похуже слегка. Все выглядят как закованные в неподъемные доспехи воины с лицами и внешностью вроде бы человеческой, но при орочьих габаритах. И доспехи разукрашены останками, однозначно принадлежавшими демонам. Норлаш даже чувствовал остаточные эманации, сливающиеся воедино: мощные ауры самих демонов и легкую вибрацию из останков. Особенно сильно эта разнородность чувствовалась вблизи демона-владыки: сильная дрожь эфира, проистекающая из тела-вместилища, и разноголосая вибрация от многочисленных останков, украшающих броню, в которой уверенно лидировала остаточная аура закрепленных позади головы рогов: их владелец, видимо, был весьма сильным демоном... при жизни.

Также чернокнижнику стало любопытно, почему Владыка и его солдаты истребляли себе подобных. Демоны часто собачатся между собой, это не секрет ни для одного демонолога, но факты борьбы со смертельным исходом людям практически неизвестны, а тут — налицо массовое избиение одних демонов другими.

На одном из привалов Норлаш задал Владыке прямой вопрос.

— Потому что они вторглись в Лагурент, — коротко ответил тот.

— Лагурент — это твои владения, о великий?

— Да.

Оставшись наедине со своим учеником, чернокнижник тихо просил:

— Ты, случаем, не знаешь, что такое «Лагурент»? Я такого слова в абсолютном языке не встречал.

— Если вы не знаете, мастер — куда уж мне?! — развел руками Малантус.

Продолжая наблюдения, Норлаш сделал еще несколько открытий. Вместилища обладали недюжинным аппетитом и трескали все подряд, отдавая предпочтение рыбе и овощам, мясо ели только если не удавалось награть другой пищи, хотя чернокнижник точно знал, что демоны отдают предпочтение именно мясу, притом сырому, и крови. Вероятное объяснение этому факту он отыскал быстро: демон во плоти — это демон во плоти, а вот вместилище состоит из плоти вовсе не демонической.

Все известные Норлашу случаи вселения демонов во вместилища неизменно были краткосрочными, так как демон зачастую расходует жизненную силу вместилища чрезвычайно быстро. Потому он не очень удивился, что демоны во время привалов снимали доспехи и в целом вели себя примерно как живые воины, будь то люди или орки. Другой вопрос, что привалы происходили редко, раз в два-три дня, и только тогда, когда не удавалось схватить новых возниц и коней: обычные смертные и животные, в отличие от демонов, нуждались в отдыхе. И хотя Владыка предпочитал двигаться день и ночь, в такие моменты демоны все же давали отдых и своим вместилищам, выставляя и меняя часовых, как грамотные воины. И во всем этом была единственная неувязка: что же это за вместилища такие, способные питать демона так долго?!

В один такой вечер Малантус прошептал на ухо учителю:

— Мастер, а вы заметили, что когда они снимают доспехи — аура их разделяется? И то, от доспехов эманации посильнее будут. Как так-то? Может, демоны на самом деле внутри доспехов?

Сам Норлаш к тому времени уже ломал голову над этим вопросом. Он прекрасно понимал, что демон в плане Сангарии даже во вместилище долго протянуть не может:

жизненных сил живого тела не хватит, чтобы питать демона, особенно такого мощного. Однако Владыка и его воины обходили это ограничение с легкостью, и чернокнижник пытался решить, в чем же дело. То ли вместилища невероятно жизнеспособные, то ли дело в немыслимой демонической магии, то ли сами доспехи пропитаны мощью, за счет которой питаются демоны. Не исключено также, что всех их снабжает энергией сам Владыка: богоравному существу это может оказаться под силу. Другой вопрос, что Норлаш в демонической математике разбирается очень хорошо и потому в полнейшем недоумении: чисто теоретически получалось, что на поддержание себя и своей маленькой армии Владыка уже растратил количество энергии, примерно сопоставимое с той, которую можно получить, мучительно умертвив всех жителей большого города.

Чернокнижник пересчитал дважды — результаты получились примерно те же. Вариантов всего три: то ли великий Норлаш где-то ошибается в расчетах, то ли на самом деле могучие демоны во вместилищах нуждаются в меньшем количестве энергии, то ли ошибки нет, просто богоравный демон-владыка стремится захватить Сангарию, не считаясь ни с какими затратами. Судя по всему, он весьма силен, ведь его ждет не только борьба со смертными, но и с Восемью. Хотя последнее еще не факт: Велькион, к примеру, за своих служек-храмовников никак не заступился. В самом деле, Восьмеро, вообще-то, слабаки: их хватает только на то, чтобы сообща отстоять свой домен от кого-то их же класса. Но случись вторжение демона вроде Владыки — велика вероятность, что Восемь просто уступят владения без боя, сберегая уже накопленную силу и бросая свою паству, усердно молившуюся им на протяжении тысячелетий, на немилость захватчика. Хотя, если вдуматься, Трэйкхан Кхейл избрал самый неотразимый способ нападения: не захват божественной власти над миром путем астрального сражения в божественных чертогах, а захват физический и фактический. Восьмеро могут сидеть в своей обители и дальше, но в этом не будет смысла, если в самой Сангарии не останется тех, кто будет им поклоняться...

А в то, что Восьмеро снизойдут в мир смертных для личного участия в борьбе, или хотя бы изберут своих чемпионов, Норлаш не верил вообще.

Тем временем караван добрался до границ Зоданги, держа путь к ближайшему мосту через пограничную реку. И когда синяя лента мирно текущих вод появилась на горизонте, там же обнаружилось и небольшое войско: кадорианцы уже ждали.

* * *

Мирдана аккуратно сложила письменные принадлежности в инкрустированный перламутром ящичек и поблагодарила магистра Тайдуса за урок. С математикой на этой неделе все, теперь надо подготовиться к визиту художника.

Всего за два месяца принцесса освоила азы живописи и уже вполне прилично рисовала простенькие пейзажи и своего кота. Конечно, все учителя и придворные восторгались в один голос, но увы, приучить слуг не льстить невозможно. Потому Мирдана посетила мастерские нескольких признанных корифеев кисти и холста и скупилась небольшую коллекцию относительно простых картин. Сравнивая работы мастеров со своими неуклюжими попытками, она хорошо видела, насколько далеко ей до настоящих художников. Вместе с тем принцесса пришла к выводу, что талант у нее все-таки есть. Остается лишь учиться и постигать секреты мастерства.

Дверь приотворилась без стука, и Мирдана поняла, что это отец, еще до того, как обернулась.

— Здравствуй, цветочек мой, — сказал он, — как твои успехи?

— Я хорошо усвоила урок Тайдуса, папа, — ответила принцесса, — а сейчас жду маэстро...

— Он не придет, доченька, — мягко сказал король, — ему заплатили и объяснили, что ближайшие несколько месяцев у тебя будут уроки поважнее.

— Но папа!!

— Доченька, я знаю, как ты любишь рисовать. Но живем мы в очень темное и беспокойное время, когда вокруг чужеземные убийцы и предатели из числа своих. И потому я решил, что тебе стоит научиться некоторым более полезным премудростям.

В этот момент из дверного проема бесшумно появился дроу, поклонился и остановился чуть позади короля.

— Р'Энкор будет твоим новым учителем, обучит тебя владению стилетом, — сказал король.

Принцесса скептически склонила голову набок и напомнила:

— Вообще-то, меня научили им пользоваться в одиннадцать лет.

Тут в разговор, кашлянув, вмешался дроу.

— Я опасаюсь, что вы, ваше высочество, неправильно понимаете слова «научили пользоваться», — вкрадчиво заговорил он, — вас научили, как избежать бесчестия, убив себя. Не самая удачная идея. Я научу вас избегать бесчестия, убивая покушающихся на вас.

— Да ты смеешься?! — возмутилась принцесса. — Я, между прочим, благо...

— Ваша благородность позволяет вам убить благородную леди, то есть себя, но не позволяет прикончить негодяя? Странные у вас понятия о благородстве. К тому же, ваша смерть вовсе не обязательно позволит вам избежать бесчестия, другое дело, что вы о нем уже не узнаете... Но давайте не будем о гнусном. Вы любите фокусы, ваше высочество?

Фокусы Мирдана, конечно же, любила. Когда искусный трюкач достает из шляпы забавного попугая, заставляет игральные кости парить над ладонью или монеты — растворяться в воздухе, за этим можно наблюдать очень долго.

— Люблю, кто же не любит.

Дроу обаятельно улыбнулся, крутанул в пальцах тонкий клинок — и в следующий момент в его кулаке их оказалось уже три.

— Давайте посмотрим на вопрос с другой точки зрения. Я научу вас захватывающим фокусам с клинками — а вы уже сами решите, кому и как их показывать, хорошо?

Король с любопытством приподнял бровь.

— Ну это и я с интересом посмотрю.

— Как вам угодно. Итак, начинаем урок первый, о самых простых вещах. И первое, что следует знать о стилетах и кинжалах для благородной леди... Где ваш стилет, ваше высочество?

— М-м-м... В другой комнате. Принести?

— Поздно. Запомните, даже если кинжал понадобится вам всего один раз в жизни — его нужно носить с собой каждый день и каждый час. Даже в собственных покоях. Если это слишком обременительно — можно обзавестись медальоном со скрытым лезвием или зашить тонкие клинки или иглы в каждое платье. Спрятать в любую вещь, которая всегда при вас. Но это уже задание для придворных мастеров-оружейников.

Второе, что следует знать о клинке, которым вы будете защищаться — его появление в вашей руке должно быть сюрпризом. И нанести удар вы должны немедленно. Вот, держите мой кинжал. Я буду нападать на вас, а вы защищайтесь им.

— Но он же... острый. Я могу вас нечаянно поранить.

Король негромко засмеялся в усы, Р'Энкор же широко улыбнулся:

— Меня пытались, хе-хе, поранить много раз, и очень умелые бойцы. Мало кому удалось. И вам не удастся, так что не переживайте.

Мирдана аккуратно взяла предложенный кинжал — не длинный, но очень острый — так, как ее учили в детстве, а затем повернула кисть от себя, чтобы острие смотрело не в собственное сердце, а в сторону эльфа. Р'Энкор шагнул вперед, протянул руку — и в следующий момент принцесса даже не поняла, как оружие попало в его ладонь.

— Я не успел уследить, — досадливо признался король.

— Радуйтесь, мой повелитель, — поклонился дроу, — большинству тех, кто не успевал уследить за моими кинжалами, это стоило жизни. А поучительный момент в этом фокусе — ваше высочество, вы должны ударить до того, как враг вообще поймет, что у вас есть оружие. Потому что умелому противнику не составит труда его у вас отобрать.

Принцесса покачала головой:

— Это совершенно невозможно, Р'Энкор Арн'Кай. О том, что в Талсидонии благородные женщины, а иногда и не только благородные, всегда держат при себе стилет или кинжал, известно далеко за пределами нашей страны. Так что о моем стилете противник будет знать наперед, не сомневайтесь.

Эльф снова улыбнулся.

— Хорошо. Мой повелитель, — обратился он к королю, — вы не поможете мне? Вы ведь наверняка знаете пару приемов. Я буду вашей дочерью, а вы — ее противником. Да, вот сюда станьте, пожалуйста, чтобы ее высочеству было хорошо видно. Вот, я держу клинок. Делаем все медленно и плавно, вы отбираете у слабой, нетренированной леди нож.

Мирдана с любопытством смотрела, как отец показывает прием. Вот его руки ложатся на кисть и предплечье эльфа, медленный поворот, хорошо иллюстрирующий принципы жесткого захвата руки. Легко и непринужденно отец ставит Р'Энкора на колени, выворачивая руку, и кинжал сам падает в мозолистую от рукояти меча ладонь.

— Готово. Вот так это...

— А теперь опустите ваши взоры вниз.

Дроу, стоя на коленях у ног короля, держал в левой руке еще один кинжал, едва касаясь штанины.

— Далее вы бьете в бедренную артерию, ваше высочество, и даже если враг отберет у вас и второй клинок — все равно он истечет кровью до того, как сумеет осуществить покушение на вашу честь. Если все знают, что у вас, благородной талсидонской леди, есть стилет — вы должны иметь их при себе два. А лучше три. — Он встал с колен и протянул принцессе кинжал на ладони: — а если у вас больше, чем один клинок, вы можете найти остальным хорошее применение.

Далее последовал неуловимый жест, быстрый поворот корпуса — и кинжал буквально улетел из почти неподвижной руки, вонзившись в шкаф. И если Мирдану, не сведущую в метании ножей, бросок удивил не так чтоб очень, то у отца, в молодости изучавшего ратное мастерство, буквально отвисла челюсть.

— Как?!!

— О, совсем просто, мой повелитель. Секретный способ метания ножей, вилок, гвоздей, даже стальных перьев для письма. Всего длинного и острого. Я отвожу руку в сторону. Затем делаю волнообразное движение ногами, поворот. Ну, как волна, только с горизонтальной амплитудой. Видите? Затем так же доворачиваю корпус, вдогонку ногам. И затем вдогонку ногам и корпусу — волнообразное движение руки. Главное придержать клинок большим пальцем, чтобы был упор — и он улетает с ладони острием вперед. И кажется, что это происходит само собой. Способ так и называется — волновое метание. Это проще, чем классические броски с необходимостью высчитывать количество оборотов клинка — и быстрее. В общем, нам понадобится несколько тренировочных стилетов и позже — несколько боевых. Потому что те, с позволения сказать, ножи, которые обычно носят дамы — они ни на что не годятся.

За час Р'Энкор показал своей ученице по меньшей мере два десятка удивительных трюков. Он бросал одновременно шесть ножей — по три каждой рукой — которые перед этим появлялись в его пальцах словно по волшебству, отбирал у Мирданы и короля кинжал, хватаясь голой рукой за лезвие, и попадал брошенным письменным пером в круг размером с монетку с пяти шагов.

— На самом деле, большинство из того, что вы видите, требует упорства, ловкости, времени и вам в жизни вряд ли понадобится. Общее же правило использования стилета для самообороны благородной дамы заключается в том, чтобы носить оружие незаметно, вынуть внезапно и ударить точно до того, как негодяй поймет, в чем дело. И все. Этому выучиться не многим сложнее, чем правильному употреблению ножа и вилки за обедом.

Мирдана вздохнула.

— Со стороны выглядит, конечно же, захватывающе, но на деле сия наука требует времени, при том, что мне она, как вы заметили, вряд ли понадобится. Я бы предпочла живопись.

Р'Энкор покачал головой.

— Вы недооцениваете силу оружия, ваше высочество. Вы видите в нем лишь способ убийства, себя или врага, но не более того. Если вы будете мастерски владеть стилетом — он будет приносить вам пользу каждый день. Вы будете чувствовать себя совсем иначе. Знаете, так уж вышло, хе-хе, что мне не раз приходилось видеть благородных дам, в том числе королевской крови, потерявшими голову от страха, прячущимися под кроватями, столами, в шкафах, визжащих от ужаса. Я их не виню: не всякому дано сохранить самообладание, когда по дворцу, где вы раньше чувствовали себя под надежной защитой стражи, разгуливает убийца с окровавленными саблями, а эта самая стража лежит кучей мертвых тел. Но давайте представим себе, что однажды вы оказались без сопровождения доблестных талсидонских рыцарей, в компании лихого люда. На что вам надеяться? На то, что они не посмеют покуситься на наследницу престола? На репутацию короны? На полчища рыцарей, которых вот прямо сейчас, когда они так нужны, поблизости нет? Или на свой стилетик, которым вы если и сможете забрать жизнь, то только свою? Поверьте, вам будет очень непросто держаться с достоинством, достойным принцессы. Вам будет страшно.

И совсем другое дело, если у вас имеется оружие и вы умеете им пользоваться. Тогда вам будет уже не очень важно, есть при вас охрана или нет. Вы на любого будете смотреть свысока, с гордо поднятой головой. И не потому, что вы дочь короля — а потому что вы можете лично, собственными руками расправиться с любым злодеем. И если вы знаете, что способны за себя постоять — сие чувство даст вам внутреннюю опору. И любая мразь будет

видеть это. Они как шакалы — набрасываются на того, кто слаб, но пасуют перед тем, кто их не боится, особенно если им непонятна причина вашего бесстрашия. А тот, кто может постоять за себя сам, смотрит и на мир, и на врагов, и на проблемы совсем по-другому. И чувства этого не обеспечит ни одна армия, потому что от армии вы зависите, а ваши собственные способности — они всегда при вас. И другие будут уважать вас за это и бояться. Не ваших рыцарей — а вас, лично вас. И при всем при этом вам, может быть, так никогда и не придется пролить чью-либо кровь. Разве всех этих преимуществ недостаточно, чтобы уделить обучению немного времени? Я способный учитель, если вы будете так же способны к владению клинком, как к владению кистью — вернетесь к изучению живописи уже в скором времени.

Мирдана неохотно кивнула:

— Ну ладно, куда деваться-то...

* * *

Кархад, мрачный как ночь, вошел в обеденный зал, где за столом единолично восседал король Дэнбар, и преклонил колена. Монарх сделал едва заметный жест и музыканты, наигрывающие медленную мелодию, немедленно утихли.

— Ну, какие вести принес, граф? — добродушно спросил он.

— Простите меня, ваше величество. Подвел я вас. Подарка эльфы не приняли, угрожали войной, меня едва ли не пинками прогнали. Из-за одной-единственной ошибки.

— И это все?

— А разве мало?

Король издал смешок:

— Ошибка, которая не стоила тебе жизни, благосостояния или любви твоих людей — не ошибка, а так, жизненный урок. Помнишь, где вы в детстве с Мирданой в прятки играли?

Кархад, конечно же, помнил.

— В дворцовом саду, на аллее единорогов.

— А теперь с первого раза угадай, откуда эта аллея взялась.

Самые разнообразные мраморные статуи, изображающие, в основном, всяческих единорогов, образовывали в королевском саду три параллельные дорожки, шесть рядов статуй, увитых плющом, утопающих в зелени и цветах. Отдельные экземпляры были очень старыми, лет триста или около того, и заросли там тоже были старыми и буйными, иногда игры в прятки затягивались настолько, что ищущий был вынужден сдаваться. Кархад раньше никогда не задумывался, откуда взялись все эти образчики ваятельного мастерства, но теперь... Возможно ли?..

— Вы хотите сказать, что все это — отвергнутые эльфами подарки?

— Все до единого. Ступай сюда, Кархад, передохни с дороги да подели со мной трапезу.

Рыцарь приблизился, король указал ему место сбоку от себя и милостивым жестом пододвинул одну из тарелок, полную салата из красной рыбы, сыра и свежих овощей.

— Благодарствую, ваше величество.

— В общем, Кархад, что касается эльфов — это не твоя вина. Они регулярно, каждые десять-двадцать лет оскорбляются чем-либо и напоминают, что могут и за оружие взяться.

Не потому, что ты действительно их оскорбил — а потому что обыкновение у них такое, напоминать нам, чтобы мы были поосторожней. И повод для отказа им любой годится. Не дай им такого повода ты — они непременно нашли бы, за что обидеться на следующего посла, просто потому, что с того момента, как они обиделись в прошлый раз, прошло уж пятнадцать лет. Такие вещи стоит иметь в виду, но по большому счету единственный результат этих мелких склок — аллея единорогов, напоминание нам о том, что эльфы... странный народ. Чем они на этот раз мотивировали свой якобы гнев?

Кархад почесал затылок.

— В двух словах тут не объяснить. Все это связано с Р'Энкором, чтоб его...

— Ты разузнал про него что-то?

— Да, ваше величество, разузнал все, что можно было... Начну с того, что он принадлежит к одному из кланов эльфов.

— Хм... Неожиданно. Я не думал, что эльфы потерпят, если один из них заделается наемным убийцей.

— Вот вам еще большая неожиданность: если он убьет кого-то по заказу, эльфы спрячут его у себя и не выдадут, потому что с их точки зрения наемник — не убийца, а инструмент, и отвечать за свои дела не должен. Вы слышали о такой традиции?

Король отхлебнул из бокала и задумчиво подпер рукой голову.

— Строго говоря, нет. Я вообще не слыхал, чтобы эльфы промышляли наемничеством любого рода... Если не считать изгоев, конечно, но эльфы-изгой — те еще сволочи. Уж если тебя изгоняет настолько терпеливый народ, как эльфы — для этого ты должен быть ну очень нехорошим... Но ладно. Что там дальше?

Кархад пересказал, тщательно вспоминая все детали, беседу с Тиэлем и светлейшими, Дэнбар внимательно слушал, а в самом конце спросил:

— И этот, дроу...

— Тиэль.

— Да, Тиэль, ты проверял его правдивость кристаллом, что я тебе дал?

Рыцарь достал из кармана кристалл правды и положил перед королем:

— Вот он. Все, что говорил Тиэль, было правдой, проблема в том, что все, известное нам о дроу, неприменимо к Р'Энкору. Тиэль говорил очень разумные вещи: дроу предаст, если это выгоднее, чем хранить верность, потому что ценит выгоду. Вопрос в том, каковы ценности вашего нового телохранителя, потому что он, когда погиб его отец, совершил по меньшей мере один поступок, ему невыгодный.

Король хмыкнул:

— Я так и знал. Все сходится.

— Что именно, ваше величество?

— Рассказ Тиэля, полагаю, дает мне последний кусочек мозаики. Я все думал — с чего бы вдруг такой известный и хорошо оплачиваемый наемник-убийца внезапно подался в телохранители?

— Есть у меня подозрение — втереться в доверие хочет, чтобы проще было ему убить цель, ну, скажем, вас. Вашей смерти сейчас многие желают.

Дэнбар покачал головой.

— Нет, друг мой, я не его цель, это исключено. Если коротко, то во время второго покушения, организованного Вальтусом, я выпутался благодаря Р'Энкору. Без его помощи у подосланных Вальтусом убийц были бы хорошие шансы, засаду устроили мастерски, а при

мне только четверо рыцарей. Если бы в тот момент Р'Энкор вмешался не на моей стороне, а против — меня бы уже не было. У него была возможность убить меня наверняка, значит, его цель — точно не я. Мне кажется, Тиэль прав. Р'Энкор обошел полмира, везде убивая за деньги, и где он был — оставил за собой тучи врагов. Коварством, хитростью и подлостью весь мир обойдешь — да только назад не вернешься. Оказывается, он еще и с эльфами поссорился, и хотя они его покрывают — Р'Энкор не вернется к ним...

— Он говорил мне, что ненавидит эльфов.

— Вот-вот. Все меньше остается мест на свете, куда он еще может пойти, как мне кажется. В Талсидонии за его голову награды нет — а вот в других краях ему только лесными дорожками ходить безопасно. И мне кажется — он уже находился ими под завязку. Даже дроу нужно место, которое он сможет считать хоть каким-то, но домом. Вот и сменил профессию с убийцы на телохранителя.

— Хорошо, если так, — вздохнул Кархад, прожевав кусок рыбы, завернутый в лист салата и сдобренный соусом, — но не верю я ему. Сколько вы ему платите?

Дэнбар хитро прищурился:

— Если не считать награды за помощь во время покушения, то мы сговорились с ним на пятидесяти ойранах в месяц, и каждый раз его жалованье будет увеличиваться на один золотой.

Кархад моментально понял хитрость короля. Чем дальше, тем больше Р'Энкор будет получать, через десять месяцев это будет уже шестьдесят ойранов, а через четыре года жалованье перевалит за сотню и будет продолжать расти. В этой ситуации телохранитель кровно заинтересован, чтобы наниматель прожил как можно дольше. Великолепная задумка.

Тут появился слуга и доложил:

— Прибыли их светлость генерал Кагэмар и господа офицеры и просят аудиенции!

— Просить, — велел король и добавил: — а еще — принести блюд и вин на нужное количество персон.

Генерал вместе с двумя офицерами, Лайаром и Винзейном, весьма прославленными бойцами и командирами, вошел в дверь, все трое преклонили колена, и Кагэмар доложил:

— Ваше войско, мой король, вернулось с победоносной войны. Кавалерия уже отбыла на постоянные квартиры. Пехотные корпуса и обоз с трофеями и репарациями, правда, еще в пути, должно быть, сейчас где-то у Ситарна, придут дня через два. У ханнайского отродья взято трофеев и дани немало, золота чистого — два пуда, золотой и серебряной монеты — тридцать пудов, оружия и доспехов всякого качества — тридцать телег, добра всяческого и предметов роскоши — тридцать телег, провианта и вин — сорок телег. Негусто, конечно, но сдалось мне, ваше величество, что большего в казне Ханная просто нет, разве крохи припрятал. Я решил, что всяко лучше получить репарации и не терять солдат, чем продолжать войну и, может быть, в конечном итоге получить немногим больше.

— Славно, — одобрил король, — тут дело не столько в доходе, сколько в уроке. С Ханная взятки гладки, страна нищая, но теперь ханнайцы знают, что легкой прибыли в Талсидонии им не сыскать... Потери есть?

— Помимо тех, о которых вы уже и так узнали — нет. А, и еще, — хитро прищурившись, как бы между прочим сказал генерал, — вся земля между реками Ваардой и Толарой теперь ваша, мой король. В дополнение к репарациям я заставил ханнайского выроodka уступить и их тоже, вместе со всеми деревнями.

Король добродушно засмеялся:

— Дорогой мой друг, оно сразу видно, что родом ты с северной границы. Между Ваардой и Толарой всего несколько забытых богами деревень, а почти вся земля занята лесами эльфов, которым положить с самой высокой секвойи, какой именно король называет эту землю своей. Тебя довольно просто обвели вокруг пальца, отдав на словах шкуру льва, на деле снятую с облезлого кота. Ну да и это тоже неплохо. Раз та земля теперь талсидонская — надо будет направить к эльфам послов, длинноухих лучше иметь в друзьях. Что ж, садитесь да отобедайте со мной.

Генерал и офицеры поблагодарили Дэнбара за милость и уселись за стол, положив свои шлемы на подоконник, тут и слуги со снедью подоспели. Кархад тем временем почтительно поприветствовал новоприбывших.

— Еще новости есть? — спросил король.

— Если важных — то нет, — ответил генерал Кагэмар, — а такого, чего впору рассказывать за обедом для доброй беседы — того, ваше величество, в чужом краю поразузнали слегка.

— Вот и замечательно, — одобрил король, — у нас, стало быть, как раз добрый обед, так пусть он станет еще лучше. Рассказывайте!

— Ваше величество, вы, полагаю, знаете, кто такой Р'Энкор, темный эльф, известный больше как «Ночная погибель»? — задал довольно-таки риторический вопрос генерал, сунул в рот жареную колбаску и поспешно заработал челюстями, чтобы успеть проглотить еду, пока король ответит.

— Хм, — задумчиво почесал подбородок король Дэнбар, и в его глазах Кархад заметил лукавинку, понятную пока только ему, но не офицерам, — да, слыхивал о таком. Кто ж не слыхал-то.

— Ну так вот, говорят, отчудил он свои лихие дела. Аккурат после начала войны он, оказывается, был в Ханнае и зарезал там какого-то барона, из военных должностных лиц, который еще и ростовщицеством промышлял. Надо думать, кто-то из должников нанял... Но вот уйти проклятому эльфу не удалось: когда пытался он из замка улизнуть, его на мосту из арбалетов утыкали, что ежа. Тела, правда, не нашли: свалился в реку окаянный, а течение там быстрое.

Король ухмыльнулся.

— Я такие слухи — дескать, убили его — слышал уже не раз. Надо думать, охране надо было ж хоть как-то оправдаться — вот и сочинили сказочку. А Р'Энкор вскоре опять где-то объявится. Еще что любопытное расскажете?

— Да много чего еще расскажу, — ответил генерал, — но, чай, обед не последний. А вот чего интересного я разузнал о нашей войне... Правда, оно не всем приятно будет слышать такое.

Он покосился с извиняющимся выражением лица на Кархада.

— Вот как? Ну-ну, я слушаю.

— Это пускай Тофф расскажет — он все это узнал, я сам услышал как раз от него.

Тофф Лайар откашлялся в кулак, проглотив порцию рулета, и начал свой рассказ.

— В общем, ваше величество, дело так обстоит. Пока мы ждали сбора репараций под самой столицей, я беседовал с одним ханнайским офицером, который нам провожатым был и переводчиком. Он как-то в сердцах обронил, что если б некое бесчестное лицо не наняло того самого дроу Р'Энкора — не было б никакой победы, а ждал бы нас сильный разгром.

— Как это? — приподнял брови король.

— Он, прошу прощения, вас в виду имел, мой король. Офицер этот, хоть и ханнаец, оказался парнем сведущим и прямолинейным, вот я у него за кружкой эля все и выведал. Сообщил он, что война, на самом деле, не так закончилась, как было ханнайцами задумано, и капитулировали они, вовсе не армии нашей убоявшись. Был, значит, у них военный план, притом хитрый. По нему предполагалось заманить нас именно туда, куда изначально и был послан третий тяжелый эскадрон. Если бы мы надумали переправляться ближе к столице — там ждало бы сильное сопротивление с тем, чтобы склонить к переходу по мосту, который так героически захватил третий эскадрон. Вся битва за мост, на самом деле, была постановкой: вражеский командир умышленно изобразил отчаянную попытку отбить мост, он заранее был должен обратить свой отряд в бегство якобы от ужаса, когда от всего эскадрона осталось несколько воинов.

— М-да... — только и пробормотал Кархад.

— Это не умаляет героизма вашего, барон Карлайл, и всех тех, кто сражался там, — поспешно заверил его сэр Лайар, — однако факт в том...

— Граф Карлайл, — поправил офицера король.

— О, мои поздравления, коли так. Однако факт в том, что ханнайцы изначально намеревались создать у нас убеждение в трусливости их армии и склонить к мысли, что они очень сильно не хотят пустить нас по этому мосту... В то время, как наша переправа здесь входила в их планы. И дальше нас ждала ловушка.

— Вот как, — задумчиво вымолвил король. — В таком случае, возникает вопрос — почему ее не захлопнули? Поймать вражескую армию — и сдать ее?!

Генерал кашлянул.

— Скажем так, мой король, поймать — сильно сказано. Судя по тому, что рассказал мне Тофф, мы бы выпутались из западни, я был настороже и готов к чему-то похожему. Готов прозакладывать мои регалии, что все равно победа была бы нашей. Однако правда в том, что, осуществи ханнайцы свой замысел, цена победы была бы гораздо-гораздо большей. Мы потеряли бы от пяти до двадцати тысяч живой силы, в зависимости от моего и вражеского мастерства, а также от того, пошли бы затяжные дожди или нет. Дожди не пошли — но потери были бы все равно.

И вот тут мы подходим к самому главному. Как уже сказал Тофф, аккурат после начала войны, еще до сражения у моста, в Ханнае появляется Р'Энкор и начинает убивать военачальников. Точнее, убивает одного. И хотя простолюд подумал, что из-за долгов барона убили — вся верхушка, включая короля, предположила, что вы, ваше величество, наняли этого эльфа перерезать их всех. И потому еще до того, как третий эскадрон выстоял в отчаянном, но постановочном бою, к нам был отправлен посол, прибывший уже после битвы. Он привез письмо, в котором ханнайский король черным по белому просил мира и соглашался выплатить репарации, если мы отзовем убийцу Р'Энкора. Видимо, тоже не поверил в смерть эльфа.

Унизительный факт в том, что ханнайцы испугались не меня, а этого дроу, который попал в Ханнаю просто по совпадению. Потому-то я не сразу об этом сказал... Слишком уж нелицеприятная весть, ни для меня, ни для сэра Кархада.

— И что ты ответил?

— Ханнайскому послу? Что отзовем. Ложь, конечно, дело предосудительное, но продолжение войны стоило бы нам тысяч жизней наших солдат, и потому я решил, что одна

маленькая ложь стоит этого.

Король снова негромко засмеялся:

— А если бы этот дроу продолжил убивать?

— Каким образом? Он, ежели не убит, сделал свое дело и свалил, кто бы там его ни нанял.

— Откуда ты знаешь это? — хитро прищурился Дэнбар.

Кархаду стало казаться, что король играет с генералом, как кошка с мышкой.

— Я знаю, что не нанимал его. Я знаю, что и вы его не нанимали. Стало быть, никто перед убийцей цели вырезать всех не ставил, и барона действительно заказали из-за денег. И потом — вдруг он действительно погиб?

— Хм... Друг мой, а откуда ты знаешь, что я его не нанимал?

Генерал пожал плечами:

— Не в ваших это правилах — убийц нанимать.

Король добродушно засмеялся в бороду:

— Ошибочка. Вот и вам новость, друзья мои: Р'Энкор К'Айрэн'Кинн действительно служит мне. Я нанял его примерно три недели назад телохранителем, когда... Ах да, про два покушения на меня вы ведь тоже не знаете...

Генерал и офицеры с вытянутыми лицами усваивали новость, потом Лайар спросил:

— И кто посмел?

— Вальтус. Не зря я никогда ему не доверял.

— Вот стервец... Вы допросили его хорошенько?

Король махнул рукой:

— Пытался. Свою вину стервец признал, но отрицал напрочь, что к этому причастен еще кто-то.

— Надо было отдать его палачу на пытки! Знаю, что это варварство, но тут тот случай, когда...

— Я и отдал. Р'Энкор пытал его шесть дней, не меньше, но тот больше никого не выдал, а потом из-за недосмотра Р'Энкора умудрился сбежать на тот свет, самостоятельно удавившись. Что поделать, Р'Энкор — убийца, а не палач. Впрочем, я опасался, что старый Тайкус тем более не справится.

С этим Кархад мысленно согласился: придворный палач и раньше в пытках был не силен, а к старости его хватало уже только на то, чтобы надевать осужденным на шею петлю да выбивать из-под ног табурет. В Талсидонии пыточное дело постепенно уходило в прошлое вслед за практикой сдирания кожи с продажных судей.

Вскоре разговор совершенно естественно вновь перешел на тему дроу-убийцы. Вопросы и мысли офицеров практически один в один совпадали с реакцией на Р'Энкора самого Кархада, и потому рыцарь похвалил себя: если уж умнейшие люди вроде генерала думают точно так же — значит, Кархад, хоть генералу и не ровня, все же явно не дурак. Мелочь, а приятно.

— Я лишь опасаясь, — сказал Лайар, выслушав аргументы короля, — что этот сукин сын все равно будет вести свою собственную игру, это при условии, что у него изначально не было враждебных намерений...

— Насколько я могу судить, — пожал плечами монарх, — он пытается добиться при моем дворе двух вещей, которые имеют значение для дроу: богатства и статуса. Р'Энкор буквально на днях разоблачил третье покушение, когда посол Клейдана пытался меня

отравить во время обноса ковшей, если не он, помимо меня на тот свет отправились бы еще несколько достойных людей...

— Я всегда говорил, что нечего пускать за стол кого ни попадя, — заметил молчавший до того Винзейн.

— Да я и сам не в восторге, но... Политика дело мутное. Хочешь решать проблемы переговорами, а не войной — приходится якшаться с не самыми приятными людьми... Но вернемся к Р'Энкору. Он безусловно полезен и искусен. И сам факт его службы мне — тоже козырь в переговорах. А его лояльность легко покупается за золото, ну и дать ему какие-либо формальные привилегии — тоже невелика беда.

Тут Кархад, снова вспомнив слова Тиэля о возможном устранении ближайшего окружения короля, кашлянул в кулак:

— Не могу не заметить, ваше величество, что его лояльность к вам резко контрастирует с вопиющей нелояльностью и неуважением к кому бы то ни было еще. Я все думал, говорить или нет... Хотя вы и дали ему милостиво право принадлежать к вашему двору, он все равно не удержался от подлого поступка. Р'Энкор накормил Фэйда дерьмом умышленно...

— Что-о-о?! — чуть ли не взвыл возмущенный король. — Как?!

— Оно в рецепте противоядия было лишним, ваше величество. И Р'Энкор настолько самоуверен, что сам признался мне в этом.

Дэнбар грохнул кулаком по столу:

— Вот негодяй! Звать его сюда немедленно!

Р'Энкор появился через пару минут и поклонился:

— Желали видеть меня, мой повелитель?

— Признавайся, негодяй, — мрачно велел король, зажав в кулаке кристалл правды, — ты специально добавил в рецепт противоядия дерьмо?!

Дроу покосился на Кархада и хитро улыбнулся.

— Не так, мой повелитель, — ответил он королю, — оно не было добавлено в рецепт, оно было частью рецепта. Без него барон Фэйд умер бы, потому что остальные компоненты сами по себе бесполезны.

Дэнбар недоверчиво покосился на кристалл и спросил:

— Так, значит, ты солгал, когда говорил графу Карлайлу, что дерьмо в противоядии было лишним?

— Никоим образом, мой повелитель, — вкрадчиво ответил Р'Энкор, — графу Карлайлу я такого не говорил.

— Ложь! — воскликнул Кархад. — Ты сам сказал мне на балу именно это!

— Ничуть, — ответил дроу, — я вам этого не говорил. Давайте взглянем на кристалл?

Король разжал руку, Кархад и офицеры подались вперед.

Кристалл был целехонек.

Взгляды короля и остальных дворян с кристалла перескочили на Кархада, и рыцарь с ужасом понял, что дроу каким-то образом подставил его, сумев обмануть даже божественный артефакт и выставив лжецом и клеветником.

А тот немедленно подлил масла в огонь:

— Просто к слову, моя репутация того, кто предает своих нанимателей, имеет точно такую же природу, хе-хе... В то время как на самом деле я никогда в жизни никого не предал.

— Ладно, ступай... А чем ты, кстати, занят?

— Даю урок ее высочеству, согласно распорядку и вашей воле.

— Ступай.

Когда за дроу закрылась дверь, Кархад, сглотнув, выдавил:

— Клянусь Ариантом, он действительно сказал мне то, что я вам передал...

— Зачем клясться, если у короля кристалл и он может таким же образом проверить правдивость любого слова? — рассудительно заметил генерал Кагэмар.

Король махнул рукой и спрятал кристалл в карман:

— Бывают ситуации, когда людям я верю больше, чем кристаллу. Должно быть, какие-то хитрые шпучки или игра слов. Кархад, если он тебя подставил — стало быть, невзлюбил за что-то?

Рыцарь почесал затылок.

— Ну, я разговаривал с ним не самым вежливым тоном...

— Ну тогда все понятно, — хмыкнул Дэнбар, — Р'Энкор, оказывается, горазд устраивать пакости тем, кто его... задевает. Типичный дроу.

— И вы такого держите при дворе? — с почти незаметной ноткой осуждения заметил сэр Лайар.

— Он полезен. Неприятен, да, но помните присказку? Не надо наступать на гадюку, вот и все. Он уже спас и меня, и Кархада, и Криштана, и Баннарда — я готов хоть скорпиона из рук кормить, если этот скорпион будет спасать жизни.

— Простите, а урок чего он дает вашей дочери? — вмешался Винзейн.

— Владения кинжалом, какой же еще? В лихое мы время живем, друзья мои...

* * *

Весть о том, что орки в доспехах ворвались в столицу Зоданги, а затем беспрепятственно ее покинули и двинулись на Кадорию, барон Гэт-Кин получил очень вовремя, потому успел не только отправить к королю Сингэну вестника, но и получить ответ. Королевское письмо привез командир конного отряда, который Сингэн передал в распоряжение барона вместе с приказом обеспечить неприкосновенность кадорианской границы.

Вот он, шанс, которого Гэт-Кин ждал так долго! Что нужно, чтобы стать правой рукой короля, да притом не шаркуном придворным, потеснив сонмище конкурентов? Продемонстрировать выдающиеся качества воина и полководца. Но как, Нергал побери, это сделать, если твой феодал — на границе с Зодангой?! Зоданга воюет с орками, с высшими эльфами, с лесными эльфами, с Валинором, с Грестолом, с Талсидонией на ножах — и потому напасть еще и на Кадорию уже совсем никак. А Сингэн считает первостепенными врагами Далмаду и высших эльфов из Вечного Леса и войны с Зодангой не желает. Вот и как, спрашивается, быть? Охраняя границу, которую уже лет двадцать никто не тревожил, карьеру не сделаешь.

И тут внезапно дар богов — орки! Причем странные какие-то орки, после рейда на Зодан Каэр двигаются не обратно в свои степи — а на Кадорию. Ну и в доспехах. Гэт-Кин сразу же собрал совет из бывалых людей, и на совете этом прозвучала мысль, что орки не степные, а те, которые за Мрачными горами живут. Вот у них вполне может быть обыкновение драться в броне. У них много чего может быть, потому как мало кто из ныне

живущих хаживал за Мрачными горами, все больше сказки да легенды, что там и как.

Ясное дело, барон сразу собрал свое небольшое войско и ополчение, а тут и подмога подоспела. Если король Сингэн поверит ему, Гэт-Кину, часть далеко не наихудшего кавалерийского полка — это уже знак доверия.

В связи с этим барон немало посушил себе голову, как быть. Орки — народ уродливый и богопротивный, но весьма разрушительный. Без потерь не получится. Он-то знал уже, что их едва полсотни, из донесений, но ведь эти полсотни как-то ворвались в Зодан Каэр! Да еще и ушли, вызволив какого-то чернокнижника! Будет бой — будет много погибших. Так вот он, вопросец: кем пожертвовать? Пустить вперед свое ополчение и войско, а потом возглавить королевскую конницу и добить — либо же вначале атаковать конницей, а затем раскатать неприятеля своей пехотой? Если начать бой своими людьми — убитых тьма будет, а свои люди это все-таки свои люди, ежели полягут — подати с кого брать? А вначале пустить в атаку королевскую конницу — королю вряд ли сильно понравится, что его отряд вернется сильно поредевшим. С другой стороны, если на убой послать своих, то ополчение не очень-то и жалко, своей наемной пехоте барон уже задолжал жалованье, если полягут — экономия. А Гэт-Кин, возглавив конницу лично, поймает трех кроликов одним силком: и репутация среди королевских солдат появится, и король будет доволен, и сам он будет при случае небрежно ронять: пф-ф-ф, орки, бивали мы их.

Приняв это решение, барон выдвинулся на границу и принялся ждать прихода неприятеля.

Конечно же, он отдавал себе отчет, что дело тут непростое. Пришли орки, проломившись с боем в самое сердце Зоданги, разметав городскую стражу, вырезали храмовников Велькиона — к слову, те еще снобы, так им и надо — вызволили какого-то чернокнижника и ушли до того, как регулярный полк, расквартированный в столице, успел расчухаться. Непростые орки, факт. И теперь с ними еще и чернокнижник, что совсем нехорошо. Зато с бароном Гэт-Кинем войска полторы тысячи, две тысячи ополчения и пятьсот королевских всадников. Хватит с лихвой, главное самому на рожон не переть.

Барон заблаговременно разузнал от гонцов, что и как, и примерно представлял себе ход бойни в Цитадели. Орки вихрем влетают через ворота, ближайšie к Цитадели — значит, имели информатора — и с ходу атакуют гнездо храмовников. Цитадель эту Гэт-Кин однажды видел: стены неплохие, но места внутри маловато. Когда орки ворвались внутрь, храмовники были обречены, так как развернуть правильный строй негде, а драться с орками без строя попросту невозможно: свалка и хаос — их стихия, в которой, бывало, малые отряды зеленорожих громили двадцатикратно превосходящего врага.

Так что, по большому счету, секрет у врага один: как ему удалось столь малым отрядом пробиться внутрь отлично укрепленного города. Дальше на стороне орков сыграла их чудовищная сила и поле боя, в замкнутых пространствах они смертоносней некуда. Затем, двигаясь плотной группой и используя все еще длящийся эффект неожиданности, они проламываются сквозь разрозненные группы растерянных солдат, покидают город и уходят в сторону Кадории, по пути грабя деревни и караваны.

И вот тут второй вопрос — но уже не к оркам, а к венценосному засранцу на троне Зоданги: а почему он ничего не предпринял? Испугался, что ли? Конные полки легко догнали бы нападавших и расправились с ними... не без потерь, конечно, но все же.

И ладно, все повернулось наилучшим образом. Орки — вот они, за рекой, и всего через четверть часа барон увенчает себя славной победой.

Он повернул голову к капитану королевской кавалерии и указал пальцем:

— Сделаем так. Как только орки перейдут мост, пехота двигается в наступление, двести всадников идут налево за спиной пехоты, а мы отодвигаемся вправо. Орки продавливают вперед, углубляясь в пехоту, вязнут в ней, а мы бьем с двух сторон и сзади.

— Конечно, господин, — охотно согласился капитан и принялся отдавать инструкции сержантам.

Еще бы ему не радоваться, ведь не его посылают в лобовую атаку. Затем барон проинструктировал своего лейтенанта, велел ему наступать и гнать перед собой ополчение, и заверил, что успеет совершить фланговый маневр еще до того, как орки доберутся до регулярного войска. На самом деле, это ни к чему: стоит чуток помедлить — и на жалование наемникам придется потратить гораздо меньше денег.

Довольный своей сообразительностью, Гэт-Кин наблюдал, как караван орков приближается к мосту. Орки начали спешиваться и спокойно, без лишней суеты собираться у моста. Мост узкий, и зеленорожие, видимо, опасаются атаки в тот момент, когда только часть их перейдет на сторону Кадории. На самом деле, барон намерен дать им перейти, потому что ему самому требуется пространство для кавалерийского маневра, да и орки должны отойти от моста, чтобы появилась возможность их окружить.

Он успел хорошо их разглядеть: громилы такие, что тихий ужас, топоры, мечи и палицы их — громадные, какое счастье, что вся мощь первого удара придется не на самого барона. Доспехи массивные, и даже с расстояния в четверть версты хорошо видно, что все они украшены черепами и рогами, да еще и расписаны странными знаками... Орки-демонопоклонники? Хм, если орк носит доспехи, то с таким же успехом он может служить демону.

— Что-то мелковаты они для орков, — заметил капитан.

— Разве? — приподнял бровь барон. — По-моему, в самый раз.

— Орки примерно такого же роста и сложения — но без доспехов, а на этих поглядите какие массивные наплечники. Я так думаю, без брони они помельче будут...

Гэт-Кин пожал плечами, насколько позволял его собственный доспех:

— Ну, орки из-за Мрачных гор, надо думать, они ведь могут быть поменьше. И это резонно: силой в степных сородичей не пошли — так броней компенсировали.

В этот миг противник побежал трусцой и начал пересекать мост. Слышен топот их ног, каменный мост буквально стонет под тяжелыми шагами, а ведь орков едва полсотни. Барон попытался вытереть вспотевшие ладони, но латные перчатки помешали. Кажется, началось. Интересно, почему он не слышит грохота их доспехов?

Протрубил рог, ополчение, выставив перед собой копья, неохотно двинулось вперед, подгоняемое руганью и тумаками пехотных сержантов. Орки, сразу от моста разбежавшись в две стороны, освободили пространство для следующих, образовали таким образом жидкую цепочку, перехватили поудобнее свое оружие и бросились в атаку.

Молча.

Бой с самого начала пошел наперекосяк. Над строем ополчения пролетела команда сержантов «упереть копья», передние ряды оцетинились копьями, пиками и даже заточенными и обожженными кольями, наемники в задних рядах стали упирать свои копья под гораздо большим углом. Орки печально известны своей манерой, делая потрясающие прыжки, с разбегу перепрыгивать передних солдат, приземляться, давя всех и вся, в середине строя и устраивать кошмарную мясорубку, размахивая вокруг себя пудовыми топорами.

Однако эти орки поступили совсем иначе.

С разгону они бросились вперед, несясь с невиданной скоростью прямо на копыта и колья, и целую секунду барон пребывал в убеждении, что победа достанется ему совсем легко. Но в следующий миг по всей линии раздался треск: толстые жерди с наконечниками ломались, словно зубочистки.

А затем началась настоящая бойня, когда в ход пошли мечи и топоры, и ополчение оказалось совершенно неготовым к такому повороту. В течение нескольких секунд погибли две или три сотни, потом объятые ужасом люди бросились наутек, кто куда мог. Сержанты даже не попытались удержать солдат, спасаясь вместе с ними, затем обезумевшие ополченцы, отступая, буквально опрокинули регулярную пехоту, некоторых затоптав, большинство увлекая с собой в паническое бегство.

Всего за одну минуту с начала боя пехота как войско перестала существовать, разделившись на бегущих в ужасе и погибших, и оказать сопротивление было уже некому.

По команде барона конница принялась выполнять задуманный маневр, но двести всадников, посланные налево, столкнулись с отступающими массами, а затем моментально попали в мясорубку, когда напирающие орки добрались и до них, идя через толпу пехоты, словно нож сквозь масло.

Остальные триста, которых барон вел лично, внезапно обнаружили, что им мешают атаковать на полной скорости пиками свои же солдаты, разбегающиеся во все стороны, а затем бойня развернулась везде, прямо вокруг кавалеристов. Закованные в броню исполины, двигаясь так быстро и проворно, что не всякий эльф мог бы с ними тягаться, появились спереди, слева, справа. Замелькали клинки и секиры.

Королевского капитана по правую руку от барона разрубило напополам: лезвие огромного, покрытого рунами двуручного меча, двигаясь в горизонтальной плоскости, прошло через шею коня и отсекло верхнюю часть туловища всадника. Обезглавленный конь с нижней половиной всадника в седле рухнул, а его голова и верхняя часть тела капитана полетели вперед, на залитую кровью землю.

Хаос, вопли, мясорубка, ужас и смерть со всех сторон, почти так, как это любят орки, только еще хуже. То ли Тольташ Заступник помог, то ли просто повезло, но барон все еще был жив. Конные воины гибли вокруг него, во все стороны летели отрубленные конечности и куски трупов, рассеченных надвое вместе с панцирями, но смертоносные клинки пока что миновали несостоявшегося триумфатора. Гэт-Кин в этом пекле крошечном даже попытался поразить подвернувшегося по руку врага копьем, но древко сломалось, лишь пошатнув закованную в броню фигуру.

Барон сумел, отчаянно прищпоривая коня, проскочить мимо до того, как атакованный враг достанет его топором. Страшное лезвие просвистело рядом, но не настигло. Гэт-Кин, несясь сквозь хаос битвы, осознал, что был разбит в неполные пять минут, что надежды уже не осталось и что ему самому, если он хочет жить, стоит обратиться поскорее.

Он чудом проскочил мимо двоих орков, стоявших так близко друг от друга, что ни один из них не смог быстро ударить, опасаясь задеть другого, проскакал сквозь группу бегущих ополченцев, не разбирая дороги и давя замешкавшихся, и оказался у самого края. Однако прямо на пути у него — широкая спина, закрытая массивным панцирем, и массивные наплечники, украшенные жуткого вида рогами. Слева и справа — свалка. Путь один — через этого орка.

Гэт-Кин закричал, то ли напугать врага, то ли приободрить себя, и отчаянно прищпорил

коня. Копья нет, меч этой броне нипочем — но рыцарский конь в конском доспехе несется во весь опор. Этому орку просто не устоять против такой мощи, мчащейся так быстро!

Когда их разделяли двадцать шагов, орк обернулся, и сквозь щели забрала на барона взглянули не зеленовато-белесые орочи глаза, а пронзительно-янтарные, какие иногда бывают у высших эльфов. А затем гигант за миг до столкновения не стал поднимать оружие, а просто бросился со скоростью ветра навстречу, выставив вперед один наплечник.

Удар! Лязг металла о металл и хруст конской грудной клетки. Барон вылетел из седла, когда его коня отбросило назад кошмарной силой, которой даже у орка быть не может, и грохнулся оземь. Несмотря на круги в глазах, он еще успел увидеть, как чудовище в доспехах, плечом остановившее коня на полном скаку, по инерции несется вперед, прямо на него, и отрешенно отметил, что подошва саботона — составная стальная.

В последний миг своей жизни барон Гэт-Кин снова услышал хруст ломающихся ребер, на этот раз — его собственных.

* * *

Дом, милый дом. Примерно это чувствовал Кархад, входя на третий этаж в дальнем флигеле, где находились покои для гостей королевского дворца. Самого себя Кархад, занимающий четыре комнаты вот уже десять лет, гостем тут не считал: он живет в столице гораздо больше времени, чем в родном Карлайле, не оттого, что все тянутся в столицу, а потому, что нужен здесь королю. И логично, в таком случае, находиться к королю как можно ближе.

Рыцарь толкнул дверь, вошел — и мгновенно почувствовал чужое присутствие, еще до того, как глаза выхватили вольготно рассеявшегося за столом Р'Энкора.

— Ты тут чего забыл?! — вытаращил глаза Кархад.

Дроу лениво зевнул и ответил так, словно он тут хозяин, словно не он тут непрошенный гость, а Кархад:

— Разговор есть, сэр рыцарь. Садись, и это, не ори громко. Никто не должен знать, что я тут. Если коротко — мне нужна твоя помощь, а тебе — моя.

Рыцарь несколько секунд раздумывал, взяться ли ему за меч либо стражу позвать, но решил вначале выведать, что у сукина сына на уме.

— Мне от тебя ничего не нужно, — сказал он.

— Серьезно? Даже стать королем? Без меня ведь может и не получиться.

Вот тут уже глаза Кархада, исчерпав возможность расширения, начали потихоньку перебираться на лоб.

— Ты что такое плетешь?! — оторопел он.

Темный эльф несколько секунд смотрел на него в ответ с выражением скепсиса на лице, а потом вдруг хлопнул себя по лбу:

— А, так ты вообще ничего не знаешь! Просто поразительно, до чего же ты... ненаблюдательный. Столько лет — и так ничего и не понять... Садись, садись, сэр рыцарь, я объясню тебе, что к чему, раз ты сам так и не осознал, что остался единственным вероятным претендентом на руку принцессы.

Кархад молча смотрел на своего визави, потом медленно выговорил:

— Нет, дроу, я не куплюсь на твои хитрости. Хватит с меня и того, что ты непонятно

как подставил меня перед королем и дворянами, так теперь...

Р'Энкор махнул рукой:

— Это было необходимо. Все должны знать, что ты меня на дух не переносишь вплоть до готовности оклеветать. Ты честен — твоя репутация известна и от моих происков не пострадает, но теперь никто не заподозрит нас в сотрудничестве.

Кархад уперся руками в стол и впился в лицо дроу глазами:

— Не будет никакого сотрудничества между нами!

Тот ответил спокойным, почти равнодушным взглядом:

— А куда ты денешься? Наши цели совпадают. В стране заговор, король в опасности. В моих интересах его спасти, и в твоих тоже... если только ты не имеешь собственных планов на этот счет.

Рыцарь чувствовал, как проклятый дроу постепенно доводит его до белого каления от возмущения и негодования.

— Ты, коварный мерзавец, даже и думать не смей о таком! Я не...

— Ладно, ладно, — замахал обеими руками Р'Энкор, — мне ведь на самом деле безразличны твои планы. Чтобы ты не бесился понапрасну от собственного непонимания — я расскажу тебе о ситуации в королевстве. В стране заговор. Два покушения провалились, второе — моими стараниями. Но заговорщики никуда не делись. Ублюдок Вальтус ускользнул от меня до того, как я вырвал из него правду — но я-то знаю, что он лишь пешка. Как и догадываюсь, что он ничего не знал.

Кархад опустил на стул напротив эльфа.

— Откуда ты знаешь все это?

— Пф-ф. А ты думаешь, я откуда проведал, что будет второе покушение? Пойми, сэрыцарь, это моя работа — узнавать мрачные тайны. Ты же не думаешь, что я случайно оказался в нужном месте в нужное время? Я знал о покушении заранее, потому что перехватил посыльного, который вез инструкции второму участнику покушения из Ханная. Гонец не дошел, Вальтус действовал в одиночку, второй заговорщик затаился, и я не знаю, кто это, потому что гонца был вынужден убить, а из письма я получить указание на личность не смог.

— Король знает?

— Нет, разумеется. Он подозревает, что Вальтус действовал не по своей воле, но наверняка знаю только я. И теперь — еще ты.

— Почему ты не сказал королю? Он что, не спросил тебя, как ты вообще так внезапно подоспел ему на помощь?

Дроу усмехнулся:

— Спросил, конечно. Я ответил, что просто шел из Ханная в поисках новой работы, и это правда, что кристалл и засвидетельствовал. При этом я умолчал, что изначально собирался попасть на службу именно к нему, спасение от покушения — просто превосходный способ зарекомендовать себя отличным телохранителем. Почему я не сказал ему... Потому что иначе заговор не разоблачить. Когда посыльный пропал — второй исполнитель затаился. Пусть уверится, что посыльного убили разбойники, а письмо не попало в ненужные руки — и тогда начнет все сначала. И вот тут-то мы его прихлопнем.

— Хорошо, а при чем тут разговоры о супружестве и короне? Я не намерен никаким образом добиваться руки ее высочества, я просто недостоин — ни принцессы Мирданы, ни короны.

Р'Энкор снисходительно усмехнулся.

— А твой король считает, что достоин. Вспоминай, сэр рыцарь, когда и при каких обстоятельствах оказался при дворе. «Орден юных благородных рыцарей» — помнишь?

Кархад, конечно же, помнил.

— И что с этого? Начинание не особо себя оправдало, у ордена был всего лишь один набор, потом его упразднили, а нас определили в...

Дроу наклонился вперед и усмехнулся:

— Кого это — нас? Я не перестаю поражаться вам, люди: все знать, но отказываться делать очевидные выводы... Набор был всего один, потому что король изначально планировал один набор. В орден попали мальчики и подростки, самому младшему из которых было двенадцать, тебе — тринадцать, самому старшему — четырнадцать. И все вы — только наследники старых и очень достойных талсидонских родов. А принцессе в этот момент было восемь, таким образом, вы были старше ее на четыре-шесть лет. Ты не знал, что король считает именно этот промежуток идеальной разницей в возрасте между мужем и женой? И вот что интересно — «Орден» располагался не где-нибудь, а прямо при дворце. Ты не задумывался, отчего такую честь получили лишь вы? Король сам, лично, собственными глазами следил за вами. За тем, какими вы растете.

А дальше вас становилось все меньше. Из восемнадцати человек постепенно отбраковывались те, которые, по мнению короля, были бы плохими мужьями принцессе или плохими правителями. Твой закадычный друг детства Штирген был жаден, Малком — глуповат... Мне продолжать? Все они позже были направлены в учение различным достойным мужам или на службу к хорошим командирам, но факт в том, что от начального числа вас осталось всего пятеро таких, в которых король не нашел ни одного серьезного изъяна.

А потом было крещение кровью. Все вы вошли в состав третьего эскадрона и полностью оправдали чаяния короля — да только живым вернулся лишь один ты. Орден, который правильнее было бы назвать орденом кандидатов в мужья принцессы, и ты — последний его рыцарь, прошедший все испытания и оставшийся в живых. И теперь у короля, помимо тебя, других кандидатов-талсидонцев просто нет.

Кархад подозрительно прищурился. Звучит все гладко и складно — но у дроу, надо думать, вся ложь именно такая.

— Ты упустил одну маленькую деталь, — сказал он. — Мы — не королевской крови, а принцессе положено замужем быть за королем или принцем.

— Ты упустил одну маленькую деталь, — передразнил его Р'Энкор, — что Дэнбар всегда плевал, как там положено у других. Ты забыл, что он всегда пренебрежительно высказывался о принцах, которые шли ради короны, да и то формальной, на чужбину, и становились там всего лишь консортами, украшением трона при правящей королеве. А еще ты не учел, что сам Дэнбар — сын талсидонца и талсидонки, и желает, чтобы Талсидонией правила талсидонская же кровь. Ведь ты знал все это, не так ли? И вот теперь ты получаешь титул графа. Твои предки превосходно обходились баронским титулом, а твой Карлайл хоть и небольшой, но богатый, пожирнее многих графских феодалов. Король не просто так повысил тебя: принцессе выйти замуж за барона — совсем не годится, а вот за графа — вполне приемлемо. А когда ты пожертвовал прибавку в пользу семей погибших товарищей — получил в глазах короля еще одно очко и сейчас ближе к трону, чем когда-либо — и кто-либо.

Кархад задумчиво забарабанил пальцами по столу.

— А ведь ты прав. Я никогда об этом не задумывался. Вопрос только — а откуда ты все это знаешь?

— А мне положено все знать, — фыркнул Р'Энкор, — ловить убийц у королевской кровати, или там за пиршественным столом — последнее дело, будем откровенны. Я намерен раскрывать заговоры загодя, чтобы никто вообще не приблизился к королю с дурными намерениями. И потому обязан знать все про всех. А тебе рано расслабляться. Потому как к принцессе сватаются то и дело, причем, скажем прямо, весьма достойные кандидаты из многих стран, и король все же может передумать. Твое дело — доказать как можно быстрее, что ты не только смел и благороден. Королю доблести недостаточно, он должен быть еще и умным, мудрым, проницательным. Поможешь мне разоблачить заговор — пожнешь всю славу. Это лучший шанс, который у тебя есть.

Кархад откинулся на спинку и скрестил руки на груди.

— Допустим. А тебе какая польза, если слава достанется мне?

— Ты у нас такой дурак по нечетным или как? Нешто я тебе должен объяснять любой пустяк? — продекламировал дроу куплет из какой-то басни. — Мне надо чтобы король жил как можно дольше — и платил, платил, платил... Это, к слову, причина, по которой я ни за что не предложил бы тебе захватить власть, как ты с самого начала, возможно, подумал. По этой же причине, когда ты станешь королем, я не позволю тебе перетянуть власть на себя. Править будет Мирдана, и ты вместе с нею, если она захочет, но стоит тебе попытаться править без нее — моргнуть не успеешь, как я тебя прикончу. Надеюсь, ты оценил мою предельную откровенность?

— Так король с тобой договорился даже... насчет ее высочества?

— Нет. Но я уверен, что договорюсь с ней сам, когда... она сменил на троне своего отца. А может и быстрее.

Рыцарь состроил понимающее выражение лица. Наглец позволяет себе слишком много, называя его дураком — но тут, кажется, не тот случай, чтобы обижаться, ведь Кархад уже почти подловил коварного эльфа на лжи, заметив очень тонкое несоответствие.

— А мне один твой сородич говорил, вы цените только выгоду и статус, — как бы между прочим сказал он.

— И?

— В твоих словах неувязочка. Ты готов уступить мне всю славу, а это не в твоих правилах, не так ли? На днях ты чуть ли не выбил из короля мизерную прибавку к статусу, шантажируя его жизнью барона Фэйда, а теперь за здорово живешь позволишь мне присвоить себе колоссальную заслугу? Когда врешь — не завирайся, нам до вас по части подлостей далеко — но мы тоже умеем сопоставлять факты.

Эльф беззвучно засмеялся, длинное изящное лицо попыталось расплыться в улыбке, но внезапно его перекосило. Две эмоции сошлись в схватке за контроль над лицевыми мускулами, показное веселье отчаянно боролось с другим чувством, внезапно выплывшим из самых темных глубин души, и прямо на глазах проигрывало. Несколько секунд спустя плечи Р'Энкора еще вздрагивали от наигранного смеха, но его лицо исказилось в гримасе бесконечных ненависти и презрения.

Он наклонился вперед, их глаза разделяло расстояние вытянутой руки, и Кархад просто оцепенел, наконец-то узрев истинного Р'Энкора.

— Тебе сказали не всю правду, — тихо произнес эльф, — да, статус для нас все. Только

мой сородич не упомянул одну деталь. Статус нужен, чтобы возвыситься над другими. Чтобы обладать авторитетом и весом. Чтобы обладать властью. Над равными. В крайнем случае — над лесными эльфами. Статус... среди вас? Среди людей? С таким же успехом ты мог бы желать статуса среди жаб, свиней и других подобных тварей. В людском краю я не нуждаюсь ни в авторитете, ни в весе, мое мастерство позволяет мне убить любого из вас, а большего я и не желаю. А что до шантажа... Это просто для дела. Чтобы мне не приходилось каждый раз бороться с искушением зарезать кого-то из людишек, позволивших себе оскорбление в мой адрес. Так что, сэр рыцарь, все, что мне нужно от твоего короля — это золото. Ничего больше. Славу ты можешь забрать себе всю, потому что мне абсолютно безразлично, что думают обо мне ты, король, придворные. Король платит — я его защищаю. На этом наши взаимоотношения полностью исчерпываются.

Кархад потрясенно молчал, собираясь с мыслями. Он почти в буквальном смысле заглянул в самый потаенный уголок черной души дроу — и это оказалось на редкость шокирующим открытием. Р'Энкор воспользовался этой паузой, чтобы снова подчинить свое лицо себе.

— Прошу прощения за недостаточное самообладание, — сказал он, справившись с собой, — очень трудно месяцами играть роль и улыбаться, глядя вам в глаза. Хотя будет с этого какая-никакая польза: теперь мы оба хорошо понимаем мотивы друг друга, наш союз это только укрепит.

— Если ты так ненавидишь нас, — медленно проговорил Кархад, — зачем ты здесь?

— Затем, что мне некуда больше деваться, — равнодушно пожал плечами дроу, — да, я ненавижу вас, но не позволяю моим эмоциям управлять мною. Весь мир ненавидит меня, и я плачу ему тем же, но мне все равно надо как-то дальше влачить свое существование. К тому же, возможность получать золото, убивая вас, весьма неплохо скрашивает мои дни.

— Звучит не слишком вразумительно. «Работая» разбойником или даже грабля знать, ты мог бы «зарабатывать» намного больше, нет?

Дроу хмыкнул.

— Ты считать умеешь? За первый год король Дэнбар заплатит мне шестьсот шестьдесят шесть золотых ойранов. За второй год — уже восемьсот десять, что в сумме будет тысяча четыреста семьдесят шесть.

Кархад чуть нахмурил брови, припоминая страницы гроссбуха, который приносил ему счетовод всякий раз, когда он возвращался в Карлайл.

— Не так уж это и много, на самом деле.

Ухмылка Р'Энкора стала шире.

— А ты когда-нибудь видел полторы тысячи ойранов за раз? В руках держал? Они будут потяжелее твоих рыцарских доспехов. Ну допустим, я вломлюсь в сокровищницу твоего короля, перебив кучу стражи, вынесу оттуда полторы тысячи ойранов... А потом мне с ними еще сбежать как-то надо. И таскать их везде, куда понесут меня ноги, и опасаться уже не только того, что во мне признают дроу, но и того, что масса охочих до чужого золотишка, включая, помимо воров и грабителей, еще и судей, чиновников и стражу, будет равнодушна ко мне, даже не зная, что я дроу. А хранить золото где? Очень худо быть дроу в краю людей — но еще хуже быть богатым дроу в краю людей, понимаешь? А тут я живу хоть и в подвале — но это все же королевский дворец, а не сомнительный придорожный трактир. Мало заработать золото — им иногда даже просто владеть обременительно. Я зарабатывал, бывало, по пятьсот золотых за одну ночь, и тебе может казаться странным, что

я соблазнился всего лишь полусотней в месяц, но здесь я хожу, где хочу, трачу деньги без особых опасений привлечь ненужное внимание, а основную сумму храню в королевском дворце.

— Комфорта захотелось?

— А кому не хочется? К тому же, мне не будет везти всегда. Чтобы войти в чужой замок, прикончить его хозяина и уйти живым, мало даже моего мастерства. Нужна еще капелька удачи. В последний раз, в Ханнае, мне этой капельки не хватило — и я ушел с арбалетным болтом в руке. Пока залечивал рану — переосмыслил кое-что. Удача — она не вечна, а против неудачи нет ни трюка, ни приема, ни заклинания.

Кархад понимающе кивнул. Вот уж поворот, так поворот, судьба шутить умеет. Дроу, люто ненавидящий людей, вынужден искать себе дом среди них же. Какая ирония.

— И ты решил обосноваться тут надолго и даже строишь планы, идущие дальше, чем... чем правление одного короля?

— Среди вас, короткоживущих людишек, это просто. Ты вскоре привыкнешь, а одно поколение спустя я буду всеми восприниматься как нечто абсолютно естественное. Как будто дроу-телохранитель всегда был при королевском дворе.

— Тогда, может быть, — заметил Кархад, — тебе стоит пересмотреть свое отношение к людям? Хотя бы к тем, среди которых тебе предстоит жить?

Р'Энкор снова хмыкнул, теперь уже насмешливо.

— Такое вряд ли возможно. Видишь? — он коснулся пальцами небольшого шрама на скуле. — Это от камня. Я получил его в крайне юном возрасте, когда только поднялся на поверхность вместе с отцом, и каждый раз, когда прикасаюсь к нему — вспоминаю все те невзгоды, которые мы с ним перенесли из-за вашей злобы. Когда мы решили жить среди вас — уговорились, что будем следовать вашим обычаям и законам. Будем как вы. Но вы отовсюду гнали нас прочь, бросали камни, травили собаками, пытались растоптать лошадьми. Пересмотреть отношение к вам? Не раньше, чем этот шрам исчезнет с моего лица... то есть, никогда.

— Ну давай начнем с того, что отношение людей к вам такое из-за вашей... дурной славы. Вас боятся, и кто в этом виноват? Вы же. Но ладно. Мой король, положим, не бросал в вас камнями и собаками не гонял. Его-то за что ненавидеть? Он не сделал вам ничего дурного.

Р'Энкор нахмурился.

— Мы тоже никому ничего поначалу дурного не сделали, но кого это волновало? Нас отовсюду гнали, иногда бранью и угрозами, чаще камнями, и это повторялось десятки раз. Может быть, ты думаешь, что хоть один кто-то когда-то сказал, «поглядите, вот этот, который поменьше — он же совсем ребенок! Он-то уж точно ничего плохого никому не сделал»? Нет, ни разу никто этого не сказал. Дроу, проклятые дроу, проваливайте, убирайтесь отсюда, твари... Вот что я слышал от вас. И потому я ненавижу вас всеми фибрами моей души, и мне плевать, кто из вас бросал в меня камни, а кто — нет. Я ненавижу вас всех одинаково, за то, что вы люди, потому что и вы ненавидели меня лишь за то, что я дроу. При этом заметь, что я все равно справедливее вас, ведь вы ненавидели меня за зло, которого я вам не делал — а я вас ненавижу именно за то, что вы мне причинили. И твой король ничуть не лучше тебя и других. Это сейчас он принял меня на службу, потому что вокруг него заговорщики и враги, а я уже сделал себе имя лучшего убийцы. Приди мы с отцом к его двору тридцать лет назад — принял бы он нас, двух бездомных изгоев?

Кархад промолчал, Р'Энкор торжествующе усмехнулся.

— Вот то-то же. А теперь перейдем к делу. Король поручил тебе собрать честных людей и разобраться с кривосудием, произволом стражи и прочими вещами.

— Хм... ну да. И что?

— Если ты начнешь со столицы — в поле твоего зрения очень быстро попадет префект Фиррус.

— Тот, что в Заречных кварталах поставлен?

— Он самый. Продажная шкура, на руку нечистая. Так вот, я хочу, чтобы ты его не трогал до поры до времени. А лучше всего, если ты на днях придешь к нему за советами и наставлениями, мол, к кому же тебе, неопытному юнцу, еще идти за помощью, как не к такому умудренному и опытному человеку.

— И... какой в этом смысл?

— Чтобы он уверовал, что его никто ни в чем не подозревает. В то время как он — связующее звено между заговорщиками внутри страны и за ее пределами. И вот когда провалилось второе покушение Вальтуса — он тоже перепугался и приутих, даже на несколько дней уезжал из столицы прятаться, был уверен, что Вальтус его сдал... Хотя на самом деле Вальтус понятия не имел, что префект Фиррус замешан в заговоре.

— Откуда ты знаешь, если Вальтус никого не выдал?

— Не смей меня, он всех выдал, в том числе и тебя два или три, и Криштана Арканайского, и прочих людей, которые в принципе не могут быть замешаны. Вальтус просто не знал, кто руководит заговором — и называл всех подряд. По много раз.

Кархад отнесся к этому скептически.

— Как вообще можно устраивать заговор незнамо с кем?! — спросил он.

Р'Энкор снисходительно улыбнулся:

— Легко. Деньги, все упиралось в деньги. Я сам узнал о заговоре, пока сидел в шкафу того ханнайского барона. Барон как раз говорил с курьером и назвал Фирруса как адресата письма. Я уши и наострил. Потом, убив его, покопался в бумагах, нашел долговые расписки — у него Вальтус в должниках. А дальше я уже начал сам разбираться. Фиррус — просто перевалочный пункт для курьеров и писем. Ханнайскому барону заплатили, чтобы он шантажировал Вальтуса, при этом мозг всего заговора — кто-то еще, но и он шлет письма через Фирруса. Все, что мне надо — чтобы Фиррус продолжал принимать письма и передавать их дальше. Рано или поздно я доберусь до заговорщика, если только он не откажется от попыток убить короля, и префект — пока что моя единственная зацепка.

— Надо схватить курьера в момент передачи письма — он-то и выдаст руководителя...

— Ты перепутал кое-что, — желчно сказал дроу. — В нашем дуэте я руковожу и думаю за двоих. А ты просто выполняешь и не пытаешься учить меня ремеслу, о котором я забыл больше, чем ты когда-либо будешь знать. Курьер не выдаст руководителя, потому что руководитель был бы дураком, если б передавал письма лично. Курьер имеет дело только с кем-то низкого ранга, это при условии, что он вообще знает того, от кого получает деньги и почту, по имени или в лицо. Схватим курьера — спугнем добычу.

Рыцарь потер виски.

— Твое предположение — кто это может быть?

— Знаю почти точно, что это не талсидонский заговор, если только мозг, сидящий вне Талсидонии, не управляется кем-то еще. Мое предположение — что весь заговор напрямую связан со сватовством к Мирдане. Король умирает, Мирдане сосватают какого-нибудь

заграничного принца, а дальше уже перетянуть на себя власть — вопрос техники. И лет пятьдесят спустя тем или иным способом происходит слияние Талсидонии с другим королевством — под властью чужой короны, ясное дело. И все, большая сильная страна все равно что завоевана, только без войны.

— Дворяне такого не допустят!

— ...Пока живы. И это тоже вопрос техники, кому это знать, как не мне?

Все это звучало на редкость гнусно, и потому Кархад постепенно начал верить Р'Энкору. Разумеется, он сам ни за что не станет доверять этому эльфу и будет настороже.

— Ладно. Тогда главный вопрос: почему ты не сказал этого королю?

— Стоит сказать королю — и все кончено.

— Поясни-ка.

Р'Энкор протянул ноги и пристроил их на маленьком столике для напитков, даже не заметив, как покорило от такой наглости хозяина покоев.

— Сила Талсидонии в короле и дворянах, которые по причинам, остающимся вне моего разума, чрезвычайно верны ему. Это костяк, кулак, способный эффективно противостоять угрозам и править страной. Стоит его расколоть — и все. У заговорщиков обязательно есть сообщник внутри ближайшего или хотя бы близкого круга. Достаточно авторитетный дворянин, который подыграет в нужный момент. Как только все узнают о заговоре — раскол неизбежен. Дворяне разделятся на два лагеря во главе с вожаками, которые будут подозревать вражеского вожака в заговоре и в том, что он задурил головы другим дворянам. А дальше пойдет история, известная тебе как «кадорианская междоусобица», только уже в Талсидонии. Понимаешь, о чем я?

Кархад очень хорошо понимал. Пятнадцать лет назад в Кадории созрело напряжение и недоверие между дворянами, началась жестокая гражданская война, которая закончилась поначалу узурпацией короны одним из дворян, который обвинил родного брата короля в убийстве монарха. Впрочем, вскоре лоялисты убили узурпатора и вернули корону. Именно так король Синген, будучи младшим сыном короля, сам стал королем, поскольку его брат детей не имел.

— Понимаю. Там дворяне, разделившись на два лагеря, посылали друг к другу армии убийц, пока не дошло до открытой войны. У нас дворяне воспитаны в несколько иных традициях, и...

Дроу устало покачал головой:

— Не было там никакой армии убийц. Был только я.

— Что?! — вскричал потрясенный Кархад.

— Одни думали, что Синген убил брата, другие были уверены, что его подставляют. А я убивал по очереди то тех, то других, пока не началась война. Затем мой наниматель, моими руками натравив дворян друг на друга, захватил власть. Должен признать, его план был гениален, я тогда еще плохо представлял себе политическую кухню людей и такого бы не придумал. А мой наниматель все же опростоволосился: отказался от моих услуг слишком рано. В итоге убили и его...

— Не твоими ли руками?!

— Нет. Меня, согласно договору, в стране уже не было, условия сделки предусматривали, что я не вернусь в Кадорию при жизни нанимателя. Я же говорю — я никогда никого не предавал и всегда соблюдал договор. Так вот. Вернемся к нашим бедам. Если о заговоре узнают — дворяне потеряют веру друг в друга. Все будут подозревать всех.

Твоя задача — спасти Талсидонию от междоусобной войны и в итоге получить корону в награду. Ну и руку принцессы. А я обеспечу свою необходимость при дворе талсидонских монархов на столетия вперед.

Кархад вздохнул:

— Твой план имеет один изъян. Я не стану королем, потому что не намерен жениться на Мирдане ни при каких обстоятельствах, и меня не заставит даже приказ короля.

Дроу удивленно приподнял брови:

— Почему? Выкинь из головы эти бредни... «я ее не достоин»!

— Дело не в этом даже. Потому что между нами только детская дружба. Я никогда не соглашусь, чтобы она стала женой того, кого не любит, даже если этот кто-то — я. Ей я желаю счастья и любви — пусть и ценой моего собственного счастья.

— Ты кретин, — спокойно сказал Р'Энкор, — причем слепой. Ты ей нравишься, это заметил бы любой, у кого есть глаза и мозги. Ты ведь и сам можешь спросить ее, желает ли она быть твоей женой, не так ли? Впрочем, даже если нет — распутывать заговор надо в любом случае. Ты должен спасти своего короля, я — своего работодателя.

— С этим не поспоришь... Ладно, и каков твой план?

— Ты заручишься помощью префекта. Он не сможет отказать, опасаясь, что ты заподозришь его... На воре и шапка горит, и префект будет счастлив продемонстрировать тебе свою лояльность короне. В нужный день, когда в столицу приедет курьер, ты забереешь Фирруса из города под любым предлогом вроде расследования в соседнем городке, а я встречу с курьером сам под видом префекта...

— А если он не согласится?

— Тогда ты с подозрением в голосе и взгляде спрашиваешь, мол, господин префект, неужто у вас есть дела поважнее, чем интересы страны? Он не сможет отказать от участия в деле государственной важности. Так вот. Префект на встречу с гонцом ходил в плаще с капюшоном, скрывал личину свою — так что посыльный знает адресата, но не в лицо. Таким образом, я получу письмо, а курьер отправится обратно и доложит, что передал. В ту же ночь я переоденусь гонцом и, когда Фиррус бросится искать его — я передам ему письмо. Но мы уже будем знать его содержание. И тебе потребуется пара верных людей, которых ты сделаешь стражниками и поставишь на северной дороге, на заставе недалеко от столицы. Именно они, увидев гонца, оповестят тебя до того, как гонец встретится с префектом...

— А как они узнают гонца?

— По счетной решетке.

Кархад приподнял брови:

— Не понял?

— Гонец маскируется под обычного почтового гонца, — терпеливо пояснил дроу, — который возит туда-сюда купеческие письма да новости. Однако оба раза, когда я наблюдал его встречу с префектом, он давал ему счетную решетку. Письмо, надо думать, в рамке решетки. Остальные письма в его котомке — ненастоящие. Для отвода глаз. Гонец, прибывая вечером, всегда отбывает утром, ни с кем более не встречаясь, и увозит почту обратно. Так вот. Твои люди при досмотре узнают гонца именно по счетной решетке, это не тот предмет, который обычно можно найти у гонцов. И тогда его задержат немного под любым предлогом, а один из них предупредит тебя. Разумеется, оба не должны знать ни деталей, ни о заговоре вообще.

— Понимаю. И что дальше?

— Почитаем письмо — будем знать. А пока все, что у нас есть — Фиррус.

— А если письмо будет зашифровано?

Р'Энкор искренне расхохотался:

— Записи того барона тоже были зашифрованы, и что?

— Так ты еще тайнописи разгадывать умеешь?

— А то. — Дроу встал и двинулся к двери, но обернулся: — кстати, кристалл правды у тебя есть?

— Нет, вернул королю. А что?

— Попроси снова. Или сам купи у жрецов.

— Зачем?

— Затем, что он необходим нам для нашего дела. Поскольку я дроу и ты мне не веришь на слово — у тебя должна быть возможность проверять мою правдивость.

Кархад едва не засмеялся:

— Угу, как же. Ты не далее как час назад подставил меня, хотя у короля был кристалл!!

— Хе-хе... Я сказал тебе на балу, что коровье дерьмо добавлено в рецепт мною. Ты сказал королю, что оно там было лишним. Но это не одно и то же. Дело в том, что в настоящем рецепте используется помет рофа, коров в Подземье нету. А здесь нету рофов, потому мне пришлось заменить компонент похожим. Но тебе я сказал это так, чтобы ты понял меня неправильно. Наше сотрудничество я спланировал еще тогда, мне требовалось публично сделать тебе пакость, просто ты очень долго не говорил этого королю.

Кархад вздохнул.

— Слушай, а почему за тобой такая дурная слава, если ты никого не предавал? Говорят, что ты всегда предаешь тех, кому служишь.

— Вранье. Вот тебе пример. Меня нанял один дворянин, убить другого дворянина. Причем потребовал, чтобы жертва перед смертью помучилась и чтобы обязательно знала, за что умирает. Что ж, он платит, его воля — закон. Я воткнул жертве нож в живот и повернул, обрекая на мучительную смерть, затем сказал, кто именно меня нанял. Тем самым мое обязательство перед нанимателем было полностью выполнено, я стал свободен. И тогда немедленно предложил свои услуги смертельно раненому. Ну он, конечно же, нанял меня убить того, кто нанял меня убить его. Я никогда не выдаю своих нанимателей — но ведь наниматель сам желал, чтобы жертва знала, кто ее заказал. Выполняя второй заказ, я вернулся и причинил такую же смерть бывшему нанимателю, в этот момент я уже не был связан договором с ним. Заметь: я не сделал ничего, что от меня не требовалось, напротив, в точности выполнил волю нанимателя. Вначале одного, затем второго. И эта история повторялась до мельчайших деталей целых четыре раза — только дворяне каждый раз были другие. Вы говорите, что мы, дроу, злы и жестоки — но не мы, а вы, люди, хотите, чтобы ваши враги непременно мучились и непременно знали, за что и от кого. А прагматичный дроу просто выполняет вашу волю. Да, со стороны все выглядит как предательство — но на практике я никого не предавал. Работать против бывших нанимателей мне никто не запрещал, если, конечно, это не было оговорено специально. И таких историй я могу тебе много рассказать. Так уж вышло, что вы, люди, твари на редкость злобные, и моими услугами пользуются, в основном, наихудшие из вас.

В этот момент снаружи донесся какой-то шум и гомон. Кархад выглянул в окно и увидел, как пара стражников, стоявших на карауле у боковых ворот, пытаются поднять с

земли какого-то человека, чью ногу придавила упавшая лошадь. Бока животного судорожно ходили, голова мелко вздрагивала. Загнана.

— Кажется, он привез какие-то срочные новости, — заметил наблюдавший ту же картину дроу, — пойду-ка я в тронный зал... Не иди следом за мной, выжди, чтобы нас не видели вместе.

Кархад подождал одну минуту и быстрым шагом отправился в сторону центральных залов. На душе тревожно: вестник, мчащийся к дворцу не жалея коня, вряд ли привез хорошие новости.

К дверям, ведущим в обеденный зал короля, он подоспел аккуратно одновременно с гвардейцами, ведущими под руки грязного, всклокоченного, уставшего человека, причем держали его не из каких-либо опасений: бедняга едва переставлял ноги.

— Я доложу, — кивнул Кархад сержанту, прошел мимо пары стражей у самой двери и отворил одну створку.

Король все еще обсуждал с офицерами их поход и, вероятно, планируемый демарш против далмадианского короля Клейдана.

— Прошу прощения, ваше величество, — кашлянул в кулак Кархад, — тут стража привела вестника, чья лошадь пала аккуратно напротив моего окна...

— Давай его сюда, — велел король.

Гвардейцы ввели гонца, следом за ними просочился еще один стражник в закрытом шлеме, в котором Кархад без особого труда распознал Р'Энкора. Дроу молча застыл в трех шагах позади.

— Ты кто такой будешь и с чем пожаловал? — размеренно и величественно, как это он обычно делал перед простолюдом и гонцами, произнес Дэнбар.

Гвардейцы, для которых подобная интонация была условным сигналом, отпустили гонца, дабы тот мог преклонить колени, сами оставаясь начеку. Тут возникла заминка, потому что гонец почти что упал на колени, а не преклонил их, и прохрипел не вполне членораздельную фразу: у бедняги совершенно пересохло горло.

Король Дэнбар указал Винзейну на недопитую бутылку вина:

— Друг любезный, дай-ка ему горло промочить.

Выдув все, что там еще было, одним махом, вестник тыльной стороной ладони вытер усы и заговорил гораздо внятнее, хоть и сильно запинаясь.

— Ваше королевское величество, беда! Каэр Зодан взят штурмом!

Король приподнял бровь:

— Столица Зоданги? Штурмом?! Кем же?

Кархад хорошо понимал удивление короля: Каэр Зодан, пожалуй, один из самых укрепленных городов мира, и последний раз его брали штурмом столетия назад.

— Я не знаю, ваше величество, кто это были, — замотал головой вестник.

— Так... давай по порядку. Ты кто такой будешь?

— Тонтус из Рэна я, конюший слуги вашего, купца Барула из Рэна. Пять дней тому назад приехали мы в Каэр Зодан, караван привели с добром, и в городе остановились, в постоялом дворе, покудова хозяин мой товары не продаст. И вот два дня назад, поутру, когда у лошадей и волов я хаживал, случился страшный шум и гам, крики, грохот... Я, значит, на улицу выскочил, господин Барул и другие слуги тоже, и вот увидели мы толпу огромных и страшных воинов, мчались они по улице, все на пути своем сметая.

Король снова скептически приподнял бровь, на лицах остальных дворян тоже

отразилось недоверие. В самом деле, как толпа врагов может попасть в город так быстро? С башен Каэр Зодана часовым далеко видать, время ударить в набат, закрыть ворота и поднять мосты можно пятьдесят раз, но гонец ни слова не сказал ни про какой набат. Складывалось впечатление, что враг оказался на улицах города абсолютно внезапно.

— И что же это были за воины?

— Не знаю я, ваше величество, никогда не видывал таких. Росту они огромного, никто в этом зале темечком своим до... — он повертел головой по сторонам и смерил взглядом Кархада как самого высокого из присутствующих: — ну вот этот вот господин рыцарь, пожалуй, ростом будет таков, что тем воинам головой до подбородка достанет. Но в плечах они все вдвое шире будут... с наплечниками ежели смотреть.

— Орки, что ли? — догадался генерал Кагэмир.

— Нет-нет, благословенный господин, то были не орки. Я видел орков не раз, и как они дерутся — тоже видел лет пятнадцать назад. Орки не носят тяжелой брони, а эти — с ног до головы в железо закованы, и каждый из них шагал так, что земля дрожала. И тут из-за поворота городская стража появилась, и с ними несколько конных солдат — так их просто смели. Вот так — мах топором здоровенным! И троих сразу! Трупы во все стороны полетели! Мы с господином Барулом сразу же на карачках за бочки упрятались — а на нас сверху труп лошадиный! Едва не задавило нас. А мы-то в десяти шагах были, вон оно как лошадиные трупы раскидало! Эти огромные воины просто расшвыряли стражу — и дальше в наступление бросились! Прямо ко дворцу королевскому!

— И что потом?

— А дальше я хотел хозяина из-под лошадиного трупа-то вытащить — ему ногу придавило. А он достает из кармана кошелек, дает мне и говорит: бери лучшего коня и скачи в столицу, да во весь опор. Предупреди короля. И я поскакал. Три дня и две ночи, шесть лошадей сменил, две загнал...

— Как они выглядели? На каком языке говорили? Может, что кричали? Опиши их доспехи и оружие! — велел генерал.

— Большие очень. Как орки. Доспехи у них все разные, металл тяжелый, крепкий, в черное покрашен и красное, и разукрашены все черепами, рогами, клыками ужасных тварей. Оружие — мечи, топоры и булавы вот такой вот длины! И тяжеленные, а махали ими так, что свистело аж! И это, так вышло, что я выехал теми же воротами, какими они вошли... Вся охрана убита, решетка была опущена, но я сквозь нее проехал легко: ее проломил. Или прорубили. И мост, думается мне, охрана пыталась поднять, потому что обе цепи — перерублены были...

Присутствующие переглянулись, затем генерал напомнил:

— А крики, кличи, слова хоть какие?

— Ничего, я не слышал от них ни звука. Они дрались и убивали молча, показалось мне, что был один из них вроде как главный, но как вожак волков, то есть, видно, что главный, но молчит. И действовали они слаженно весьма.

— Это все? — спросил король.

— Все, ваше величество, я не видел ничего больше.

— Так они пришли, получается, с запада? Со стороны Талсидонии, так? — уточнил Кагэмар.

— Они вошли через те ворота, через которые мы с хозяином всегда въезжали, — уточнил Тонтус, — но когда скакал я — вдоль дороги никаких знаков войны не видал. Там

люди даже не знали, какая беда с их столицей произошла. Но могли они и лесами пройти. Я не ведаю, сколько всего этих страшных воинов было — но мимо меня их пробежало не то тридцать, не то пятьдесят... А такой отряд — не войско, можно через лес провести незаметно. Тем более, что эльфов в лесах Зоданги мало.

— Ладно, — кивнул король и распорядился: — гонца накормить и на отдых устроить. Ежели еще понадобится — позовем. И немедля созвать сюда весь мой совет, ну, пока только тех, что в городе. И Криштана с Гэрри отыскать в первую очередь!

* * *

Норлашу в жизни выпало немало лишений: не любят люди колдунов. Люди вообще не любят никого сильнее, талантливее, счастливее себя, а уж магов, которым выпадает редкий талант и вытекающие из него возможности — и подавно. Ну а чернокнижники и вовсе не могут рассчитывать ни на что, кроме ненависти, даром что любой король по количеству загубленных жизней даст фору самому отпетому демонологу.

Больше всего Норлаша в этом положении дел возмущало даже не количественное соотношение. Короли губят тысячи людей, своих и чужих, ради своих амбиций, властолюбия, алчности, славы и прочих суетных дел. Чернокнижники, конечно, тоже не прочь жить в комфорте и богатстве, но их мотивы совсем другие. Жажда познания — вот сила, что движет ими. Чернокнижники добыли множество сведений, людям ранее недоступных, открыли многие законы мироздания. Но за это — всеобщая ненависть. И даже гребаные жрецы всюю используют в своей символике и амулетах руны и глифы, открытые чернокнижниками, не забывая при этом всячески гнобить последних.

Вот она, вопиющая несправедливость: венценосному тирану, для которого его народ лишь живой ресурс — почет и уважение. Норлашу — проклятия и ненависть. А ведь он никогда ни одной жизни без причины не отнял, и не швырялся ими налево и направо ради суетных дел. Только лишь желание новых знаний двигало им. Да, и жажда власти, в некоторой мере, тоже, но так, для галочки. Всю свою жизнь Норлаш, будучи могучим колдуном, имел крайне скромные запросы, за богатством не гнался, и даже силу свою применял, в основном, только для самозащиты от тупых людишек.

А закончилось это Ямой. Людишки ненавидели и травили его, причинившего так мало зла, словно самого отпетого мерзавца... Что ж, теперь все наоборот.

Несколько последних дней стоили всех мук и страданий: кто бы мог подумать, что месть и воздаяние так сладки?

После бойни на границе отряд Владыки продолжил свой путь, сметая со своего пути всех и вся. По совету Малантуса, знавшего эти места, Кхейл двинулся на город, чей правитель так бесславно погиб в сражении. Над городом стоял плач: поредело слегка его население. Чего глупцы не знают — что все еще только начинается, и вскоре живые будут завидовать мертвым.

Караван получил все, что ему требовалось: провиант, транспорт, возниц и слуг. Норлаш при этом славно поразвлекся, от своего имени грозя всему миру страшными карами: Владыка действительно не понимал ни единого языка, кроме языка демонов. Что, конечно же, весьма странно, демоны-то всезнающи, в теории.

Еще Норлаш обзавелся комфортабельной каретой, принадлежавшей погибшему

феодалу, и теперь вместе с Малантусом путешествовал по-королевски, коротая время в теоретических спорах со своим учеником. Малантуса ставило в полный тупик, что Владыка не нуждается в жертвоприношениях и вообще ведет себя совсем не как любой другой демон, попавший в план Сангарии, и единственное объяснение он видел в том, что за Кхейлом стоит кто-то еще более сильный, к примеру, Владыка, в то время как сам Кхейл таковым не является, поскольку заявиться в полном аспекте Владыка вряд ли может: слишком велика его сила и слишком велики будут потери оной.

— Ну и почему ты считаешь так? — скептически вопрошал чернокнижник.

— Мастер, ну вы же сами учили меня принципу прогрессирующих затрат! — ответил ему ученик.

Норлаш покачал головой:

— Тут есть три момента. Первый — Кхейл может быть, к примеру, Владыкой, потерявшим все свои накопления. Богоравную мощь можно потерять. Богоравные знания и способности — нет. Второй — Владыкам может быть ведомо нечто, неизвестное нам. И третье — главы про промежуточный аспект ты, надо думать, пропустил. Владыка не будет тратить адову прорву энергии, если заявится во вместилище, потому что во вместилище не вся его мощь, а значит, и затраты меньше, притом я подозреваю, что и вместилище не из нашего мира, а это может внести поправки.

Вместе с тем, чернокнижник пришел к выводу, что ученик может быть прав. Владыке незачем идти лично, если можно послать даже не демона-вассала, а смертного чемпиона. Ошеломляющая мощь ауры Кхейла так впечатлила Норлаша при первой встрече, что могла повлиять на объективность его суждений, да. Но настолько сильный чемпион?! Хотя, чисто теоретически, гипотеза с чемпионом могла бы объяснить очень многое.

Однако свои мысли на этот счет чернокнижник держал при себе, а вот Малантус не придумал ничего лучше, чем задать Кхейлу вопрос в лоб, и хотя ответ не содержал собственно ответа, на кое-какие мысли Норлаша натолкнул.

— Воздержись от вопросов, которые могут усложнить мою жизнь и оборвать твою, — глядя на нерадивца с высоты своего роста, спокойно произнес Кхейл, никак не изменившись в лице.

Малантус рассыпался в нижайших извинениях, а Норлаш намотал на ус: чемпион ли, Владыка ли, но этот титан что-то скрывает. Обладание мощью, достойной бога, не вяжется со всем остальным, в первую очередь с вопиющим незнанием всего и вся.

Кроме того, было еще кое-что, вдребезги разбивавшее теорию о чемпионе. Ни демону, ни богу не дано нарушить законы того плана бытия, который они посещают. Одарить смертного огромной магической силой — да. Физической — тоже да, потому что заклинание некоторого увеличения собственной силы даже Норлаш знает, ничего сложного. Как знает и то, почему никто никогда не увеличивал свою силу многократно.

Магией невозможно увеличить прочность материального предмета, будь то камень, сталь или кость, вот ответ. И потому чемпион бога не в состоянии носить доспехи, вес которых превышает крепость его костей, сколько бы милостей ни даровал ему покровитель. Ладно, положим, эти воины по силе и сложению почти не уступают оркам. Однако в сражении на границе Норлаш своими глазами видел, как, выбитый из седла кулаком, всадник в полном облачении летел по воздуху не меньше двадцати шагов. Какова должна быть сила начального толчка, чтобы швырнуть тело, весящее не меньше шести пудов с доспехами, так далеко? Чернокнижник в механике был не силен, однако даже

приблизительный подсчет показал: человеческие кости такого выдержать не могут, ни получившие удар ребра, ни тем более нанеся его рука.

Еще одной проблемой был сам Малантус. Ученик не понимал самого принципа захвата Сангарии, полагая, что демон-захватчик ограничится насаждением своей религии и кровавыми жертвами. Увы, он всегда был весьма недалек. Простой ответ у него под носом: никакое поклонение не покроет такие затраты, а жертвы слишком быстро кончатся. А когда Кхейл протащит сквозь портал все десять тысяч, математика станет еще менее реальной. Цель Кхейла, или того, кто за ним стоит — не смертные Сангарии, а сама Сангария. И если Малантус это поймет... Вряд ли ему понравится такая перспектива, страшнейшая месть ценой даже собственной жизни — цель Норлаша, но не его ученика.

А отряд продолжал свое победоносное шествие. Затем была очередная стычка, так и не переросшая в битву: другой местный барон собрал серьезное войско, тысяч на двадцать, и Норлашу уже даже стало интересно, как Кхейл намеревается с ним сражаться. Однако на деле все случилось несколько иначе: воины Кхейла в полном молчании ринулись в атаку, смяли и втоптали в землю авангард лучников и пращников, разделились на два крыла и разбили легкую конницу, которая пыталась охватить их с флангов. Сразу после этого остальное войско просто бросилось наутек.

Кхейл же не стал их преследовать и на вопрос, почему, ответил:

— Пустая трата сил и времени. Лишь конечная цель имеет значение.

Оставляя за собой только ужас и смерть, демон-захватчик пересек Кадорию и ступил на землю Далмады. Первая ключевая цель — Ламедия и хранящийся в этом городе запретный манускрипт — была впереди в нескольких дневных переходах.

* * *

Подготовка к церемонии шла полным ходом, и, казалось, даже людишки решили уважить уходящего князя, не давая о себе знать и не причиняя беспокойств. Хотя Торубаэль прекрасно понимал, что дело в страхе, уважение людей — нечто эфемерное и неуловимое. И вроде бы слово такое у них есть — да только этого самого уважения древнейший из Старших народов от людишек так никогда и не добился. Когда они тысячелетия назад только-только перебрались во владения высших эльфов из-за океана, это были слишком примитивные существа. Позднее, многократно приумножив свое число и ошибочно приняв доброту эльфов за слабость, они обнаглели, были жестоко за это наказаны — и с тех давних-давних пор между ними и Старшим народом только ненависть и война. Знали бы те добрейшие князья, впусившие мягкосердечно этот говорящий скот на свои земли, что обрекают собственный народ на упадок и вымирание — истребили бы людишек, пока могли. Однако же увы, даже легендарная сила эльфийских князей, многократно приумноженная Обителью Достойных, не позволяет предвидеть будущее.

На плечи лидера карателей легли дополнительные заботы по охране паломников. Многие эльфы в преддверии Приношения начали посещать древние руины на самом краю Вечного Леса, молясь Восьми и беседуя с духами предков. Конечно, Торубаэль прекрасно знал, что людишки навряд ли сунутся даже на версту под Сень Леса, мощь чар настолько велика, что путает мысли не только магов, но и обычных людей иногда. Потому у самого края периодически попадаются останки этих убогих существ, заблудившихся и умерших от

жажды порою в сорока шагах от опушки.

Однако даже самая мизерная опасность жизни эльфа не может быть проигнорирована: эльфов осталось слишком уж мало, риск недопустим.

Появились также и кое-какие тревожные сведения. Один из лесных сородичей, живущий в городе людей, в Валиноре, каким-то образом прознал, что Грестол и Валинор имеют намерения, действуя сообща, отнять у народа Вечного Леса земли, прилегающие к собственно Вечному Лесу, вместе с парой рек. Кольцо людских королевств медленно, но неумолимо сжимается вокруг последнего пристанища высших эльфов, вот теперь Грестол и Валинор, давно враждующие, решили сговориться и угрозой войны оттяпать еще кусок от их равнинных владений... Идиоты. Пора бы уже понять, что эльфы ничего не отдадут без боя. Если вокруг тебя сомкнул свои кольца питон и душит — единственный разумный выход заключается в ударе кинжалом. Любые уступки питону — суть помощь в удушении самого себя.

Однако старого князя он в известность не поставил: пускай присоединится к предшественникам спокойно, а проблему Торубаэль будет решать уже под началом новой княгини.

Еще его беспокоили странные воины-гиганты. О том, что едва полусотня их наголову разбила войско людей, Торубаэль знал, он лично расспрашивал лесного эльфа, который видел битву и позже насчитал около тысячи убитых. Впрочем, кем бы те воины ни были, пока они крушат людей, а под Сень Леса не сунутся, значит, сейчас это проблема людишек.

Вот и священные руины. Древность их настолько глубока, что в голову смертного укладывается с трудом. Когда-то это был город великого народа, возвышающийся посреди равнин — еще до того, как высшие эльфы стали лесными обитателями. Теперь же это город мертвых: многие его жители, по каким-то причинам не уйдя в Послежизнь, бестелесными призраками остаются в священных руинах, сюда же многие живые ходят поговорить и с теми, кто умер много позже. Пропитанный древней магией город, частично слившийся с лесом — последнее пристанище давно умерших.

Торубаэль периодически посещал это место и раньше, теперь, когда на нем забота о паломниках, он может совместить полезное с полезным. Он медленно шагал по улицам, обходя пробившиеся сквозь старый мрамор деревья и развалины, вслушиваясь в шепот, который тут иногда слышится тем, кто умеет слушать и слышать. Своих родственников найти не удалось, но здесь и так есть с кем пообщаться.

Вот и нужное место, большая площадка, где когда-то давно тренировались воины Старшего народа... И один из них — все еще здесь.

Торубаэль бросил свою котомку, лук и колчан на замшелую мраморную плиту и стал вглядываться в колышущиеся тени. Призраки почти лишены возможности влиять на мир живых, но сильнейшие периодически накапливают достаточно сил, чтобы явиться своим потомкам для разговора или урока.

Прямо перед ним появилась прозрачная, едва различимая фигура высокого воина с волосами, собранными в узел по моде давным-давно ушедших тысячелетий. Годы идут, королевства возникают и гибнут, поколения меняются — но этот древний воин все еще служит своим потомкам, обучая некоторых из них своему бесценному опыту.

Торубаэль поклонился призраку и обнажил клинки сабель. Тот скользит навстречу, атакуя, и резко меняет направление движения с грацией и изяществом, которыми обладал при жизни. Начинается полезнейшая тренировка, в которой Торубаэль может выложиться на

полную, сражаясь без опасений поранить партнера, который тоже сражается с невиданным мастерством.

Шаг, выпад — промах! Уклониться от призрачного клинка, развернуться, метнуться в сторону — но там уже второй меч древнего воина. Бой занял лишь две секунды, и будь это живой противник с осязаемым оружием — Торубаэля уже бы не стало.

Они вернулись на исходные, чтобы начать все снова. Безымянный призрак скользит бесшумно и стремительно, вращая парой призрачных мечей, легко уклоняется от выпадов своего ученика, вот уже Торубаэль пытается уклониться — но куда там. Его мастерство — ничто против мастерства древнего воина. Он прыгает, мечется, уворачивается и хитрит, но тот, кто обучал сильнейших воинов древности, отлично знает все эти увертки и хитрости! Тут не метаться по арене надо, а скользить и порхать — хотя и этого окажется недостаточно.

Все это повторялось раз за разом, с Торубаэля уже давно пот градом. Один-два раза в месяц он приходит сюда, чтобы сразиться с невероятно искусным оппонентом, и кое-чего уже достиг: именно этот призрачный наставник помог лидеру карателей прослыть одним из искуснейших воинов. Торубаэль позаимствовал у него многие хитрые пируэты и особо изощренные приемы, но как же велика разница в мастерстве между ними!

Как же много утрачено, если даже искуснейший из ныне живущих оказывается совершенным неумехой против древнего воина?! Удастся ли Торубаэлю вернуть хоть малую толику мастерства предков? Он очень надеялся, что удастся: призраки, на самом деле, очень редко обучают живых, выбирая для этого только достойнейших. В конце концов, поначалу ему вообще не удавалось продержаться и пары вдохов — сейчас бои длятся по две-четыре секунды, а иногда и все восемь.

Торубаэль атакует, промахивается и уходит в оборону, прыгая из стороны в сторону. Противник уже близко — и тогда ученик делает неожиданный ход, мысленно прочитав заклинание телепортации, достаточно короткое, чтобы сотворить его почти мгновенно, но при этом достаточно длинное, чтобы оказаться на другой стороне арены. Призрак снова бросается через всю площадку, Торубаэль уклоняется, опять телепортируется, обманное движение, и...

Все. Очередной проигрыш.

— Бей первым, а не уходи в глухую оборону, — послышался тихий-тихий шелест, распознать в котором слова древнего языка смог бы не каждый, — всегда нападай, не дожидаясь атаки...

Призрак медленно таял, исчерпав все накопленные силы, а Торубаэль застыл, словно пораженный проклятием. Бить первым, не дожидаясь атаки... слова эти внезапно стали ключом, открывшим волшебную дверь к вековой мудрости. Бить первым, не дожидаясь атаки. Бить на опережение.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Озаренный, он стоял посреди тренировочной площадки, осмысливая то, к чему пришел сквозь долгие размышления, но что не мог ухватить без дополнительного толчка.

Бить первым. Не ждать, пока люди убьют еще одно дитя Вечного Леса, а бить на опережение. Бить до того, как станет поздно, ибо даже самая кровавая месть не вернет того, за кого мстят. Так просто.

Конечно, есть нерушимые устои, которые нельзя нарушить и остаться самим собой, но теперь Торубаэль понимает суть, а способы найдутся. Безусловно, взискать с людей цену крови нельзя, пока эта кровь не будет ими пролита, но... Взysкивая цену, каратели сжигают

вырезанную деревяню, хотя нет традиции, велящей делать это. Цена крови платится только кровью, а не пожаром, просто такая манера вошла в обиход...

Однако Торубаэль решительно не видит никакой традиции, ни единого закона предков, который запрещал бы поджечь людскую деревяню без резни. Вот оно — бить первым. Поджечь деревяню, никого не убивая. Или даже большой город. Конечно, город — не деревня, там могут погибнуть многие людишки — но это уже их проблема, что они не умеют, подобно эльфам, тушить огонь простыми чарами. Жили бы со Старшим народом в дружбе — умели бы, так что вина только их.

Или сжечь поля перед самой жатвой. Бить на опережение — значит сокрушить врага еще до того, как он достанет оружие, то есть, сокрушить можно не клинком или магией, а просто ударом в челюсть, не убивая. И голод заставит людей исчезнуть, покинуть земли эльфов, уйти в другие края.

Гениальное решение. Если раньше эльфы, мстя людям за кровь, просто убивали некоторое относительно малое число их, никак не мешая остальным жить и ненавидеть эльфов, то теперь стоит, никого не убивая, мешать жить всем. Если сгорел дом и все добро — это очень плохо, но поправимо со временем, а если сгорели посевы — это уже исправить труднее, потому что проблема даже не в новых посевах, а в том, чтобы дожить до их восхода. И тогда голод прогонит людей прочь от Вечного Леса.

А если люди постепенно усвоят на своем горьком опыте, что их с трудом выстроенные деревни и ухоженные поля может в любой момент пожрать огонь, и самих их ждет голод и бездомье — они не станут строить новые деревни. Поначалу новые переселенцы, отстраивая свою деревяню вместо вырезанной и сожженной, уверены, что уж они-то с эльфами будут жить в мире — но проходят годы, меняется одно-два поколения — и люди напрочь забывают, что такое гнев Старшего народа. А затем все по новой, снова где-то проливают кровь эльфа — и снова Торубаэль исполняет свою мрачную, но необходимую обязанность.

Зато если люди будут точно знать, что эльфы обязательно, всенепременно и неизбежно сожгут ночью их посевы без какого-либо повода — не будут даже и думать, чтобы селиться поблизости. Ха, это же мудрейшая мудрость — просто сжечь поля подчистую. И тогда не понадобится сжигать сами деревни и причинять кому-то неосторожному огненную смерть. Пройдут века, даже не века, а всего пара быстрых людских поколений — и все те, у кого сейчас с эльфами кровная вражда, просто умрут. Новые поколения, конечно же, все равно будут ненавидеть эльфов и с завистью смотреть на земли, которые, по их мнению, отнял у них Старший народ, но которые, вообще-то, испокон веков эльфам и принадлежали... Но одно дело — просто ненависть. Совсем другое — кровная вражда. За свои три сотни лет Торубаэль хорошо усвоил, насколько велика между ними разница.

Он удовлетворенно улыбнулся: ведь все так просто и легко! Многие годы Торубаэль искал способ качнуть весы в сторону своего народа, даже дошел до крамольной мысли о том, что не убивая детей, войну не закончить — а вот это, элегантно и мудрое решение, не увидел без подсказки призрака, слишком уж зашорен был его разум древними традициями, слишком скован...

Торубаэль моргнул и вернулся к реальности. Отыскал глазами тающий контур уходящего на ту сторону жизни давно умершего воина и глубоко поклонился ему.

— Благодарю тебя, наставник, — сказал он, — ты подсказал мне нечто несоизмеримо большее, нежели боевой прием.

Поспешно собрал свои вещи и поспешил обратно: необходимо сообщить решение, над

которым бились многие поколения, князю. Пусть князь, уходя к предшественникам, знает, что его народ наконец-то разорвет замкнутый круг — а заодно нужно, пока он еще жив, воспользоваться его многовековой мудростью для шлифовки новой стратегии.

* * *

— Так что скажете, друзья мои, по поводу нашего прежнего плана относительно Далмады, в свете новых событий? — спросил король.

Барон Гэрри почесал рыжую бороду:

— А нам-то что? Какие-то воины, смахивающие на странных орков, учинили в столице Зоданги разгром и дебош. Но Зоданги в давешнем нашем плане вообще не было, так что...

— Зато Зоданга всегда есть в планах и расчетах Кадории, — возразил Криштан Арканайский, — а в наших планах есть Кадория. Во-первых, давайте подождем новостей, мы ведь даже не знаем, а жив ли вообще толстый Ландогри? Если он убит — это может смешать нам все.

— Да-да, — кивнул король, — смена власти в Зоданге может изменить расклад, и это в лучшем случае. В худшем — начнется грызня за корону, и если Валинор и Грестол слишком слабы для вторжения, то Сингэн вполне может пересмотреть свои приоритеты и отхапать кусок Зоданги под шумок. А в этом случае ему будет уже не до Далмады, и тогда наш план может провалиться.

— Вот уж никогда бы не подумал, что когда-то буду волноваться за здоровье короля Ландогри, — заметил генерал Кагэмар.

Барон Гэрри откинулся на спинку кресла:

— Согласен полностью. Рассказанного гонцом слишком мало для того, чтобы строить замыслы, надо ждать, пока не узнаем точнее, кто, чего, куда и как. Ну и жив ли Ландогри.

В этот момент один из охранников кашлянул в кулак, не поднимая забрала, и участники совета обратили внимание, что этот солдат — «лишний», и стоит на месте, где стражники обычно не стоят.

— Р'Энкор, ты что тут делаешь? — с досадой спросил король Дэнбар.

Неодобрительные взгляды сошлись на мнимом стражнике.

— Именно то, за что вы мне платите, мой повелитель, — невозмутимо ответил дроу, поднимая забрало, — и коль уж довелось мне присутствовать при совете, я решил высказать пару мыслей, которые из уст собравшихся благородных вельмож не прозвучали. Вы позволите, ваше величество?

— Ну-ну, — с долей скепсиса в голосе разрешил король.

— Первое — возможность убийства таинственными воинами короля Зоданги вы учли, а самих воинов — нет. Я рискну предположить, что если некто способен беспрепятственно войти в столицу королевства — то и выйти он, видимо, может. Как знать, куда эти воины дальше пойдут? Могут ведь и в Талсидонию.

— Глупость, — возразил Винзэйн, — с какой стати им нападать на нас? Мы не воюем с ними, кем бы они ни были!

Дроу издал смешок.

— Не исключено, что король Зоданги тоже так думал. Грестол и Валинор далеко, орки до столицы не доберутся, даже если орду соберут, эльфы из своего Вечного Леса не выходят,

Талсидония вторжения вроде бы не собирается начинать, с Кадорией войны нет... Вот он и сидел себе спокойно во дворце, ниоткуда не ожидая столь внезапного нападения прямо на столицу — и вот сейчас вы гадаете, а жив ли Ландогри вообще?!

— Разумная точка зрения, — согласился король, — но пока бесполезная. Мы ведь не знаем, что это вообще за отряд такой был.

— Не знать — не повод сбрасывать со счетов. И вторая мысль... Я из услышанного сделал вывод, что ваше величество строит план против Далмады, рассчитывая на помощь Кадории. А Ханнай в этом мудром плане учтен?

— Ханнай чуть ли не на днях позорно сдался, — фыркнул генерал, — и теперь дважды подумает, прежде чем...

— Ханнайскому королю не обязательно думать дважды сейчас, если он все продумал много раньше.

— Давай без загадок, — потребовал король.

Дроу адресовал ему почтительный полупоклон.

— Как прикажете. Я намекаю, что у Ханная и Далмады может быть план против Талсидонии, включающий в себя якобы капитуляцию. Ведь в этой войне, если вдуматься, прославленный генерал Кагэмар хоть и приписал себе победу, но не нанес Ханнаю равным счетом никакого урона. Битва у переправы не в счет: Ханнай отдал несколько сотен своих самых никчемных солдат за меньшее число отличных талсидонских бойцов. Размен. И вот теперь король Талсидонии и его мудрые советники сидят и строят планы, в которых риск со стороны Ханная не учтен.

От таких слов Кагэмара слегка покоробило, и он процедил:

— Эта капитуляция стоила казне Ханная слишком дорого, чтобы быть якобы капитуляцией!

— Эта якобы капитуляция ничего не стоила Ханнаю, если у ханнайского короля есть план, предусматривающий вторжение в Талсидонию. Все равно что отдать часть своей казны на временное хранение, чтобы потом забрать с большими процентами.

Дворяне начали переглядываться.

— А ведь в его словах есть резон, — заметил Лайар.

Однако Кагэмар не желал смириться с тем, что какой-то дроу так просто возьмет и сравняет его заслугу с нулем.

— Вы забываете одну вещь! Ханнайский король сдался, так как подумал, будто этот вот дроу нанят вами, ваше величество, и убоился!

— ...Или же заставил вас думать, что убоился. Не исключено, что я сам послужил ему орудием для замыливания глаз. Вот моя версия: ему нужен повод чтобы сдаться, выплатить репарации и тем самым заставить вас всех перестать воспринимать ханнайскую угрозу всерьез. Для этого меня нанимает подставное лицо, убить одного барона якобы из-за денег, что я и делаю. Но мое появление позволяет Ханнаю просить мира под правдоподобным предлогом, не теряя солдат. В то же время король Клейдан подсылает неуклюжего отравителя, после чего вы, ваше величество, решаете предпринять некий план против Далмады, в то время как Далмада и Ханнай как раз на это и рассчитывают. Они ведь союзники.

— Слишком мудреный и надуманный план, — скептически покачал головой барон Гэрри.

— Слишком простой и очевидный, — возразил Р'Энкор, — видал я планы и посложнее,

против которых мною озвученный — так, детская шарада. И если вдруг окажется, что Кадория будет на стороне Ханная и Далмады — меня даже это не удивит. Я, конечно же, не настаиваю, что у Ханная непременно есть коварный замысел — но сбрасывать такую возможность со счетов будет неосторожно. Все, в чем можно усмотреть подлый многоходовой план, на деле может таковым и оказаться.

Король забарабанил пальцами по столу.

— Должен признать, что подобная точка зрения мне бы в голову не пришла. В любом случае, подождем новостей.

* * *

Норлашу уже казалось, что он попал в рай. Не в обычный, дарованный божком, с цветами, полянами, вином и музыкой, а свой собственный, в рай, где бушует пламя, реки крови текут по мостовой и где человеческие вопли разносятся по ветру, услаждая слух старого чернокнижника.

Правда, это пока еще был мир смертных, но штурм Ламедии, свидетелем которого Норлаш стал, являлся лучшей гарантией непобедимости Кхейла и неотвратимости страшной катастрофы, которой так ждет истерзанная душа черного мага.

Сражение началось без какой-либо подготовки: демонические воины не нуждались в смехотворных телодвижениях и мишуре вроде осады, метательных машин. С марша — в бой.

Король Далмады, помня плачевный исход двух стычек кадорианцев с нападающими и понимая, что путь их лежит на Ламедию, силы расплыть не стал и собрал возле города тридцатитысячную армию и в самом городе — немногим меньше самых отборных войск.

Однако Кхейла и его воинов это не смутило и не остановило.

Несмотря на то, что система оповещения при помощи костров дала далмадианцам время построиться, как-то воспользоваться этим преимуществом они не смогли: Кхейл, оставив с Норлашем двоих воинов, атаковал с ходу и разбил все тридцать тысяч в считанные минуты. Только что полки Далмады стояли, выстроенные по всем правилам ратного дела — и вот уже выжившие в ужасе разбегаются во все стороны, давя друг друга.

Закованные в демоническую сталь воины раскололи строй врага, разбив центр в свирепом натиске, и прорвались в «нижний» город, выросший вокруг огромной крепости Ламедии. Сопrotивления им никто оказать не смог, затем Норлаш и его ученик на карете добрались к основным силам.

Крепостной мост, конечно же, был поднят, со стен летели стрелы, камни и бревна, но попасть в пехотинцев, бегающих резвее лошади — задача непростая. По команде предводителя ужасные воины выстроились шеренгой напротив ближайшего бастиона и направили на него свое оружие рукоятками вперед. Ослепительный свет и треск молний, затем страшный грохот и вопли на стенах. Яркий свет помешал Норлашу разглядеть случившееся в деталях, но результат поражал сам по себе.

Бастион попросту обрушился от одновременного удара колдовского оружия. Вход в город был открыт.

В этот момент запущенный со стены камень размером с голову почти попал в одного из воинов, но тот непринужденно выставил навстречу кулак.

— Великая тьма! — сдавленно пробормотал Малантус. — Вы видели это, мастер? Ог

просто отбил снаряд онагра... кулаком!

Кхейл повел свой отряд внутрь сквозь пролом, перепрыгнув наполненный водой ров. После короткого сражения за стенами подъемный мост упал, решетка поднялась: путь в город для кареты был открыт.

Ход сражения в самой Ламедии Норлаш не видел, так как карета двигалась в самом конце, когда основные силы прокладывали путь сквозь кварталы. Город изнутри был укреплен слабо, никаких толковых мер вроде позиций на крышах и баррикад никто не предпринял: должно быть, Клейдан веровал в неприступность своей столицы для столь малого отряда.

Как же он ошибался...

Во многих местах на улицах, где какой-либо отряд гарнизона встречал свою смерть, громоздились горы трупов и стояли алые лужи. Попытки обстреливать нападающих из окон или с крыш влекли за собой ответные удары демонического оружия, от их молний начались пожары. В одном месте Норлаш заметил более-менее ровно валяющиеся обугленные трупы, но в целом в рукопашном бою воины Кхейла предпочитали бесхитростную рубку.

Продвигаясь следом за отрядом к центру города, чернокнижник насчитал, на глазок, три или четыре тысячи убитых, затем внезапно какое-либо заметное сопротивление прекратилось, и потусторонние завоеватели добрались к королевскому замку почти беспрепятственно: войска, осознав полнейшую невозможность дать отпор и напуганные участью смельчаков, в ужасе разбежались.

Королевский дворец Кхейла не заинтересовал, ведь цель — башня гильдии лояльных короне магов на соседней площади.

Здесь атакующие повстречали два десятка магов — и убили их без промедления. Норлаш видел бросаемые огненные шары и молнии и даже ощущал магию, напитываемую из всех возможных сил, однако все это — и заклинания, и силы — не произвело на демонических воинов никакого впечатления. Маги погибли нелепо и бесполезно, ничего не добившись.

Малантус не удержался, выбрался из кареты и принялся мародерствовать, обшаривая трупы и их куски на предмет волшебных предметов, и вскоре разжился весьма неплохими, даже по меркам Норлаша, побрякушками. Чернокнижник наблюдал за учеником со снисходительной усмешкой: как ребенок, право слово.

* * *

Р'Энкор толкнул дверь харчевни и вошел в полутемное помещение, пропахшее не самыми приятными для тонкого обоняния запахами. Пригоревшее масло — особенная мерзость, но людишкам этот аромат почему-то нравится. Ну да неважно, он сюда пришел ненадолго.

Из посетителей — трое мужчин, более или менее опрятных по людским меркам, сидят за дальним столом и что-то едят, переговариваясь короткими фразами, что-то о ремесле своем судачат. Еще хозяин да служанка, дочь его, судя по возрасту и некоторой схожести черт — вот и все присутствующие. Маловато, ну да ладно, авось получится и тут.

Как только маленькие, заплывшие жирком глазки хозяина зацепились за дорогой, дворянского покроя плащ вошедшего, Р'Энкор небрежным жестом уронил на пол несколько

серебряных монет общей стоимостью где-то в половину ойрана.

— Самой лучшей еды мне, самого лучшего вина — и поживее, — надменно возвестил он, глядя подчеркнуто мимо хозяина.

Жест этот, с бросанием монет на пол, Р'Энкор подглядел у кого-то из людских же вельмож в одном придорожном трактире лет пятнадцать тому назад, и он ему сразу же очень понравился своей предельной понятностью и эффективностью. Хозяин харчевни, бормоча раболепные заискивающие фразы, моментально оказался подле гостя, ползая вокруг него на коленях и собирая монетки с грязного пола, и Р'Энкор ощутил странное чувство гармонии с окружающей обстановкой. Вот он стоит, с гордо поднятой головой и презрительным выражением лица, вот человечиска, аки тварь или червь, пресмыкается у его ног. Именно так все и должно быть, все на своих местах.

Он перешагнул через хозяина, прошел, нарочно позвякивая саблями, к середине зала и уселся за центральный стол, так, чтобы светильник хорошо его освещал. Вокруг него сразу же засуетились служанки — появилась и вторая, очень похожая на первую, но в два раза старше, видимо, мать ее и жена хозяина — на столе сразу же оказались тарелки с разной снедью и закусками. Полминуты не прошло, как хозяин, уже собравший деньги с пола, резво, невзирая на вес и возраст, прискакал откуда-то с темной, покрытой пылью бутылкой, на ходу вытирая ее о свой камзол.

Р'Энкор расселся на деревянном стуле так горделиво и вольготно, как не всякий король на троне сидит, и изящным движением сбросил с головы капюшон.

...О, как он предвкушал это мгновение! У служанок разом затряслись мелкой дрожью руки, хозяин испуганно икнул, а трое едоков, которые с появлением «знатного господина» стали говорить в три раза тише и только завистливыми взглядами провожали подбираемые с пола монетки, просто ахнули.

— Клянусь срамным удом Нергала, — проговорил один из них, — да это же дроу!

Р'Энкор медленно, с ленцой, повернул к нему лицо и надменно осведомился:

— Ты там что-то о моей персоне прохрюкал, боров смердящий?

Тут он, конечно, немного кривил душой, потому как все трое — жилистые и крепкие, но если сравнить с подтянутым и стройным эльфом, то эпитет пусть и не совсем точен, но наполовину все же уместен, а главное — весьма оскорбителен.

Вскочили, сжимая кулаки, все трое.

— Ты что себе позволяешь, тварь подземная?! — вскричал самый старший.

— Что мне хочется, то и позволяю, — еще заносчивей ответил Р'Энкор, — и у жалкого слизняка вроде тебя спрашивать позволения уж точно не намерен. Так что жуйте свои помои молча, дерьмоглоты, а лучше — вообще выметайтесь отсюда, вы оскорбляете мой взор, мой слух и мой нос своим существованием!

Вот тут от негодования завопили все трое, самый молодой сжал в руке вилку, словно кинжал, а потом сквозь этот хор прорвался самый мощный голос старшего.

— Ты, выблядок подземной шлюхи, приперся в нашу страну, в наш город, жрешь нашу еду в нашей харчевне — да еще смеешь так нас поносить, мразь?! Мы тебе сейчас живенько покажем, где твое место — в сточной канаве, а лучше — на ближайшем дереве!

Р'Энкор тем временем придирчиво осмотрел собственную вилку: вроде чистая, но перестраховаться стоит. Стащил с руки перчатку, короткое, режущее слух слово — и прямо из ладони поднимается небольшой язык пламени. Он слегка прокалил вилку в огне, сжал кулак так, что только меж пальцев дымок заструился, взглянул на троицу и ухмыльнулся

волчьей ухмылкой.

— Попробуйте, ничтожества. Смелее, ну!

Непринужденная демонстрация магии произвела отрезвляющий эффект.

— Ну погоди, колдун чернодушный, сейчас ты иначе запоешь, — пообещал один из людей, а затем все трое бочком проскользнули к двери и покинули харчевню.

Р'Энкор наколот на вилку кусок вареного в вине мяса, отправил в рот и прожевал.

— Неплохо, неплохо, — одобрил он, взглянув на хозяина, который испуганно полуприсел у себя за прилавком и, должно быть, соображал, что же дальше будет.

Вскоре снаружи загрохотали подкованные сапоги. Дверь с шумом отворилась и в харчевню ворвался отряд городской стражи, которых привели давешние людишки.

— Вот он, господин капитан, вот он! — завопили все трое и одновременно показали на спокойно ужинающего дреу пальцами.

— Именем короля! — рывкнул капитан, краснолицый и тоже растолстевший слегка на казенном пайке.

— Именем его, — подтвердил Р'Энкор и поднялся со стула, демонстрируя поблескивающий золотом медальон: — чего застыл, сучий потрох? Память короткая? Забыл, как надо кланяться королевскому придворному вельможе?

Капитан, пытаясь совладать с выпученными от удивления глазами, немедленно согнулся в поклоне, бормоча слова почтительного извинения, и попытался, не разгибаясь, задом выйти туда же, откуда пришел, вытолкав собственной филейной частью весь свой отряд. Его шок Р'Энктору вполне понятен: пылая праведным гневом, он спешил разобраться с бесчинствующим в самом сердце Талсидонии и вверенного ему участка проклятым дреу, а напоролся на королевского придворного, и теперь в его узколобой черепашке мечутся обычный страх перед властью имущим и полное непонимание того, как подземный эльф заполучил королевский медальон.

Следом за капитаном попятились и горожане, моментально растерявшие весь свой гнев, но не тут-то было.

— Не так быстро, жирдяй, — остановил капитана Р'Энкор, — вот эти три ублюдка оскорбили королевского придворного, а тот, что с седыми усами, еще и угрожал расправой и убийством. Если ты помимо этикета и законы забыл — напоминаю, этим двоим по пятьдесят плетей, а этому — пятьдесят за оскорбление и еще полтора за угрозу. Приступай немедленно. Да-да, прямо тут. Вон в том углу.

Тут старший, осознав, что наказания может и не пережить, бухнулся на колени.

— Смилуйтесь, пресветлый господин! — запричитал он. — Нергал меня за язык дернул светлости вашей грубить! Простите великодушно старого глупого дурака!

Р'Энкор ухмыльнулся.

— Закон предусматривает за угрозу в адрес чиновника, вельможи или дворянина, помимо плетей, цитирую, «отрезание того, чем угроза была высказана, и того, чем она может быть осуществлена», то есть языка и рук. А я только плетей потребовал — видишь, какой я милостивый? — Он сунул вилку в салатницу, наколот несколько тонких кружков маринованных овощей и кивнул капитану: — начинай.

Самым забавным во всем этом была пытка, причиняемая именно капитану. Туповатый, как все люди, бесхитростный до остекленения — он совершенно не владел своим лицом, и по нему Р'Энкор с легкостью читал все то, что происходило в человеческой душонке. Люди не только чувствительны к страданиям и гибели себе подобных, но и обладают определенной

приверженностью своему сообществу, по признаку королевства либо отдельно взятого города, при этом испытывая противоположные чувства к чужакам.

Вот и этот капитан — а их Р'Энкор перевидал немало — в другой ситуации охотно исполняющий приказы вельмож и не упускающий возможности показать окружающим, насколько он, капитан стражи, выше остальной черни, теперь попал в крайне досадное положение. Он вынужден исполнять приказы чужака, причем одного из самых ненавидимых, подземного эльфа, и никакой медальон не заставит его признать серолицего друу своим. И по воле чужака — истязать своих земляков, тех, которые бросились к нему за помощью и которые внезапно нашли в его лице не защитника, но палача. Капитан бы рад был сделать с чужаком то, чем грозились эти трое людишек — но сейчас должен наказывать их именно за это.

Стражники быстро освободили немного места в углу, положили первого из провинившихся на стол спиной кверху, сняв с него одежду, и принялись охаживать с двух сторон плетями. Человечек только охал.

Р'Энкор, не забывая считать в уме удары, взялся за кубок с вином, перед этим надев на палец перстень с секретным глифом и, незаметно коснувшись им металла сосуда, шепотом произнес заклинание. Глиф не отреагировал, пить можно. Он, конечно, и не ожидал, что его попытаются отравить, но осторожность давно стала второй натурой. Отхлебнул немного, поболтал вино во рту. Неплохое. Конечно, во дворце даже слуги пьют напитки получше, но Р'Энкор слишком хорошо помнит те относительно счастливые времена, когда им с отцом и дрянное вино было роскошью, потому как многие люди вообще отказывались продавать им что-либо.

Сейчас... сейчас ему по карману вина, что некоторые короли себе только по праздникам могут позволить... Вот только отца, увы, уже нет.

— Не отлынивать, собаки! — с неожиданной даже для себя злобой прикрикнул он на стражников, — пятьдесят ударов плетью, а не поглаживаний! Или мне показать вам, как надо бить?!

От этого вскрика младшая из служанок мелко вздрогнула. Все трое — хозяин, его жена и дочь — стоят сбоку у своего прилавка, одновременно боясь и лишней попасть на глаза страшному гостю, и, не приведи Ариант, или кому там они поклоняются, не услышать своевременно очередное повеление.

Р'Энкор отправил в рот маленький, на один раз укусить, пирожок со сладкой начинкой внутри, прожевал, проглотил и адресовал слугам подчеркнуто наигранную улыбку.

— Хорошие пирожки.

Тем временем стражники отсчитали пятьдесят плетей первому и положили на стол второго. Капитан стоит у стены, багровый. Должно быть, испытывает то непонятное чувство, что люди зовут стыдом и которое, если верить им, вроде бы причиняет нетелесные страдания. Такова мрачная ирония судьбы, небес, богов или кто там этим распоряжается: он, Р'Энкор, был готов учиться у людей жить, как они, и согласись людишки — сейчас он знал бы, что такое этот самый стыд. Но из-за ненависти людской он лишился отца и при этом не обременен ни стыдом, ни совестью, которые могли бы хоть как-то защитить людишек от его мести.

Второй оказался менее стоек к боли, и если бы стражники били более размеренно — из криков и стонов получился бы неплохой аккомпанемент к ужину. Невольные палачи, тяготясь своей обязанностью, старались закончить все побыстрее, отчего сила ударов их

непроизвольно росла.

Р'Энкор успел доесть мясо и салат и вплотную занялся закусками, прихлебывая из бокала, когда очередь дошла и до старшего.

— Ваша светлость, пощадите, — снова заскулил он, когда стражники принялись стаскивать с него сюртук, — я не переживу двести плетей! Старый я, сердце не выдержит!

Эльф повернул к нему лицо и чуть наклонился вперед.

— А где ты тут светлость заприметил? Я — поганый, проклятый дроу, гнусная подземная тварь. Видишь на щеке отметку от камня? Человек, который оставил мне это, совершенно не заботился о том, переживу ли я избиение камнями, так что и твоя жизнь меня не заботит. Всего этого могло бы и не быть, если б ты, увидев меня, продолжал молча есть свою еду, глядя в свою тарелку, ну а теперь будет тебе урок. Ну или всем, кроме тебя, если сам околешь.

Старик, видимо, потерял сознание где-то на сорока ударах, потому что перестал вскрикивать. Палачи продолжают свою работу, стараясь не глядеть ни на истязаемого, ни друг на друга, капитан в немом отчаянии смотрит в пол, на носки своих сапог, остальные стражники тоже явно не в своей тарелке.

Когда Р'Энкор досчитал до ста восьми, снаружи послышался неразборчивый шум, состоящий в основном из голосов многих людей.

— А ну тихо! — велел эльф, прислушался и спросил у капитана: — что там происходит?

Тот, радуясь прекращению экзекуции, немедленно толкнул ближайшего подчиненного:

— Проверь, что снаружи творится!

Тот открыл дверь, выглянул — и сразу же обернулся:

— Пожар, господин капитан!

Р'Энкор, оставив на столе недоеденный ужин, вышел из харчевни и увидел, что в соседнем квартале ярко пылает дом, в густых сумерках отбрасывая вокруг оранжевые блики. По улице бежали люди, кто с лопатой, кто с ведром, слышался типичный шум и гам, непременно возникающий там, где большая толпа людей пытается сообща делать важное и срочное дело, но не может нормально организовать из-за отсутствия иерархии, лидеров, да и просто из-за своей тупости.

За Р'Энкором следом выглянули капитан, пара стражников и хозяин.

— Это «Три кружки» горят, — сказал владелец харчевни, — боги, помогите толстому Линцу...

Эльф, притворно сокрушаясь, покачал головой:

— Ай-ай-ай, какое горе! Толстый Линц — такой, с черными усами и приплюснутым носом?

— Да, ваша светлость, это он...

— А я его запомнил, потому что две недели назад я туда зашел, спросил приличной еды — так этот Линц на меня с руганью и проклятиями набросился, — ухмыльнулся Р'Энкор. — Как там в «Наставлениях Арианта» говорится? Не сделай зла другому, ибо к тебе же оно и вернется. А я просто покушать хотел... И вот «Три кружки» горят тепло и ярко. Ах, какое, хе-хе-хе, несчастье!

Эльф повернулся к капитану. Тот, переминаясь с ноги на ногу, смотрел то в землю, то на пожар, то на него.

— Чего стоишь и мнешься, капитан? Беги, помогай тушить. И тех троих доходят забери. — Он повернулся к хозяину харчевни и помахал рукой: — а мясо очень даже ничего.

Я еще зайду как-нибудь.

Сдобрив слова нарочитой улыбкой, Р'Энкор двинулся по улице прочь от пожара. Свернул в темную улицу, прошел парой переулков и вышел на берег речушки, где не так давно устроил людишкам купание.

Знакомый силуэт он заметил на условленном месте сразу. Давешний грабитель сейчас наверняка занят лишь двумя мыслями: подсчетами, как потратить двадцать ойранов, и страхом того, что наниматель не придет. О тех, которые, может быть, заживо сгорели в «Трех кружках», скорей всего, и не вспоминает: чувствительность к гибели себе подобных свойственна не всем людям, и это очень сильно упрощает Р'Энктору жизнь.

— Ты хорошо справился с работой, — сказал он, подходя ближе, — красиво горело.

— Да, господин, я большой мастер таких работ, говорил же, что не подведу! — заявил грабитель вроде бы с апломбом, но Р'Энкор легко разобрал в его голосе страх и нервозность.

— Твое счастье, что это действительно так. — Он достал из кармана мешочек с золотом и бросил поджигателю: — как и договаривались.

Дрянной человек, ощутив в руках вес мешочка и чувствуя характерный шорох, с которым золотые монетки трутся друг о дружку, принялся кланяться и благодарить, но Р'Энкор его прервал на полуслове.

— Заткнись и исчезни. И навсегда забудь, что встречался со мной. Пошел вон!

Грабитель повернулся и, прижимая к груди свое сокровище, поспешно направился прочь.

Метательные ножи летают без свиста, характерного для стрел и болтов, потому он так и не успел ничего понять, когда стальное лезвие, брошенное рукой дроу, вошло ему в затылок.

* * *

Праведные труды во благо Талсидонии Кархад начал с поиска доверенных людей. Предстоит ему борьба со всяческим нечистоплотным, нечестным сбродом, и в таком деле на первом месте стоят помощники, которым можно доверять. Где их взять, он знал заранее: по-настоящему можно положиться на того, кто стоял с тобой в одном строю в безнадежной битве. Как говаривал не раз отец, люди, готовые отдать свою жизнь, зачастую не согласятся продать свою честь.

Однако тут возникли определенные трудности, потому как из всех бойцов третьего эскадрона, выживших в сражении у Ваарды, в столице осталось только четверо. Остальные пока что разъехались по домам, кто на побывку, некоторые, оставив службу из-за ранений, навсегда. А из тех четверых для дела, которое король поручил Кархаду, кое-как подходят только двое. Двое других парни, безусловно, порядочные и достойные, но умом не блещут и неграмотные в придачу. На роль стражников и охранников сгодятся, однако же кому-то надо нечистоплотных чиновников на чистую воду выводить. А для этого нужны люди умные, проницательные.

Двое других — вполне сообразительны, особенно Риффус, сирота родом из Рэна, поначалу они обеспечат Кархаду сильное подспорье, но надо бы и других разыскать. Алькус Трой, тоже из Рэна, будет очень полезен: умен и немного образован в придачу. Кархаду он при расставании сообщил, что устроится в родном городе чиновником, так как из-за ранений служить в кавалерии уже не может... Алькус наверняка будет не прочь сделать

карьеру при короле, карая продажных судей, потому как в раннем отрочестве его семья от нечестного суда пострадала, и теперь у него появляется дополнительный, личный мотив.

В целом, Кархад решил позвать себе на помощь четверых человек из тех, кто покинул столицу, чтоб с запасом, ежели кто откажется. Понадобятся, кроме светлых голов, еще и сильные руки — и других позовет. Поначалу им будет очень туго по неопытности, но это дело наживное. Главное же — за любого из них Кархад может поручиться, что это люди слова и чести.

Он пошел в канцелярию, располагающуюся в боковом крыле дворца, и первым делом затребовал королевскую грамоту, дарующую надлежащие полномочия. Грамоту оформили быстро и отнесли на подпись королю. Затем Кархад надиктовал писцу четыре письма и велел отправить адресатам, затем разослал слугами записки по столице, собирая товарищей по оружию из тех, кто остался, а сам пока отправился в храм Сияющей Дэнэбриэль.

Сия святая госпожа особым почитанием в Талсидонии не пользовалась, так как поклонялись ей, в основном, эльфы и жрецами становились они же, главным образом потому, что испытание начинающего священнослужителя Дэнэбриэль люди зачастую проваливали. Однако ее бесценный дар — кристаллы правды — люди оценили по достоинству, так что в храм ее частенько захаживали весьма высокие персоны.

Кархад прошел по эльфийскому кварталу, оставив коня в стойле, посматривая по сторонам. Ничего необычного, квартал как квартал, только домики посолидней да покрасивее: эльфы живут дольше, чем люди, и мыслят категориями не десятилетий, а веков, потому жилища свои строят основательней. И оград между домами нету, благодаря чему садики сливаются друг с другом, а дома их владельцев утопают в зелени, кажется, будто эльфы, придя в города людей, принесли с собой и кусочек родного леса. А поскольку длинноухие не любят коней и собак и не пропускают в свой квартал ни тех, ни других, сходство с парком только усиливается.

Храм располагался в середине квартала — непритязательное небольшое строение. Кархад, войдя внутрь, поклонился в сторону алтаря и принялся искать глазами жрецов, но не тут-то было. Из молящихся — всего одна пара средних, по меркам эльфов, лет, и больше никого.

Пришлось обождать добрый час. Периодически в храм входили новые посетители, все сплошь эльфы, и от одного из них Кархад узнал, что жрецы могут вообще не появиться в этот день, поскольку никаких служений не предвидится, а всем остальным молящимся посредничество жрецов ни к чему.

— А что тебе от них нужно? — спросил эльф.

— Кристалл правды, — ответил рыцарь.

— Тогда тебе лучше наведаться домой к Ивиалю, это старший из жрецов.

Эльф подробно объяснил, как найти нужный дом и предупредил, что стучать в дверь нужно молча. Почему так, Кархад спрашивать не стал: молча так молча.

Вскоре он уже уходил из эльфийского квартала, обеднев почти на сто ойранов, но с вожделенным кристаллом в кармане. Удовольствие это дорогое, оно и не удивительно, ведь процесс создания кристалла — непрерывный ритуал, длящийся четыре дня и три ночи, в котором принимают участие четверо сменяющих друг друга жрецов. Ушастые, может быть, продавали бы эти кристаллы еще дороже, но, к счастью для покупателей, какой-то из их священных текстов прямо запрещал требовать за них больше, чем цену хорошего коня, а жрец, нарушивший этот запрет, если верить байкам, мог запросто лишиться благоволения

своей божественной госпожи. А как на самом деле — никто толком не знает, потому как эльфы вообще народ довольно дисциплинированный, и нарушать запреты, хоть своих старейшин, хоть своих богов, им не свойственно.

Кархад сунул руку в карман, сжал кристалл и ощутил знакомое покалывание. Сотня золотых, на самом деле, совсем малая цена за божественную милость немедленно распознавать любую ложь, а в том деле, которое Кархаду предстоит, эта способность дороже всякого золота.

К обеду явились слуги: записки вручить не удалось, в виду того, что нужные люди просто поразъехались кто куда: двое умудрились жениться практически одновременно и теперь веселились вовсю, третий уехал на побывку незнамо куда.

В итоге из четверых под рукой оказался только Риффус: он явился незамедлительно и заверил Кархада, что под его началом согласен на любую службу. Так что лиха беда начало, а один надежный человек уже есть.

Начать он решил с малого. Пошел вместе с Риффусом в городскую ратушу, в канцелярию, предъявил грамоту и запросил все жалобы, поступившие от горожан на чиновников и судей. Правда, писарь оказался не особо смышленным малым и выдал ему все, что накопилось за последние дни.

Кархад и его помощник просмотрели все жалобы и отобрали оттуда те, которые попадали в их круг обязанностей. Таких оказалось только две, обе адресовались королю с просьбой о заступничестве. В первой, хорошо и грамотно написанной, речь шла о несправедливом суде, и новоиспеченные слуги справедливости, попытавшись разобраться, осознали, что без помощи знающего стряпчего, на одной лишь жажде правосудия, им дело не решить.

— Вообще-то, мы можем просто поглядеть, как судья этот живет, — заметил Кархад, — и ежели в роскоши большой — значит, на руку нечист...

Риффус покачал головой.

— Судьям жалованье платят хорошее, чтоб жили, ни в чем не нуждаясь, но не в роскоши, однако это еще ничего не докажет. У судей, помимо жалованья, есть немало способов заработать. Положим, в моих краях до сих пор есть обычай дарить судьям подарки, и это может быть и праздничный пирог, и мешок яблок, скажем, и судьи то, что им не нужно, зачастую просто продают...

Кархад задумчиво забарабанил пальцами по столешнице.

— Обычай нехороший, — сказал он, — это ж практически узаконенное взяточничество...

— Нет-нет, — возразил Риффус, — это совсем другое. Подарки дарятся после судебного разбирательства, а нередко — и вообще без оногo. У нас так, если кто, к примеру, поле собрал, праздник урожая отгулял, а судью не почтил подарком — значит, не уважает. Обычай у нас такие, что судьям не должно иметь своего поля или ремесленничества, а народ должен чтить их за беспристрастность и честность, так было задолго до того, как им стали из казны платить жалование. И продавать лишки — невозбранно. Чем достойнее судья — тем богаче он живет. В моем городишке судья уездный еще десять лет назад заседал в кресле, обтянутом кожей другого судьи, мздоимца. Кресло было уже старое очень, в нем многие судьи сидели... А вот тут какие обычаи — не ведаю я. Но роскошная жизнь еще не доказывает, что судья судил криво, а скромность — что справедливо.

Кархад рассудил, что для проверки жалоб на справедливость суда следует самому быть

судьей и в законах толк знать, а потому, не имея среди своих людей помощника, хорошо понимающего дела судейские, браться не пока не стоит. Да и вообще, король поручил ему не решения судей перепроверять, а разбираться с чиновниками, живущими не по закону и совести, что не совсем одно и то же. Просмотрев всего одну жалобу, Кархад наглядно понял, как много ему предстоит еще сделать, чтобы надлежащим образом выполнять королевское задание.

Зато вторая жалоба была гораздо более многообещающей, на произвол и беззаконие со стороны королевского вельможи, который по своей прихоти велел страже чуть ли не до смерти засечь троих верноподданных. Продравшись сквозь полуграмотный, скверно написанный текст, Кархад обнаружил, что объект жалобы — дроу, темный подземный эльф.

— Вот те раз, — сказал рыцарь вполголоса и повернулся к писарю: — вот эту жалобу я забираю на свое рассмотрение.

— Хм... Так выходит, правду говорят, что король пожаловал дворянство и привилегии темному эльфу? — спросил Риффус.

— Дворянство — нет, статус придворного — да, — ответил Кархад, — причем в моем присутствии.

А про себя подумал, что попал в крайне неудобное положение, однако спускать произвол с рук Р'Энкору не будет. Освободив Риффуса и велел ему приходиться завтра с утра пораньше, он двинулся к ближайшему караульному посту. Там он отыскал ответственного офицера и выяснил, кто отвечает за нужный район и где его найти.

— Капитан Финтус вчера был во главе патруля, — ответил офицер, — а ныне он снова там же, мне думается, понеже вчера одна таверна у нас сгорела. «Три кружки» называлась. Как начался пожар — посетители и слуги успели выскочить, а хозяин ходил в подвал за вином в тот момент, и его больше не видели. Так что Финтус должен там быть.

Кархад быстро отыскал «Три кружки», точнее, пепелище, которое осталось на этом месте. Краснолицый толстяк с эполетами капитана действительно руководил осмотром и разбором пожарища.

— Капитан Финтус? — без околичностей спросил, спешившись, Кархад.

— Так точно, ваша светлость, — отозвался тот.

Рыцарь предъявил грамоту:

— Имеется жалоба на произвол некоего дроу с медальоном королевского вельможи. Было такое?

Капитан скорчил кислую мину и сказал с изрядной долей иронии:

— Никак нет. Произвола не было, было законное наказание за дерзкие речи в адрес высокого господина...

Теперь уже Кархад недовольно скривился.

— Тогда рассказывай, как все происходило.

— А что рассказывать-то. Сижу на посту. Прибегают трое горожан, одного из которых я знаю в лицо. Приличный человек. Говорят — тварь подземная приперлась в харчевню, да ведет себя нахально и грубо, чернокнижным колдовством грозит. Пришел я, значит, с патрулем, дабы разобраться — а это, оказывается, высокий господин, королевской милостью благословенный. И господин этот потребовал дать плетей — двоим за оскорбление, третьему за угрозы королевскому вельможе. Пришлось выполнять.

— И ты поверил? А если бы медальон поддельный был?

— А чего ж не поверить? Весь город судачит, что при дворце появился темный эльф,

другой вопрос, что это сродни байке было.

— А что за угрозы-то?

— Не ведаю, потому как не присутствовал я.

Кархад понимающе прищурился.

— Значит, ты не присутствовал при нанесении оскорблений и угроз, но принял слова дроу за чистую монету?

Капитан пожал плечами:

— «Всемудрый уклад талсидонский», раздел семь, абзац двести шесть. Слово дворянина либо приравненного к оным есть доказательство, при отсутствии доказательства лживости слова дворянина сего. А я простолюдин, и не по чину мне в слове вельможи королевского усомниться.

— Зато мне по чину, — сказал рыцарь, — так что если у тебя есть какие-то подозрения — выкладывай.

Финтус тяжело вздохнул.

— Сдается мне, давешний высокий господин откровенно развлекался, — сказал он. — Расправу велел устроить при нем же и преспокойно вкушал яства при этом. Вы, ваша светлость, хозяина расспросите, он-то все видел.

— А сам ты отчего не расспросил?

— Так пожар начался аккурат. Тут уж не до расспросов было.

Кархад чуть помолчал.

— Больше сказать ничего не имеешь?

Теперь уже чуть помолчал капитан.

— Сдается мне, ваша светлость, к пожару оный дроу причастен. Как только снаружи послышался шум, он велел прекратить экзекуцию и разузнать, что там дальше. Может, оно и к лучшему, не то третьего бедолагу засекали бы. А как стало ясно, что пожар — он бросил свой стол обеденный и выбежал смотреть. И с улыбкой поганю обронил, что хозяин «Трех кружек» чуть ранее его обидел, но, думать надобно, тогда привилегий высоких дроу сей не имел...

— Ну понятно. Ладно, капитан, служба ждет, тебя твоя, меня — моя.

Он, следуя совету, отыскал по соседству нужную харчевню и обстоятельно расспросил хозяина о произошедшем, затем отправился во дворец.

По пути Кархад прикинул, что и как. Мстительный дроу, и так ненавидящий людей, вполне мог отомстить, устроив поджог. И выбор харчевни для своей очередной эскапады может быть не случаен, а специально по соседству. Надо найти серолицего гада и допросить.

Р'Энкор отыскался довольно быстро: слуги сообщили, что в это время он дает уроки владения кинжалом ее высочеству. Кархад, конечно же, был не в восторге от такого решения, благородной леди королевских кровей в компании такого мерзавца делать нечего, но воля короля есть воля короля.

Он подождал перед покоями Мирданы, в компании учителя риторики, около получаса. Затем появился камердинер, пригласил риторика и, узнав Кархада, почтительно осведомился, что доложить ее высочеству.

— Ничего, я сюда пришел вот за ним, — сказал рыцарь, завидев появившегося Р'Энкора.

— Ба, какие почтенные люди, — сразу же воскликнул гребаный дроу, — красноречивых дел мастер и с ним — мастер клеветнических.

Камердинер и учитель красноречия немедленно спрятались в покоях своей госпожи от

всяческих неприятностей подальше, и Кархад остался с Р'Энкором один на один, не считая пары безмолвных стражников.

— Чем могу служить? — преспокойно спросил дроу.

— Разговор есть, — с каменным лицом ответил рыцарь.

Они вышли в безлюдный коридор, и Кархад сразу же перешел к делу.

— Что за происки ты творил вчера, окаянный?! Уже весь город судачит, что король пожаловал привилегии подземному эльфу!

— Вот и замечательно, — серьезно ответил тот, — этого я и добивался.

— Да ты издеваешься! Стоило тебе получить какие-то права, как ты сразу же пустился ими злоупотреблять?! Людям не нравится уже сам факт, что король тебя при дворце пригрел, а ты словно нарочно пытаешься вызвать кривотолки!

Дроу снисходительно хмыкнул.

— Не злоупотреблять, а употреблять по назначению. Я всего лишь пытаюсь донести до горожан, что дроу, который может встретиться им на улице — королевский придворный, и чем скорее они это поймут — тем лучше. Вот гляди, я вчера просто зашел покушать — и немедленно подвергся нападкам со стороны других посетителей. Мне это совсем не нравится, и я пытаюсь пресечь подобные вещи, для чего мне и нужны привилегии. А статус, которым не пользуются — бесполезен.

Кархад засопел и сунул руку в карман с кристаллом.

— А что насчет таверны, которая сгорела? Твоих рук дело?

Р'Энкор ухмыльнулся чуть шире:

— Вижу, сэр рыцарь, ты уже купил кристалл? Замечательно. Нет, это не моих рук дело.

Кархад разжал ладонь — кристалл был цел. Он с досадой вздохнул и спрятал его в карман.

— Что ж ты тогда так ухмылялся, что все подумали, будто твоих?

— Как же мне не радоваться? Горит человечья таверна — и радостно на душе. Горит именно та, где не так давно оскорбили меня — радостно вдвойне. И это... — дроу перешел на тихий шепот: — у меня... человек пропал.

— В каком смысле?

— Не появился. Есть у меня один... из отребья уличного. Следит за разными... подозрительными лицами, включая префекта Фирруса. А я ему плачу. Вот вчера после пожара я с ним встречался, он рассказал мне кое-что любопытное, хоть и не очень важное, а я ему обещанные деньги дал и... задание. И вот сегодня утром он не появился. Нам необходимо узнать, что с ним... Я опасаясь за него, у него при себе изрядная сумма была, целых двадцать ойранов. Раз ты взялся королевскую волю выполнять — значит, к страже можешь подойти, не вызывая подозрений. Я не могу, а ты — можешь. Заставь стражу разыскать его — Сингусом звать, вроде бы, если не солгал. Живет где-то в том же районе, где я давеча обедал. И чем скорее ты это сделаешь, тем лучше.

Кархад поборол раздражение. Это унижительно — быть на побегушках у какого-то дроу, но Р'Энкор — мастер по части интриг и заговоров, потому придется его слушать. Цель-то у них одна.

Главный трофей Кхейл и Норлаш заполучили, как и планировалось. Запечатанная восемью печатями и тремя замками железная дверь в подземную библиотеку выдержала ровно два удара громадного кулака, открыв доступ к тайным знаниям и секретам на третий.

Но Норлаша и Кхейла интересовал один-единственный гримуар. Все, что знал о нем чернокнижник — что книга переплетена в черную кожу и металл и никак не подписана, потому что могущественный колдун и черный маг писал ее для себя и своего ученика. Его безумные планы в жизнь не воплотились, но ученик его ученика доделает начатое, даже больше...

Ведь Норлашу не нужен этот мир, проклявший и отвергнувший его.

Отыскивая среди стеллажей нужную книгу, он мимоходом посмеивался над своим учеником. Малантус, захлебываясь слезами алчности и счастья, тащил с полок все подряд и уже сложил четыре стопки, вместе весившие побольше его самого. Разумеется, чернокнижник не осуждает нерадивца: он сам еще лет десять назад отдал бы многое почти за любую из здешних книг. Но тогда он искал знаний и могущества, и очень многое с тех пор изменилось. Могущество ни к чему, ведь Кхейл достаточно могуч для задуманного, а знания... Они оба — демон и его помощник — нуждаются лишь в одном-единственном секрете.

— Вот! Должно быть, оно!

Щелкнул замками, раскрыл, перевернул пожелтевшие страницы и понял: да, вот эта книга.

Он держал в своих руках секрет могущества сферы эльфийских королей — и прилагающуюся к нему власть над судьбой мира.

— Это точно оно? — спросил демон.

— Абсолютно.

— Уходим.

Собранные Малантусом книги пришлось бросить, слишком уж много их оказалось, но несколько томиков чернокнижник все же прихватил: власть и могущество уже не имеют значения, потому что дни этого мира сочтены, однако до этого отрадного момента еще пройдет некоторое время, которое надо бы чем-то занять. Норлаш больше не желает могущества, но всегда любил знания ради знаний, и до того момента, когда тьма навеки ляжет на землю, надо бы себя как-то развлечь.

Наверху они провели предварительное исследование гримуара.

— Теперь ты знаешь, как пробудить полную силу Сферы? — спросил Кхейл.

Норлаш кивнул и постучал пальцем по странице:

— Да. Все это — обычная для эльфов вербальная формула пробуждения. Честно говоря, мне сложно поверить, что все настолько просто, хотя с другой стороны — а зачем нужна какая-то иная? Но тут есть одна сложность есть... В общем, ритуал должен был проведен в ночь сопряжения четырех черных звезд...

— Ты имеешь в виду тусклые небесные сферы?

— Да, речь о них.

— Это не сложность, — хмыкнул Кхейл.

— Точно, — кивнул чернокнижник, — это всего лишь условие. Сложность же в том, что только кровь эльфийских королей может пробудить Сферу полностью. Нам потребуется, ха-ха-ха, принести в жертву эльфийского правителя!

— Значит, отправляемся в земли эльфов, — невозмутимо сказал демон.

К вечеру Кархад уже знал судьбу «человечка». Звали его при жизни, правда, не Сингусом, но остальные детали совпали. Рано утром, еще затемно, тело нашла стража, неподалеку от того места, где с ним встречался Р'Энкор.

Кархад потер подбородок и испытующе взглянул на капитана — другого, поскольку Финтус уже дежурство сдал.

— А как он умер?

— Умелый удар клинком в затылок, мой господин. Чисто и четко. Никаких следов борьбы, на лице покойника — ни оскала, ни страха, ни боли. Он даже не понял, как его убили, возможно, нож или кинжал метнули вдогонку.

— Почему его убили?

— Не могу знать, ваша светлость. Таких, как он, убивают в месяц по десятку. «Ворон ворону глаз не выклюет» — это не про разбойничью братию, а покойник — как раз из разбойников.

— А у него при себе что-нибудь было?

— Нож за халявой, пара медяков в кармане, мелочи разные.

— И все?

— Все, — кивнул капитан.

Кархад чуть призадумался. Человека, работавшего на Р'Энкора, убивают весьма мастерски, золото исчезает. Грабеж? Или борьба заговорщиков против Р'Энкора, который пытается их разоблачить? К тому же, вот прямо сейчас Кархад всерьез подозревает, что имеет возможность сделать кое-что из того, что ему поручено королем.

— Ну-ка, служивый, вызови тех стражников, которые нашли тело.

Дело слегка затянулось, потому как утренние патрули вечером уже давно разошлись по домам, однако троих искомых стражников по приказу капитана разыскали довольно быстро, и часа не прошло.

Как только они оказались перед ним, Кархад вначале расспросил их, где и как они нашли тело, а потом демонстративно достал из кармана кристалл и зажал в кулаке.

— А скажите, служивые, не было ли у убитого при себе суммы золота?

Все трое, и так слегка нервничавшие, внезапно резко замолчали, кто-то шумно сглотнул, старший из трех побледнел.

— Я ответа жду. На всякий случай предупреждаю, что кристалл стоит сотню ойранов, и спаси вас Ариант, если кто-то из вас мне его расколлет.

Вся троица, не стовариваясь, бухнулась ему в ноги, умоляя простить, не губить и пощадить — Нергал попытал присвоить деньги.

Дерьмово, ох, дерьмово! Убийца не взял деньги, он даже не осматривал тело. Бросок кинжала, подойти, вынуть оружие из пробитой головы — и скрыться поскорее. Это был не грабеж, и Р'Энкор, видимо, опережает заговор не так сильно, как хотелось бы.

Кархад повернулся к капитану:

— Украденное золото изъять и доставить мне во дворец. А этих трех собак выпороть так, чтоб шкура слезла, и вышвырнуть из стражи. И так будет с каждым, кто про закон и присягу забудет!

Он вышел из караульного помещения, вскочил на коня и помчался во дворец.

Торубаэль застал старого князя вместе с дочерью.

— Простите меня за то, что отбираю у вас время, но... появилось кое-что. Когда я посещал святой город, мой древний наставник случайно или умышленно подсказал мне нечто, в равной степени очевидное и немислимое.

Князь, полулежа в плетеном из лозы и устланном ковром кресле, сделал знак приблизиться и сел на скамью, на которой сидела с каким-то свитком Келленсилль.

— Так поведай нам, — сказал он.

— Если совсем коротко — только лишь защищаясь, не выиграть ни поединок, ни войну. Ключ к победе — в том, чтобы атаковать на опережение. — Ни князь, ни Келленсилль ничего не возразили, и Торубаэль продолжил: — нам не обязательно каждый раз ждать, пока люди прольют нашу кровь, и мстить. Мы можем опередить их.

— Нельзя взыскать цену непролитой крови, — возразил князь, — и ты это знаешь.

— А я и не говорил ничего об этом. Ведь удар по противнику еще не подразумевает удара клинком, и если бить первым, бить еще до того, как враг выхватит свое оружие — можно сбить его с ног кулаком и закончить поединок, не пролив ничьей крови. Это очевидно, но лишь теперь, и только с подсказкой, я понял, что это применимо и к войне с людьми. Нам не обязательно ждать, пока люди кого-то убьют, мы можем просто сжечь их поля, и людишкам придется уйти, спасаясь от неминуемого голода. Нет никакой традиции, запрещающей сжигать поля людей, просто раньше это не приходило никому в голову.

— Вообще-то, — заметила Келленсилль, — мы и не будем сжигать поля людей. Люди сеют свои посевы на нашей земле, а что на ней выросло — то наше. Захотели — и сожгли. Действительно, мысль дикая, но... это сработает. Не может не сработать!

Получив поддержку в лице будущей княгини, Торубаэль возликовал. Подумать только, он, обычный каратель, просто воин и никто больше, придумал способ, который вернет Старшему народу былую силу, или хотя бы остановит вымирание. Ну, не совсем сам придумал, конечно, но все же.

А Келленсилль тем временем принялась развивать мысль.

— ...Действительно, простейший способ остановить взаимное кровопролитие — сделать окружающие земли непригодными для жизни людей. Крысы и мыши добровольно покидают места, где им нечего есть — так будет и с людьми. Стоит сжечь все поля вокруг — они уйдут. И другие не придут на их место, опасаясь, что незадолго до страды мы сожжем их посевы, и они окажутся перед лицом голода... и все. Когда между ними и нами будет достаточно незаселенной никем земли — мы сможем беспрепятственно, не встречаясь с ними, добывать металл в карьерах и рыбу в реках. Всего несколько сотен лет без потерь — и мы вернем себе численность, которая была у нас две тысячи лет назад. Постепенно расширяясь, мы будем отодвигать людские поселения все дальше и дальше, уничтожая их посевы, и таким образом возвращать себе наши исконные земли, постепенно увеличивая наше число, и...

Старый князь кашлянул.

— Увы, дочь моя, не все так просто. Главным образом потому, что люди — не мыши. У них есть разум и организация.

— И что с того, мой князь? — возразил Торубаэль, — люди уж лет пятьдесят как

перестали помогать своим. Последняя деревня, которую я сжег — за нее пришли мстить? Нет. В прошлом году я вырезал деревню на границе с Валинором — и что? Ничего. Людские короли предоставляют своих подданных самим себе, когда дело доходит до нашей мести. Один из королей, говорят, сказал — «После меня хоть конец света». Они весьма равнодушны к своим людям — и очень глупы.

Князь кивнул:

— Все верно, но это равнодушие работает на них и против нас. Касательно глупости, Торубаэль, ты можешь сплести гнездо?

Торубаэль удивленно поднял брови:

— Я же не птица!

— Вот-вот. Ты — представитель величайшего и мудрейшего народа, тебе триста лет, но в деле плетения гнезд тебя обставит любая пичужка, которая сама шесть месяцев как родительское гнездо покинула. Так уж устроен мир, что чем глупее существо — тем рациональнее оно поступает. Потому что из множества пичуг выживают и дают потомство те, которые лучше и выше плетут гнезда, а остальные либо гибнут, либо их гнездо будет разорено. И так с любыми живыми существами. Вот люди — как муравьи. Каждый отдельно — совершенно безмозглый, но все вместе они образуют весьма слаженное общество. Людские короли глупы и равнодушны, однако в этих чертах — их сила. Обычный король вынужден обирать своих подданных, дабы хорошо жить и иметь деньги на армию, которая нужна для защиты своего владения от других. А подданные бегут от королей своих подальше, чтобы сборщики налогов пореже захаживали. То есть — на земли, приграничные с нами. Людишки предельно глупы, будь они хоть немного умнее, они бы подумали: «постойте, ведь мы же злобны и агрессивны, нам часто бывает трудно оставить в покое эльфа, идущего навстречу по своим делам, это значит — не сейчас, так годы спустя кто-то из нас убьет эльфа и тогда всех нас — ну или наших потомков — перебьют, так давайте не пойдем на границу с эльфами?». Люди не способны смотреть в будущее, учитывать вероятности и возможности и видеть сквозь туман неопределенности. И потому они идут сюда, строят свои поселки — а дальше все как обычно. Они убивают нас, мы их. А короли не чешутся. Вырезали деревеньку — и ладно. Они ведь понимают, что война с нами — весьма губительна для них. Берегут свои силы на борьбу с другими королями, знают, что мы сами к ним войной не придем.

И в конечном итоге, мы получаем именно то, что сейчас имеем. Мы сторицей мстим за наших, но весы равновесия медленно склоняются в сторону людей. Люди глупы каждый сам по себе, но на уровне противостояния народов их способ действий — медленно, но неудержимо душить нас благодаря своей плодовитости — дает свои результаты, и мы с этим ничего не можем поделать.

— Не могли поделать, — поправила отца Келленсилль, — потому что вот этот способ — удержать людей на расстоянии — мне кажется действенным. Это может сработать.

Князь кивнул.

— Вопрос в том, каковы будут последствия. Текущее положение дел благоприятно для ленивых, жадных и равнодушных людских королей, мы вымираем, они процветают. Как только мы резко изменим ход событий — изменятся и люди. Давайте предположим, что мы сожгли все поля людей вокруг Вечного Леса. Потoki беженцев уходят прочь, спасаясь от голода — но «уходят» еще не значит «исчезают бесследно». Они приходят в центральные области своей страны и приносят с собой то, от чего сбежали. Голод. Потому что общее

количество полей уменьшилось, а число ртов — нет. Растет напряжение внутри общества людей, потому как общее равнодушие к себе подобным у людей начинает работать против них. Растет количество воров, убийц, грабителей...

— Разве проблемы людей — не нам во благо? — спросил Торубаэль.

— В том-то и дело, что нет. Ленивые и жадные людские короли разом обнаруживают, что их размеренная жизнь изменилась. Волнения в стране, разбойники, грабежи, снижение благосостояния народа — все это сказывается на их собственной казне. Кроме того, беженцы принесут с собой ненависть к нам и заразят ею даже тех людей, которые живут далеко и высшего эльфа не видали ни разу в жизни. Дальше... дальше королевства начнут слабеть, в своих проблемах они обвинят нас — и будут правы. Людям свойственно образовывать союзы друг против друга — а против нас объединиться им будет куда легче.

— Ничего не делать — тоже не вариант, — возразила Келленсилль.

— Я и не говорил, что надо продолжать ничего не делать, — ответил князь, — я лишь объясняю вам, что действовать надо осторожно и вдумчиво. Просто поджечь поля и думать, что это решит все проблемы — крайне неумно. Стоит нам предпринять любые решительные действия, как это вызовет такое же решительное противодействие со стороны людей. И если ленивые жадные короли окажутся не в состоянии что-то противопоставить нам — их сменят более способные и подходящие к обстоятельствам правители. Так что общая идея изгонять людей, сжигая поля, может быть вполне действенной, однако вам придется приложить немало сил, чтобы все было так, как хочется. Просто в качестве примера — можно сжигать поля деревень, принадлежащих одной конкретной стране. Например, Валинору. Все, о чем я говорил, начинает происходить там, Валинор слабеет и вскоре становится жертвой агрессии Зоданги. Когда это происходит, мы сжигаем поля подданных Зоданги, и проблемы начинаются уже там. При этом в Валиноре может иметь место освободительное движение, а сама Зоданга подвергнется нападению Кадории либо Талсидонии.

— ...И тогда мы устраиваем то же самое в Кадории?

— Нет. В Далмаде. Голодные люди — готовая основа любой армии, и чтобы решить свои проблемы, король Далмады нападет на Кадорию, которая уже воюет с Зодангой.

— Другими словами, мы просто стравливаем людишек между собой, — подхватила Келленсилль.

— Да, вроде того. Разумеется, все это очень рискованный путь... — старый князь призадумался и изрек: — но он может вывести нас из тупика, в котором мы сейчас находимся.

* * *

Мирдана слушала мудрые речи учителя философии, одновременно вращая в руке металлический стилус. Ловкость и сила пальцев играют важнейшую роль в искусстве владения стилетом, это Р'Энкор очень наглядно ей продемонстрировал. Его способ мгновенного извлечения кинжала из рукава при помощи в нужном месте пришитой пуговки и тонкой бечевки, пропущенной меж пальцев, восхитителен в своей простоте и эффективности, но вот беда, для этого нужна сила. Тонкие, изящные пальцы темного эльфа на деле — словно железные, выдергивают кинжал моментально, будто он сам в ладонь прыгает, а вот Мирдане пока не хватает силенки. Обидно знать, как делается эффектный

трюк, но не иметь достаточно сноровки для его осуществления.

Пока что успехи принцессы весьма скромны, но многообещающи: она уже наловчилась в долю секунды менять хват кинжала с прямого на обратный. Правда, пока наставник считает, что тренироваться с настоящим оружием ей рано, нужно больше сноровки, чтобы саму себя не поранить.

— У вас хорошо получается осваивать азы, — уверил ее Р'Энкор, — а любое оружейное искусство так задумано, что самые нужные умения и навыки — всегда самые простые в освоении. Короли и военачальники не могут тратить двадцать лет на тренировку своих солдат, потому воинов учат самым простым и эффективным навыкам, и этого им хватает, ведь воюют они с такими же. Вершины мастерства постигают только единицы, вроде меня, для которых владение оружием — все. А вам будет достаточно уверенного владения кинжалом, чтобы с легкостью убивать мужчин, намного более умелых в обращении с оружием.

— Из-за внезапности? А если враг будет начеку?

— Главный ваш козырь — не в быстром и внезапном ударе, хотя без этого тоже никуда. Вы — хрупкая леди, даже знай мерзавец, что вы вооружены — он не будет ожидать от вас сколь-нибудь значимого мастерства. Я сам — выдающийся мастер клинка, и потому как никто другой знаю, скольких сгубила недооценка противника.

И вот теперь Мирдана, занимаясь различными делами, при возможности тренирует пальцы, вертя в них первый попавшийся продолговатый предмет: чем быстрее она освоит кинжал — тем скорее у нее снова появится время на живопись. К тому же, некоторые трюки Р'Энкора принцессе так понравились, что она захотела непременно их освоить, просто ради того, чтобы уметь эффектно и непринужденно обращаться с ножом, пусть даже этот нож — столовый. А уж применение таланту найти можно всегда, пусть даже и не прямое.

«Оружие, господин посол — это то, чем в Талсидонии всяк владеет весьма похвально, так своему королю и передайте». И столовый нож в пальцах — круть-верть. И это «круть-верть» может оказаться действеннее, чем длинная тирада в лучших традициях прикладной риторики.

Во время занятий с кинжалом Мирдана постепенно прониклась к своему наставнику неподдельной симпатией. Или, может быть, сочувствием — эти два чувства иногда так сложно разделить. Чем больше она узнавала Р'Энкора, тем меньше верила сказкам о дроу. Злобные, алчные, испорченные скверной чудовища-душегубы? Другие — может быть. Но Р'Энкор, если хорошенько разобраться, вообще не дроу по натуре. В нем нет ничего такого, чего нельзя найти в людях. Злоба? Алчность? Да у людей это едва ли не расовые черты, так уместно ли ставить подобное в вину темным эльфам? Вот светлые эльфы или те же орки — их сложнее понять. Они другие.

Принцесса вспомнила свое знакомство с единственным виденным воочию орком, тем, который жил в Ланзендэлльском лесу. После того, как Амрисса прибежала с криком, что видела с башни «большого злого гоблина» на берегу, капитану стражи пришлось выяснять у эльфов, откуда этот орк там взялся, что, впрочем, оказалось сложнее, чем казалось: эльфы в замок практически не хаживали, пришлось отправить посыльного. Тот вскоре вернулся с настоящим советом не обращать на орка внимания или пенять на себя, и тогда Мирдана решила во всем разобраться сама.

Орк на поверку оказался вовсе не страшным. Огромный и потрепанный дальней дорогой, он весьма флегматично отреагировал на появление принцессы и ее свиты,

правильнее было бы даже сказать — равнодушно. Однако Мирдана легко наладила разговор, не последнюю роль тут сыграл и небольшой бочонок эля из подвала замка: орк на выпивку был не падох, но жест оценил. Он сносно общался на одном из трех наречий, на котором говорят в Зоданге, принцесса этим языком тоже владела.

Вскоре было более-менее ясно, что к чему. Мирдана слыхала раньше, что у орков нет смертной казни, вместо него — обычай изгонять сильно провинившихся, которые после этого считались «умершими». И эти лишённые имени изгой обычно бродили по свету в поисках своей настоящей гибели, нередко принося ее очень многим, прежде чем находили собственную. Именно они стали причиной появления расхожего выражения: «пропал, словно орк встретил».

История этого орка оказалась похожей. Он отказался говорить что-либо о причинах, но Мирдана между слов уловила верный ответ: изгнали. Бродя, куда глаза глядят, орк упорно искал врага, но повстречалась ему, на свою беду, только ватага разбойников. Вскоре изгой основательно заблудился в чужом краю и прибил к Ланзенделльскому лесу. Здесь он узнал от эльфов, что находится в Талсидонии, но, к его неописуемому неудовольствию, инцидент с вторгшимися в степи золотодобытчиками уже улажен.

— И тогда ты решил остаться тут жить?

Орк медленно покачал головой.

— Ждать. Не завтра, так послезавтра снова кто-то осквернит наши степи, выкапывая кровь солнца — и тогда снова будет война. И я уже тут как тут. Ну или пойду в сторону Зоданги — с ними всегда война.

Принцесса, украдкой глядя на двухпудовый топор, аккуратно прислоненный к дереву, мысленно пожалела тех несчастных, которые могут ему повстречаться на пути.

Гораздо труднее оказалось выяснить, почему эльфы, не пускающие в Ланзенделл чужаков, не возражают против присутствия орка: орк не очень хорошо улавливал, что есть «чужак». То ли преградой был языковой барьер, то ли причина пряталась где-то глубже, но объяснить орку верный смысл слова не удалось. Точнее, не удалось объяснить, почему человек, пришедший в орчью степь, чужак, а другой орк из соседнего племени — нет. Сам орк предпочел гипотетического человека назвать врагом, а сородича — просто орком.

— Ну почему сразу враг? — возмутилась принцесса. — Это мог бы быть, ну, скажем, посол человеческого короля к вождю орков. Или, допустим, посол эльфов...

— Посол людей должен ждать на границе до тех пор, пока не появится какой-нибудь орк, который согласится назвать его гостем. А эльф... с какой стати эльф припрется в нашу степь?

Принцесса не стала ставить вопрос «Ну ты же сам вот к эльфам пришел?», подозревая, что данный случай в чем-то исключителен, однако отметила, что орк разделил послов людей и эльфов, и решила прояснить для себя этот момент.

— Ну неважно, с какой стати, вот понадобилось эльфам срочно что-то передать твоему вождю. Или он тоже должен ждать на границе?

Орк чуть поразмыслил и задал встречный вопрос:

— А зачем ему ждать? Он же эльф.

Принцесса по ходу разговора однозначно определила, что орк вовсе не глуп, в его глубоко посаженных живых глазах затаилось понимание многих вещей, а манера вести беседу выдавала умение четко формулировать не самые простые мысли. И вместе с тем элементарные, вроде бы, вопросы вгоняли орка в ступор, а его ответы вгоняли в ступор уже

Мирдану. А чуть позже принцесса, вернувшись в столицу, попыталась прояснить для себя момент с послами и озадачила целительницу Тэнру, чей выдающийся живой ум был во дворце хорошо известен, однако и тут Мирдану ждал сюрприз.

Эльфийская чародейка была застигнута врасплох всего парой вопросов: почему эльфийский посол не должен ждать на границе, как человеческий, и почему эльфы, не пропуская ни единого человека без разрешения, не распространяют действие давнего договора на орков.

Тэнра, впрочем, ответ на второй вопрос нашла.

— Дело в том, что эльфы не считают орков чужаками, — сказала она.

— А кем тогда?

— Как это кем? Орки они и есть орки.

Разгадка неожиданно пришла от Р'Энкора, когда принцесса во время занятий поделилась с ним своим недоумением.

— Дело в том, ваше высочество, — сказал он, — что лесные эльфы значение исключительно человеческого слова «чужак» распространяют только на людей. Других эльфов, лесных или высших, из Эйтэлл Тайон, они воспринимают как своих сородичей, орков — просто как орков, нас, дроу — как врагов, а «чужак» в их понимании — это человек, не являющийся заведомо врагом. Что же до орков и эльфов — дело в том, что они никогда, испокон веков, друг с другом не воевали. Изначально мир был разделен на земли эльфов и степи орков, и ни одна сторона никогда не пыталась завоевать другую. Затем произошел раскол среди эльфов: высшие остались жить в своих великолепных городах, лесные ушли в лес к более простой жизни, а предки темных спустились под землю, став врагами и тем, и другим. А после этого из-за Западного океана пришли люди... Но как бы там ни было, ни высшие эльфы, ни лесные никогда не воевали с орками. Между ними только извечный спор о том, кто из них древнее. Однако и эльфы, и орки видят друг в друге лишь «другой народ» с «той стороны», им неизвестна взаимная вражда. Потому нет ничего удивительного в том, что эльф может путешествовать степью без разрешения, а орк — жить в лесу эльфов. Другой вопрос, что такое случается весьма нечасто.

Мысли принцессы снова вернулись к Р'Энкору. Вот орки и эльфы — они не такие, как люди. Другие характеры, мировоззрение, способы мышления, натуры. Если не считать сопоставимого долголетия да древности — оба народа очень сильно отличаются как друг от друга, так и от людей. А высшие эльфы, живущие в очень древнем заколдованном лесу — еще более непостижимы, чем лесные, может быть, потому что лесных Мирдана встречает каждый день, а высшего — никогда.

И в то же время хоть Р'Энкор и дроу, но его принцесса понимает очень хорошо. Ей понятны его жажда денег и желание спокойной жизни. Она догадывается, почему Р'Энкор не любит людей, и, в отличие от другого гипотетического подземного эльфа, не ведающего любви, знает, что такое скорбь по родному человеку. И тоска, которую принцесса постоянно видит в его глазах, ей тоже понятна.

Сколько бы загонщиков не разорвал в процессе травли загнанный зверь — ему самому от этого не легче. Р'Энкор убил слишком многих и теперь уже понимает, что это не выход.

Ее размышления были прерваны: явился сенешаль с презабавной новостью: прибыли кадорианские послы к ее высочеству свататься. По такому случаю занятия риторикой были окончены, и Мирдана принялась наряжаться при помощи служанок. Вскоре и фрейлины Айни и Лэтти появились.

На торжественном приеме отсутствовал сам король, а оба посла оказались всего лишь мелкими баронами. Который постарше, должным образом поприветствовав принцессу, сразу же за это извинился.

— Видите ли, ваше сиятельное высочество, честь быть принятым вами должна была принадлежать герцогу Тингену, мы всего лишь ничтожные помощники его, недостойные оказаться пред вами. Но случилась такая беда в Кадории, что у самой границы с Талсидонией настиг нас королевский гонец и передал новые приказания. И вот когда герцог доложил вашему великому отцу обе цели визита — отец ваш, да живет он вечно, распорядился заслушать герцога в первую очередь по... второму вопросу, но не распорядился отложить визит к вам. И вот так неловко вышло, что от имени короля Сингэна и его сына, принца Синтэна, говорит не герцог, а всего лишь недостойные мы...

— Да ладно, — беспечно махнула рукой Мирдана, — небось, у герцога действительно дело государственной важности.

Послы с поклоном поблагодарили за понимание, после чего старший принял из рук своего лакея запечатанный многими печатями свиток, взломал его, развернул, прокашлялся и хорошо поставленным голосом нараспев зачитал стихотворное послание, в котором король Кадории Сингэн просил прекрасную ясноликую Мирдану Талсидонскую стать супругой его младшему сыну, а принц Синтэн рассыпался в заверениях своего бесконечного счастья жениться на Мирдане, если такова будет воля ее и ее отца.

Закончив чтение, посол положил развернутый свиток на стол, дабы все желающие могли воочию убедиться в подлинности печатей и подписей. Сразу же после этого он хлопнул в ладоши, по этому сигналу вошли еще двое кадорианских слуг и внесли портрет принца Синтэна, а второй барон достал из кармана моток позолоченной бечевки.

— Сие есть рост его высочества Синтэна от пят до макушки, — пояснил он.

Мирдана придирчиво изучала портрет. Художник, вполне вероятно, мог приукрасить истинный облик принца, но в целом Синтэн на портрете был ничего так. Лицо худощавое, высокий лоб, прямой нос, вьющиеся кудри, глубоко посаженные глаза. И было в этом лице что-то неуловимо знакомое.

— Такое впечатление, что я уже видела то ли это лицо, то ли выражение лица, — вслух посетовала принцесса, — что-то очень знакомое, но вспомнить никак...

— Может, на своего отца похож? — предположила Айни.

— Так и есть, — с поклоном заверил посол, — младший принц похож на его венценосного отца даже больше, чем старший.

— Дело в том, что короля Сингэна я тоже никогда в жизни не видела, даже на портрете, — ответила Мирдана, — но... вот это выражение лица, этот хитрый прищур... Вспомнила! Будь Великий Злодей принцем Кадории — должно быть, именно так он бы и выглядел...

Тут она осознала, что сказала совершенно лишнее, но было поздно: слово вылетело — не воротишь. А послу, как назло, не хватило такта промолчать.

— Простите меня великодушно, а кто этот великий злодей, о котором ваше высочество речь ведет?

— О, это мой давний друг детства, он был очень-очень хитрый, и я в шутку прозвала его Великим Злодеем, — попыталась выкрутиться Мирдана, и этой ей почти удалось.

— Вот как? — учтиво осведомился посол. — Было бы в высшей степени небезынтересным познакомиться с ним...

И когда казалось, что пронесло, бесхитростная и простодушная Лэтти не удержалась.

— Это, увы, невозможно, господин посол. Помер бедняжка давно... Крысы дольше трех лет не живут.

* * *

План действий Норлаш и Кхейл выработали по пути.

— Главное, что тебе стоит знать, о великий, — сказал на военном совете чернокнижник, — так это про Сень Леса. Так сами эльфы называют магический барьер, накрывающий Вечный Лес. Не совсем понятны его принципы работы, однако эффект весьма губителен для магов-чужаков: они попросту теряют способность читать заклинания. Я однажды любопытства ради испытал его на себе... в голове каша и сумбур, даже самые излюбленные заклинания не то что прочитать нельзя — я их и вспомнить не мог. На других смертных, не магов, действует намного слабее, но тоже действует. Собственно, этот барьер — единственная причина, почему высшие эльфы все еще держатся: против них под Сенью Леса воевать совершенно невозможно, любая вторгшаяся армия, даже сохранив боеспособность, будет лишена поддержки боевых магов, а высшие эльфы — в той или иной степени маги почти все, и любой их воин знает минимум пару-тройку магических трюков.

— На них самих магия барьера не действует? — спросил Кхейл.

— На этот счет нет единого мнения. Либо не действует, либо они, рождаясь и всю жизнь проводя в пределах Вечного Леса, устойчивы. К слову, еще я должен упомянуть про Стражей. Это эльфы-воины, которые рождаются и всю жизнь проводят поблизости от Сферы Королей, в создаваемом ею Источнике. Они приобретают дополнительные особенности, в частности, довольно устойчивы к магии и даже способны касанием помешать магу творить чары. Они выделяются золотисто-янтарными глазами, вот как у тебя, о великий.

— Что такое Источник?

Норлаш открыл было рот, чтобы ответить — да так с открытым ртом и застыл. Демон спрашивает, что такое Источник? Он... не знает?!!

Чернокнижнику понадобилось несколько секунд, чтобы справиться с оторопью.

— Это... Это место, полное сырой магии. Великий, как ты можешь не знать этого?

Демон не ответил, вместо этого задал очередной вопрос, вгоняя Норлаша в еще больший ступор:

— Сырая магия — это как?

Он кое-как справился с собственным шоком и принялся объяснять, но Кхейл прервал объяснение на середине.

— Так значит, «источник» — это место, в котором могут колдовать все, а за его пределами — только те, у кого есть собственный источник внутри себя? — спросил он.

Чернокнижник пару раз прокрутил фразу в голове.

— Ну, это очень грубая и неточная формулировка, однако в целом верная.

— Это все, что мне надо знать?

— Ну почти. Я только хочу уточнить, что к эльфам, должно быть, ваш брат в гости приходит регулярно, и потому они наверняка умеют против вас бороться. Да и вообще, высшие эльфы — противники несоизмеримо более грозные, нежели людишки, которых ты, о

великий, с такой легкостью крошил.

Кхейл скрестил могучие руки на груди, обдумывая что-то, затем спросил:

— Так значит, демоны в этом мире не появляются где хотят, а только в местах вроде Источников?

— Совершенно верно, и меня удивляет, что ты сам этого не знал.

— А откуда мне было знать, если я никогда раньше тут не был? — задал риторический вопрос демон.

— Хм... Я думал, ты всезнающ... Ну, ошибался, с кем не бывает. Но вернемся к плану. Мой ученик по пути прознал от местных, что не так давно вокруг Вечного Леса слышали великие трубы. Эльфы дуют в них только чтобы возвестить о своеобразном турнире магов и о церемонии, когда правитель жертвует свою душу Сфере, усиливая ее, и передает власть наследнику. Точнее, наоборот: вначале передает власть, потом жертвует душу. Значит, нам надо дожидаться второго сигнала: первый — это турнир, который всегда предшествует церемонии. Он уже состоялся, наследник выбран. Второй сигнал возвестит о начале церемонии, и это будет наилучший момент для атаки, потому что и правитель эльфов, и артефакт будут находиться в одном месте в одно время. Надо только быть поблизости и дожидаться.

— Не факт, что сможем. Времени все меньше. Церемония точно всегда происходит после турнира?

Норлаш покачал головой:

— Нет. Иногда они проводят турниры просто так. Но дело в том, что церемония жертвоприношения и передачи власти у эльфов всегда происходит за несколько дней до сопряжения небесных сфер. И оно вскоре действительно случится, правда, я не знаю точно, когда. Не было времени с астрономами беседовать.

— Зато я знаю. Очень скоро. Поспешим.

Уже сидя в карете, Норлаш раздумывал о странностях владыки, и тут к его уху наклонился Малантус:

— Мастер, тут такое дело: у них у всех золотые глаза. Может ли такое быть, что демоны используют людей, выросших в Источнике, для вместилищ, и это дает им возможности, о которых мы не знаем? А то у меня не идут из головы вопиющие нарушения непоколебимых расчетов...

— Хм... Вполне возможно. Ты знаешь, было бы интересно это исследовать, только вот где взять подопытного? Разве что у эльфов, это единственный известный стабильный источник...

— Угу... И кстати, вы заметили?

— Что?

— После штурма Ламедии их стало на шесть меньше.

* * *

Вернувшись во дворец, Кархад собрался искать Р'Энкора, но сразу заметил какое-то оживление. Он спросил первого подвернувшегося под руку слугу и узнал новость: прибыли послы из Кадории, свататься к принцессе.

— Там, кстати, в королевский горн трубили призыв трижды, — сообщил слуга вдогонку.

Кархад кивком поблагодарил его и двинулся в большой зал: тройной призыв велит прибыть любому дворянину от барона и выше и любому офицеру старше капитана. Дело, надо думать, не только в сватовстве.

В зал Кархада пропустили без обычного представления сенешалем, и он сразу же понял, почему: в зале посол и куча дворян, а возле короля сидят, напыщенные аки индюки, ряженные в шелка и золото Ринц и барон ап Баннард.

Ринц — королевский шут, ни разу не дворянин, маленький коротышка с крючковатым носом, обычно очень смешной и веселый человек, но вот теперь он гордо восседает на высокой подушке и смотрит на посла и других дворян, словно на конский навоз. Ап Баннард, здоровенный сорокалетний детина весом пудов в десять, настоящий человек-гора, от Ринца далеко не отстаёт: скрестил руки на груди так, словно это он тут король, на лице — смертная скука. Впрочем, барон не играет, в отличие от шута: ему действительно очень скучно. Политика не для его ума, увы.

Род Баннардов, некогда очень славный, преследовала настоящая трагедия, больше напоминающая страшное проклятие. Дед нынешнего главы родился полупарализованным, однако несмотря на сей ужасный изъян, сумел вписать свое имя в историю Талсидонии. Его дочери стали графинями и баронессами, породнив Баннардов с некоторыми влиятельными чужестранными семьями. И хотя единственному сыну досталось проклятие отца — его блистательный ум был заперт в квелом, увечном теле — но и он славно послужил своему королю и стране, став великим советником и ученым мужем. И вот тогда тот злой рок, что преследовал Баннардов, изменил свою стратегию. Видя, что никакие увечья не могут помешать выдающемуся человеку служить Талсидонии, он одарил нынешнего барона Баннарда теми физическими достоинствами, которые отобрал у его отца и деда — но вот весь причитающийся ему ум, похоже, еще раньше получили его славные предки. Ап Баннард был, увы, невообразимо глуп.

Однако одно важнейшее качество рода Баннардов осталось при нем: абсолютная, беззаветная преданность короне. И потому король нашел ему подходящее применение: на этом приеме Баннард не только ряженая подстава шпиону, но и последняя линия обороны, вздумай кто из послов совершить покушение на короля — ему придется вначале как-то разбираться с десятипудовым телохранителем, готовым за короля броситься в огонь или на пики.

Войдя в зал, Кархад почтительно поклонился и скромненько сел в самом конце длинного стола, приготовившись слушать, о чем пойдет речь.

Тут дверь снова открылась: прибыл Криштан Арканайский. Старый граф адресовал собравшимся несколько подчеркнуто раболепных поклонов и занял самое последнее место, возле Кархада. Благо, одевается он всегда очень скромно и неброско, потому послы зачастую не могут распознать в похожем на какого-то задрипанного дворянчика, сидящего с краю, настоящую правую руку короля.

Подобное представление игралось специально для послов: этот кадорианец — новый, кто есть кто в Талсидонии — скорей всего, не знает, а раз так — знать ему и не надо. Политика штука грязная и мутная, потому идею короля — принимая послов, сажать во главе ряженных — Кархад одобрял, хоть и не вполне понимал, какая с этого практическая польза. И вот сейчас посол распинается перед королем, королевским шутлом и непроходимым тупицей, ошибочно полагая, что эти шут и тупица — важнейшие после короля люди, в то время как настоящие помощники короля смотрят на посла и все действие со стороны, незаметно,

внимательно и испытующе.

— ...они разбили войско Гэт-Кина вдребезги, по словам выживших очевидцев — в пять минут. Более двух тысяч убитых. Его величество Сингэн опасается, что ужасные воины осадят столицу и, учитывая давние добрососедские отношения со славной Талсидонией, будет рад любой военной помощи.

Повисла тишина, затем Баннард кашлянул, многозначительно переглянулся с королем, потом с Ринцом, снова прокашлялся и выдал, обращаясь к шуту:

— Что думаете, любезный?

Тот, не меняясь в лице, надменно выдал:

— Дадим вначале другим сказать.

Кархад всегда удивлялся, как Баннард умудряется, при своих скромных умственных способностях, ронять свои простые реплики вовремя и к месту, и имел подозрение, что под столом его незаметно пинает, подавая условные знаки, король. Однако вот прямо сейчас Дэнбар устами ряженых велит дворянам высказываться, а Кархад, как назло, опоздал и потому не знает, о чем речь.

Первым поднялся с поклоном, адресованным королю, барон Гэрри.

— Я внимательно слушал речь высокого посла, однако позволю себе переспросить. Его величество Сингэн действительно просит помощи в борьбе с полусотней воинов? Или кадорианцы не умеют воевать против орков?

Посол вздохнул.

— Боюсь, что это не орки. Король Сингэн получил сведения из Зоданги и полагает, что мы — да-да, не только лишь Зоданга и Кадория, а все мы — столкнулись с опасностью, доселе невиданной. Эти воины, по всей видимости — демоны.

По залу пронесся негромкий говор, выражающий сомнения.

— И что же это за сведения, позволившие сделать такое заключение? — спросил король.

— Мой повелитель узнал, что именно было целью этих воинов во время нападения на Зодангу. Они разгромили Цитадель Храмовников Велькиона, и...

— Это та самая тюрьма, где они держали чернокнижников?

— Именно. И оттуда они вызволили всего одного из них.

— Постойте, а толстый Ландогри? Жив? — не утерпел генерал Кагэмир.

Посол пожал плечами:

— А что с ним могло случиться? Враги к его дворцу и не приближались. Они приходили только затем, чтобы вытащить из тюрьмы никого иного, как чернокнижника по имени Норлаш. Полагаю, тут все о нем слышали?

— Хм... Слышал в молодости, — ответил король.

— Со времен вашей молодости он был заточен в Цитадели, — ответил посол. — Но сейчас — на свободе. Я думаю, талсидонская знать теперь и без моих пояснений поймет, что это за такие воины, убивающие по сорок человек каждый за пять минут и беспрепятственно вторгающиеся в укрепленные столицы, и откуда они взялись.

Собравшиеся в зале начали переглядываться.

— Погодите, — удивился Криштан Арканайский, — вы хотите сказать, что этот Норлаш вызвал себе на подмогу... полчище демонов?

— А разве это не очевидно? Кому еще под силу полусотней разгромить целое войско? У погибшего барона, помимо своего ополчения и войска, был еще и отряд королевской

кавалерии. Несколько тысяч воинов — против пятидесяти. И две тысячи погибших за пять минут. Более того, удалось получить свидетельство одного из узников Цитадели, который сидел в соседней камере, рядом с Норлашом. Он клялся, что один из этих воинов говорил с чернокнижником на языке демонов.

— Смахивает на шутку. Розыгрыш. Так даже орки не могут.

— Я ведь и сказал, что это не орки, — спокойно возразил посол. — Я понимаю, вы не верите. Вам кажется, что это шутка — но только потому, что я прибыл сюда в спешке и новости еще не дошли. Когда появятся десятки независимых свидетельств — вы все еще будете продолжать думать, что это шутка? В Зодан Каэр тоже шутники живут? Все население Зоданги и Кадории сговорилось, дабы разыграть вас? Что нужно, чтобы вы поверили? Вторжение Норлаша на талсидонскую землю? Штурм вашей столицы? Так это вполне возможный поворот событий.

Кадорианец медленно повернулся вокруг своей оси, внимательно разглядывая присутствующих, пока не оказался вновь лицом к трону.

— Поставьте себя на место чернокнижника, который двадцать или тридцать лет провел в подземелье, но вырвался, призвав себе на помощь демонов. Вы вообще можете вообразить, какой ненавистью пылает его душа? И теперь у него есть средство отомстить. Я не представляю себе, как можно призвать такое полчище демонов во плоти, подобное только в сказках бывало. Но теперь по миру смертных ходит толпа потусторонних визитеров под предводительством одного из известнейших чернокнижников. И сейчас в Кадории, вероятно, льются реки крови и пылают кострища. Если не остановить Норлаша — Талсидонию может постигнуть та же судьба, и я не уверен, что моему королю достанет сил победить в одиночку, иначе он не просил бы о помощи соседей.

Тут снова заговорил барон Гэрри.

— Допустим, посол, что все, сказанное вами — истина и правда. Тогда вопрос — а мы-то чем можем помочь, если эти пятьдесят демонов просто перерезали немалый отряд?

Кадорианец только развел руками:

— Не представляю себе, как вообще бороться с демонами. В сказках для этого нужны заколдованные мечи, как быть нам — тот еще вопрос. Но в Талсидонии ведь есть весьма славная гильдия магов — возможно, задача по плечу им, да и с эльфами вы весьма дружны — а они народ мудрый...

Криштан громко и пренебрежительно фыркнул.

— Смех да и только! Посол, а что ж вы сами сразу не отправились к эльфам и магам? Ах да, ведь половина талсидонских магов — сбежавшие к нам кадорианцы. После того как ваш король выжил из страны колдунов, ужесточив законы, я не думаю, что они согласятся вам помогать. И эльфов то же самое касается: вам никто не мешал с ними дружить. Но вы не захотели — ни с лесными, ни с высшими.

— Вообще-то, Кадория — страна равнинная, у нас и лесов-то мало, и эльфов почти нет...

— Да бросьте. Вы всерьез думаете, что эльфы все бросят и побегут вам помогать?

— А стоило бы! — воскликнул посол. — Вам, почтенный, известно, что жертвоприношение эльфа примерно равносильно жертвоприношению десяти людей?! Так что они, случись что, в сторонке не отсилятся!

— А вы, стало быть, разбираетесь?

— Именно, — кивнул посол, — я лично возглавлял суд, разбирающий дела колдунов,

три года. Кое-чего поднабрался.

Тут вмешался король:

— По-моему, нам явно требуется помощь знающего человека. Не наслышанного, а знающего. У нас где-то поблизости есть демонологи?

— Вообще-то есть, — ответил барон Гэрри, — недалеко от столицы, как раз в моем феоде, живет один чернокнижник из Далмады, ну не то, чтоб сильно чернокнижный, но говорят, за ним ранее грешки водились, когда он еще из Далмады не сбежал, а сейчас он зарабатывает тем, что продает амулеты-обереги от призраков, домовых, демонов и прочей нечисти. Если учесть, что гильдия собирается раз в год, а сейчас маги поразъезжались кто куда — он единственный, кого можно привезти сюда в пределах нескольких часов.

— Так езжай и привези! — распорядился король.

— Сейчас же и незамедлительно! — поклонился барон и вышел.

— А еще можно вашего телохранителя расспросить, — подсказал кто-то, незнакомый Кархаду, — он же дроу...

— Кстати да. Найдите его и зовите сюда!

Тут колыхнулась портьера рядом с тронем и оттуда появился Р'Энкор собственной персоной. При виде его у посла слегка вытянулось лицо.

— А меня не надо искать, мой повелитель, я всегда там, где и должен быть.

— Ну раз ты все слышал — отвечай, может ли то, что тут посол рассказал, быть правдой?

Дроу чуть озадаченно поскреб подбородок:

— Демоны — это не то, в чем я знаток. Хотя в Подземье лицезреть йоклол, демоническую прислужницу Ллос, богини моего народа — не особое чудо, мне лично такое сомнительное счастье, в силу малолетства, не выпадало. Так что верней будет все же спросить не меня, а того чернокнижника, о котором речь шла...

— Но ты же чуть ли не предсказал дальнейший военный поход этих демонов! — крикнул тот же голос, который предлагал расспросить Р'Энкора.

Эльф скосил глаза в сторону зала:

— Видимо, когда боги раздавали здравый смысл, кое-кто ходил в дальнее путешествие... Если есть воины, одержавшие победу без потерь малым числом — глупо думать, что после этого они сразу же разбредутся по домам. Они появились ниоткуда и приступили к решительным и успешным действиям, которые невозможно было предвидеть. Когда я предположил, что они никуда не денутся и продолжат впредь действовать столь же непредсказуемо — то это была догадка, основанная на здравом смысле, а не на предвидении.

Кархад тем временем смотрел на посла, который ежесекундно нервничал все больше и больше, и причину его беспокойства выдавал взгляд, то и дело упирающийся в Р'Энкора.

— Значит, ждем, пока привезут того мага, — подытожил король. — А пока совет временно приостановим.

— А могу я задать послу вопрос? — невинно поинтересовался рыцарь.

— Можешь, — милостиво разрешил Ринц, не ожидая слов короля.

В кои-то веки коротышка откровенно развлекается, а не развлекает, подумал мимоходом Кархад.

— Скажите, высокий посол, а почему вы так занервничали, стоило вам завидеть этого дроу? У меня возникла дичайшая мысль, что вы сразу его узнали, поскольку уже встречались... Не пользовались ли вы его услугами, господин посол?

Посол изменился в лице, но почти моментально взял себя в руки.

— Дражайший сударь! Да как вы смеете предполагать, будто один из знатнейших людей Кадории опустится до якшания... — тут он внезапно понял, что рискует сморозить сильную бестактность, потому как король Талсидонии явно не прочь якшаться с дроу, и на полуслове изменил фразу: — до использования наемных убийц вроде Р'Энкора Арн» Кая!

— Вы уж простите, но мое предположение перерастает в уверенность, — ухмыльнулся Кархад, — поскольку его здесь по имени никто не назвал, однако же вам оно известно.

Однако посол, видимо, был тертым калачом и все равно выскользнул из практически мертвого захвата, отыграв к тому же очко обратно:

— Его всякий по имени знает, потому что на весь белый свет он один такой и есть!

От рыцаря не укрылся быстрый взгляд и непроизвольная секундная гримаса на лице посла. На словах-то он отыгрался, но лицо выдало сокровенную мысль: «Проболтается или нет?».

— А правда, давайте Р'Энкора спросим, — предложил Ринц с весьма гаденькой улыбочкой.

— Придется вас разочаровать, превеликий господин, — ухмыльнулся в ответ дроу, — но я не раскрываю тайны своих прежних нанимателей, ежели договор сие подразумевал. Впрочем, в Кадории я поработал в прошлом немало, из высшего дворянства там моими услугами пользовался едва ли не каждый третий. Но был ли среди них сей посол, знатнейший, хе-хе, человек Кадории, вы не узнаете.

— Засим заседание заканчиваем, — решил король. — Сенешалю повелеваю устроить званый ужин должным образом, насколько время позволяет. Всем присутствующим быть здесь же к моменту, когда привезут колдуна.

Дворяне, кланяясь, потянулись на выход и рассосались по залам в ожидании ужина: многие не самые богатые аристократы могут отведать вин, достойных короля, только на его же пирах и приемах, потому далеко никто уходить не стал.

Кархад винами интересовался мало, сейчас его больше заботили другие вещи. Во-первых, Р'Энкора обставили, что очень плохо. Во-вторых... Он набрался мужества и признался самому себе, что, хоть это и не его ума дело, мысль о возможном замужестве Мирданы ему не нравится. Более того, особо ему не нравится мысль о замужестве принцессы за кадорианцем. Кристалл в его ладони засвидетельствовал, что Р'Энкор не лгал, говоря о своих нанимателях в Кадории, а какие дворяне — такой обычно и король, это закон природы, можно сказать. И кадорианский принц, скорее всего, исключением из правила не будет.

Послонявшись по залам без дела да перекинувшись словцом-другим со знакомой знатью, Кархад Р'Энкора не нашел, зато его отыскала принцесса в сопровождении фрейлин, причем Лэтти, слегка пунцовая, выглядела явно не в своей тарелке.

Рыцарь почтительно поклонился и невинно поинтересовался:

— И как проходит сватовство?

Мирдана хихикнула:

— Ой, ты знаешь, там такой конфуз случился... Помнишь Злодея?

— Еще бы, — кивнул Кархад.

— Ну в общем, принц Синтэн на портрете чем-то неуловимо напомнил мне его. Вроде бы не урод, с виду нормальный, но... вот есть что-то крысиное в его портрете — и все тут. И, скажем так, случайно вышло, что послы-сваты об этом сходстве узнали.

При этих словах Лэтти покраснела еще сильнее, потупив взор.

— Ну и что такого, если его высочество Синтэн слегка похож на Злодея? — шутливо ответил рыцарь, — ваше высочество, помнится, во всех этих мышках, крысках да хомячках души не чаяли. Они же такие миленькие...

Принцесса с серьезным выражением лица покачала головой.

— Так то крысы, Карх. Им богами предусмотрено быть крысами и походить на крыс. А человеку крысой быть не позволительно, равно как и другому животному уподобляться. И ладно бы, если только лицо — его ведь не выбирают. Если человек лицом на крысу похож — не повезло бедняге. Но если вот это крысиное не в чертах лица, а в выражении его? Нет, конечно, я понимаю, что судить о Синтэне по портрету, еще неизвестно кем малеванному, не годится — а вот остался на душе осадок такой, и что тут поделывать?

Кархад, внутренне обрадовавшись, все же на людях решил отвечать нейтрально: Айни и Лэтти — девицы приличные, но что одна, что другая — весьма болтливы.

— Мне видится выход в визите принца, если его величество так решит. Не исключено, что портрет весьма обманчив.

На самом деле, Мирдана поняла эту фразу совершенно верным образом, они оба знают, что король своих дочерей помимо их воли не выдаст, так что решать в любом случае Мирдане.

— Возможно, но... Ты знаешь, он еще и ростом коротковат, — заметила принцесса в ответ.

— Как? Совсем?

— Ну не совсем — чуть выше меня. Тебе до подбородка едва.

— Так это же нормальный рост, — возразил рыцарь, — это я просто высок.

— Хм... Ну да, — кивнула Мирдана. — Но... ты знаешь, я как-то привыкла людей по тебе мерять. Выше тебя или ниже.

Кархад смутился подобным поворотом и перевел беседу в другое русло, осведомившись, а не видел ли кто Р'Энкора.

— Да вот мелькал только что рядом. А зачем он тебе?

Тут рыцарь вспомнил, что сотрудничество с ним надо хранить в тайне, и ответил:

— Да разговорчик есть к этому поганцу... Я вот принялся королевское задание выполнять и разузнал... Он вчера привилегиями, милостиво ему дарованными, злоупотреблял, скажем так. Бесчинствовал в городе слегка. Надобно пояснить негодяю, что так негоже поступать.

Мирдана неожиданно чуть склонила голову набок и легонько приподняла одну бровь, и по этому верному признаку рыцарь определил: быть спору.

— А Р'Энкор что, перешел границу закона?

— Да нет, но... как бы это сказать, не вдаваясь в подробности... Он злонамеренно использовал закон, чтобы причинить нескольким горожанам ущерб исключительно ради причинения ущерба. Это, мягко говоря, нехорошо.

Принцесса с сомнением покачала головой:

— Думается, не стоит тебе этого делать. Твои намерения благие, но в итоге может совсем обратное получиться. Лучше я сама с ним поговорю.

— Не королевское это дело — всякую шваль воспитывать! — решительно возразил Кархад.

— Мир, порядок и справедливость в стране — как раз королевское. Ты только

усугубишь ситуацию, потому что, во-первых, слишком прямолинеен, а во-вторых, потому что Р'Энкор тебя ненавидит точно так же, как и тех горожан, и слушать не станет.

— Откуда ты знаешь?! — опешил от неожиданности Кархад и даже забыл на миг, что они на людях.

— Ты разве не знаешь его историю? Ты же ее, помнится, и привез от эльфов. У Р'Энора есть одна причина ненавидеть людей лютой ненавистью. Если бы, положим, орки убили твоего отца — ты ненавидел бы их до гроба, не правда ли? А ненависть Р'Энора стократ сильнее.

Кархад состроил понимающую гримасу:

— Это да, что дроу хорошо умеют — так это ненавидеть...

— Не потому. Когда ты теряешь одного из самых дорогих тебе людей — у тебя остаются остальные самые дорогие и другие, менее дорогие, но все равно дорогие. У Р'Энора только отец и был. Он разом потерял все, чем дорожил, ты понимаешь, Карх? Все. И теперь в его душе только боль и пустота.

— Да я просто ушам своим не верю! Ты... Ваше высочество, вы... защищаете этого мерзавца?!

Принцесса скептически на него посмотрела.

— Вообще-то, короли именно этим и должны заниматься — защищать своих подданных. Скажи, Карх, как ты собираешься носить по стране справедливость, если не можешь разглядеть в Р'Эноре жертву, а не преступника? А он и есть жертва человеческой жестокости, ненависти и несправедливости. И не обманывай себя: в нем нет ничего ужасного и монструозного. Был бы ты на его месте — стал бы таким же.

— Ладно, я сдаюсь, — развел руками Кархад, — но не могу понять, как вы собираетесь с ним сладить, если это мне не по плечу. Он понимает только силу и уважает только силу.

Мирдана пожала плечами:

— Ничего сложного. Я всегда со всеми хорошо лажу. И тебе тоже станет проще иметь с ним дело, если ты будешь видеть в нем Р'Энора, а не «проклятого дроу».

Рыцарь согласился, но про себя подумал, что Р'Энкор как-то уж слишком быстро втерся в доверие к принцессе.

Несколько позже явилась пара посыльных стражников: принесли золото. А когда за окном ночь окончательно спустилась на землю, Кархад сумел переговорить с Р'Энкором без свидетелей.

— Вот твое золото, — без предисловий сказал он, вручив эльфу мешочек с монетами.

— Убийца не взял? — уточнил тот, пряча деньги.

— Как ты догадался?

Р'Энкор пожал плечами:

— Подозревал, что все может быть хуже, чем кажется. Как его убили?

— Клинком в затылок, скорее всего метательным. Чистая работа.

— Стало быть, наш враг ограничен в помощниках, но накоротке с оружием, — подытожил дроу.

— Почему ты так решил? — удивился Кархад, — нанять головореза — дело не особо затратное...

— Потому что убили моего помощника, а не меня, хотя если убить меня — то и дело решено. Убийца точно знал, кто я такой и что он против меня не потянет. Если б был нанят головорез — целью был бы я, ведь головореза, если не выгорит, не жалко.

— Разумно...

— Я всегда говорю разумные вещи, если ты до сих пор этого не понял.

— И что теперь?

— Что-то придумаю. А ты теперь оглядывайся на всякий случай, будь настороже. Если заговорщик узнает, что мы заодно — ты можешь стать следующим.

Кархад же подумал, что теперь шлем будет не только скрывать обрубленное ухо, но и защищать затылок.

* * *

Ночь перевалила за середину, когда вернулся барон Гэрри с колдуном, и по дворцу прокатился сигнал призыва. Дворяне, до того отдохавшие в гостевых комнатах после ужина, начали вновь собираться в зале совета. Кто-то даже настоял, чтобы на всякий случай при допросе присутствовал жрец Арианта, потому главного жреца немедленно привезли из ближайшего храма.

Колдун был с виду довольно благообразный человек лет пятидесяти, в потрепанном балахоне, худошавый, с резкими чертами лица и умными, глубоко посаженными глазами.

— Прибыл, понеже ваше величество рассудило так повелеть, — поклонился он королю, — чего изволите?

— Изволь, дабы ты, чернокнижник, поведал нам про демонов, — распорядился король.

— Эм-м-м... И что же я должен о них поведать?

Дэнбар чуть задумался, формулируя вопрос, а потом махнул рукой:

— А давай, посол, рассказывай еще раз свою историю.

От Кархада не укрылось, что маг смотрит на посла как-то очень уж неприязненно.

Когда рассказ был закончен, король кивнул магу:

— Вот теперь, чародей, я хочу, чтобы ты рассказал нам, как может быть такое, о чем посол говорил, и как нам бороться против чернокнижника Норлаша и демонов в его услужении.

Маг развел руками:

— А как быть, если я не поверил ни единому слову? Мне в высшей мере странно, что здесь собравшиеся неглупые люди поверили, хотя по мне — байка байкой. Этого быть не может... по многим причинам.

Посол попытался возмутиться, но Ринц, продолжающий играть роль великого дворянина, его сразу заткнул.

— Молчание, посол! Говорить будешь, когда разрешат.

— А мы здесь люди хоть неглупые, но несведущие, — сказал король, — и для того ты тут. Раз уверен, что это байка — поясни нам, отчего думаешь так.

Маг замялся:

— Боюсь, ваше величество требует от меня рассказать вещи, которые очень многим могут не понравиться, особенно вот ему, — сказал маг и ткнул костлявым пальцем в толстяка-жреца, — да и вам, надо думать, тоже. Я уже сменил две страны — Далмаду на Кадорию, Кадорию на Талсидонию — только оттого, что людям очень сильно не нравилось то, что я знаю, потому...

— Говори без опасений, — велел король, — я гарантирую, что ты не пострадаешь за

свои слова, если только не признаешься в человеческих жертвоприношениях...

— Слово ваше в корне все меняет, — согласился маг и указал на посла: — вот это разодетое чучело болотное рассказало вам бредовую сказку, откровенная глупость которой очевидна любому, сведущему в демонологии...

Посол побагровел и снова попытался оскорбленно воззвать к королю, но снова вмешался Ринц.

— Молча-а-а-ать!!! — завопил страшным голосом шут и милостиво кивнул магу: — продолжай, колдун, только это... повежливей.

Маг пожал плечами:

— А чего мне бояться? Король дал гарантии, что я не пострадаю за мои слова, и теперь я могу сказать вам, что кадорианское чучело, из-за которого из Кадории бежали многие маги, в том числе и я, полнейший профан и кретин, ничего не смыслящий в том, что пытался судить, плетущий вам полнейшую чушь. Семеро свидетели, в этой истории вымысла столько, что я даже не знаю, с какой стороны начинать разоблачение...

— Семеро? — вмешался верховный жрец.

— Ну да, семеро. Маги Велькиона, знаете ли, не почитают. Хорошо, начну разоблачать немного издалека. Главнейшее, что нужно понимать — что демон не может существовать в нашем мире во плоти. Он нуждается в энергии, а тут демоны ее теряют. Именно потому демона невозможно призвать просто так — жертва нужна. Всего лишь для того, чтобы демон явился на зов в своем астральном аспекте, ему нужно предложить энергию. Простейший способ — жизненная сила живого существа, и на курицу или там бычка может согласиться только самый низший и слабейший демон. Чем сильнее демон — тем больше энергии ему требуется для астрального визита, а уж чтобы он ненадолго заявился во плоти — кровь людей, а лучше эльфов, должна рекой литься.

— Ты хочешь сказать, что для вызова отряда демонов Норлаш должен был принести множество жертв? — спросил король.

— Воистину так. Как вы понимаете, сделать этого в темнице он не мог бы никак.

— А у меня вопросец, — вклинился граф Арканайский, — насколько маг сведущ в этом деле? Он вообще имел дело с демонами?

— Ага, так он и признался, — сказал кто-то.

Волшебник снисходительно улыбнулся:

— Я весьма сведущ, настолько, что даже кое-кто из учеников Норлаша приходил ко мне за советами. Другое дело, что мне хватило ума с демонами лично не связываться: я слишком хорошо знаю, чем это чревато, большинство чернокнижников рано или поздно заканчивают очень плохо. Чтобы иметь дело с демонами, надо быть весьма сильным и умным. Как Норлаш. В конце концов, мои знания я использую во благо: зная врага своего, я могу изготавливать волшебные амулеты, они и раньше хорошо продавались, а уж теперь, коли такие слухи ходят — сильно подскочат в цене...

— Ближе к делу, — велел король.

— Да-да, конечно... Я уже только что сказал, что Норлаш вызвать себе подмогу просто не мог. Сказочные случаи, когда могучие маги вызывали демона себе в подчинение, сильно преувеличены. Я бы еще поверил, если б сказали, что он вызвал какого-то мелкого беса, да и то в астральном аспекте, без жертвы, расплачиваясь собственной магической силой, ведь он все же редкий чародей. Но во плоти целое войско? Невозможно. Проще мизинцем гору своротить.

— Вызвать демонов мог кто-то другой. Его ученики, к примеру.

— Вот тут второй момент. Демон, даже вызванный должным образом, не может существовать в нашем мире долго. Это как вам нырнуть в воду: можно при должной сноровке, но только на короткий промежуток времени. У демонов та же беда: у человека под водой заканчивается дыхание, у них в нашем мире — энергия. Между вторжением в столицу Зоданги и разгромом войска того кадорианского барона прошли не часы — дни. На столько демон «нырнуть» к нам не может.

— Не хватит энергии?

— Вы схватываете все на лету, ваше величество.

— А если дать им много энергии? Или, наконец, что если они умеют, скажем так, «задержать дыхание»?

Маг скептически покачал головой.

— Вы сами знаете, что на две недели дыхание не задержать. А я знаю, сколько нужно энергии демону. Не хватит. Поверьте мне, я интересовался этим вопросом, когда думал жениться на дочке одного купца. Купец обещал мне и руку дочери, и долю в деле, если я научусь узнавать заранее колебания цен на кое-какие товары в соседних странах до того, как оттуда дойдут новости. Я всерьез подумывал договориться с каким-то мелким бесенком, ведь астральный аспект демона способен преодолевать любые расстояния и любые препятствия. Однако математика жертвоприношений неумолима: вызвать мельчайшего из пригодных бесов для разговора — хватит курицы, в крайнем случае овцы. Это делается путем сложного ритуала, все эти пентаграммы и круги нужны для того, чтобы демон мог проникнуть в наш мир без затруднений. А чтобы он призраком слетал в соседний город и подслушал тайный разговор...

— Стой, стой! — воскликнул барон Гэрри, — ты хочешь сказать, что вот прямо сейчас нас может подслушивать демон, посланный, скажем, королем Далмады?!

Тут голос подал жрец:

— Не волнуйтесь, ваша светлость, ведь здесь есть я. Сила защитных рун Арианта не позволит ни одному демону...

— Ваша светлость, — перебил жреца маг, обращаясь напрямую к Ринцу, — умоляю, велите жирному мошеннику заткнуться, вот как вы кадорианское дерьмо заткнули. Он гребаный жулик и дармоед, паразитирующий на ваших верованиях, и никого не защитит, даже себя. У него на мантии даже обереги-то не той стороной вышиты, что тут еще сказать...

Жрец побагровел, его толстые щеки затряслись от негодования, но Ринц, к слову, сильно недолюбливающий жреческое сословие и неизменно их высмеивающий, незамедлительно этим воспользовался.

— Молча-а-а-ать!!

Кархад пренебрежительно усмехнулся: заткнулся жирдяй, хоть и знает, что на него орет шут. Прав был отец, когда учил с богами дела иметь без посредников: им не нужен никакой служитель, чтобы услышать молитвы.

— Благодарствую. А защита от демонов есть — и очень простая. Я как раз хотел сказать, что демону в соседний город слетать — тут уже надо человеческую душу погубить. Вот я и прикинул, что в соседнюю страну послать соглядатая — это целую улицу надо принести в жертву. Словом, я хорошо понимаю, каковы у демонов «аппетиты». Чтобы призвать себе на помощь целое войско демонов в физическом аспекте... Невозможно.

— Что это за аспект, о котором ты все время говоришь? — спросил Гэрри.

— Аспект — он и есть аспект... Это то, чем кто-либо влияет на материальный мир. Как вам пояснить... Вот у человека два аспекта — тело и душа. Вы умеете пользоваться телом, мы, маги — еще и душой. Допустим, полевые столбы, освященные служителями Арианта — это один из аспектов Арианта, который он дарует нам за поклонение. Мы ему молитвы — он нам защиту полей от саранчи и прочих бед. Дэнэбриэль Сияющая дарует вам кристаллы правды, а нам, магам — возможность уложить магическое заклинание в глиф или в ритуал. Велькион, будь он проклят — руны, испивающие из мага силы души и мешающие колдовать. Ну вы и сами знаете дары Восьми. Так вот, в каждом из кристаллов, столбов, глифов — частичка божественной сущности. Это маги зовут словом «аспект». То же самое — у любых иных демонов. Так, на чем я закончил? А, соглядатай...

— Погоди-ка, — велел король, — ты как-то странно высказался. Словно назвал Восемь демонами, так это прозвучало.

Маг погрустнел.

— Проболтался... Людям не нравится знать, что их боги — суть есть демоны. К счастью, вы гарантировали мне неприкосновенность, что бы я ни сказал.

Из зала послышался сдержанный неодобрительный ропот, несколько раз прозвучало слово «ересь». Кархад и сам возмутился подобным заявлением, но промолчал. А вот жрец немедленно попытался расквитаться за обиду.

— Богохульник! — завопил он, тыча пальцем в мага. — Гнусный демонопоклонник!

— Хватит! — грохнул кулаком по столу король, — у нас тут есть дела поважнее, чем о богах спорить, потому как по земле кто-то непонятный бродит!

Дворяне утихли, жрец умолк в числе первых, не смея перечить монарху.

Дэнбар кивнул магу:

— Продолжай. Только... побольше уважения нашим богам!

— Я их весьма уважаю, кроме ублюдка Велькиона, разумеется, и сам исправно поклоняюсь Дэнэбриэль, как и все маги. Но вы хотели знать о демонах, а я предупреждал наперед, что услышанное вам не понравится. В моих словах нет ереси — но, без капли неуважения, вынужден сообщить, что в ваших головах — заблуждения и иллюзии. Так, о посланниках... Да я все и сказал уже. Помощь даже одного демона стоит слишком дорого, и это вторая причина, почему Норлаш не может располагать целым отрядом. — Маг помолчал и добавил: — конечно, есть еще одна возможность. Вместилище.

— Поподробней, — велел король, — и попроще.

— Постараюсь. Вместилище — живое тело, в которое помещен промежуточный аспект демона. Если астральный аспект позволяет демону только присутствовать в нашем мире, словно призраку, то второй, промежуточный между астральным и телесным, дает возможность привнести с собой в наш мир частицу своих сил.

— Ты про одержимых? — спросил генерал Кагэмар.

— Нет. Одержимость — это присутствие в человеке астрального аспекта демона. Демон получает частичный контроль над телом и вынужден к тому же бороться с душой человека. Однако возможности демона не превышают возможностей человека, в которого он вселился. А вот вместилище — это тело, магическим способом лишенное души. Демон живет в нем и питается его жизненными силами. При этом он может использовать свою демоническую магию, бегать как ветер, разрубать всадника в броне вместе с конем... Но есть один момент — все та же энергия. Вместилище не может прокормить демона долго. Минуты, часы, но

никак не дни. Потому этот вариант также отпадает.

— А может, Норлаш очень искусен и знает особенные способы? — спросил граф Криштан.

— Сиятельный господин, вы искусны в математике?

— Не очень.

— Но дважды два умножить можете? Так вот, дважды два — четыре и у полуграмотного крестьянина, и у самого великого математика. Понимаете, о чем я?

— Вполне, — кивнул граф.

Маг развел руками:

— Вот, собственно, и все. Я ответил на вопрос, почему не верю ни единому слову этой байки про пятьдесят демонов.

— Хорошо, — кивнул король, — тогда сделаем так. Предположим ненадолго, что все, рассказанное в байке, правда или очень близко к правде. Как бы ты мог это объяснить?

— Ну... Орки из-за Хмурых гор? — предположил маг.

— Знакомая версия, но нереальная. А по-другому?

Чародей ухмыльнулся:

— А по-другому еще нереальнее. Чисто теоретически, все, рассказанное кадорианским чучелом, действительно может быть правдой... При одном из двух условий, каждое из которых слишком невероятно.

— Ну-ка, ну-ка, — оживился король.

— Источник огромной магической силы. Мне известно о трех таких, из которых два вряд ли еще существуют. Но третий — так называемая «Сфера эльфийских королей» — вроде бы по-прежнему у эльфов. Чисто теоретически, обладая им, можно призвать себе в услужение армию демонов и питать их всех благодаря силе этого артефакта. Впрочем — спросите самих эльфов, тех, что в Эйтгэлл Тайон. Они будут вам лучшими советниками по демонам, нежели я, поскольку имеют с ними дело постоянно... Как с врагами, я имею в виду.

— Поясни.

— Все просто. Есть один способ, которым демон может заявиться в наш мир без помощи, да еще и во плоти — это Источник. То есть, такое волшебное место, где вокруг сырая магия бьет ключом. Чтобы вы понимали — в таком месте читать заклинания могут даже не-маги, а маги так и вовсе колдуют сколько угодно, даже не тратя собственные силы. Такие места появляются очень редко, ненадолго и непредсказуемо, и обнаружить их проще всего по присутствию демонов во плоти. Источники влекут их возможностью поразвлечься и поохотиться в нашем мире. Именно Источники дали начало многочисленным сказкам, в которых герои встречаются с демонами.

Так вот. «Сфера королей» настолько мощная, что сама создает вокруг себя Источник. И я честно признаюсь, что не имею ни малейшего понятия, как ушастые справляются с постоянными визитами потусторонних гостей. И потому, коли хотите знать, как справиться с демонами во плоти — спрашивайте высших эльфов. Возможно, дело в Стражах.

— Стражи?

— Да. Эльфы, которые выросли вблизи Сферы, меняются. Становятся иными. Внешний признак — золотистые глаза. Стражи обладают крайней сопротивляемостью магии, и одно их прикосновение может помешать магу творить заклинания. Поговаривают, что некоторые способны прервать колдовство даже взглядом, но это байки. Вместе с тем, Стражи и сами

утрачивают способность колдовать. Сложно сказать, почему, видимо, их души «грубеют» от постоянного воздействия магии и просто перестают чувствовать ее. Скорей всего, подобное произойдет с любым, кто вырастет внутри Источника.

— Понятно. А второе условие?

— Вмешательство кого-то богоравного. Проще говоря, демона, которых называют «владыками» и о которых почти ничего не известно, за исключением их всесильности. Бытует мнение среди магов, что Восемь, а также другие боги, владеющие доменами в других частях нашего мира — это и есть демоны-владыки. Вместе с тем, есть и другая точка зрения, что наши боги — вовсе не владыки, а владыки — еще сильнее.

— Допустим. И как нам бороться с демонами во плоти?

Колдун пожал плечами:

— Приходя в своем телесном аспекте, демон приносит с собой всю свою мощь, но при этом становится уязвимым. В сказках герои используют волшебные мечи, магию, священные реликвии. Но на деле такого не случается. Я так скажу: ничего не делать. Каковы бы ни были источники, питающие этих демонов — рано или поздно иссякнут и они.

— А если за всем этим стоит кто-то... богоравный?

— На самом деле, это не укладывается в здравый смысл. Я не могу даже догадываться о мотивах, которые подвигнут кого-то вроде демона-владыки на вторжение и безумную растрату своих сил. Демоны жадны. Они накапливают свою энергию по крохам, любыми способами, не знаю, для чего, но они нипочем не согласятся ее потратить. А ведь еще и противостояние с Восемью получится, они не отдадут свои владения без боя.

Так вот. Все упирается в Норлаша. Кому-то богоравному, способному явиться во плоти с войском приспешников, готовому противостоять Восьми... да поймите, что какой-то жалкий червь Норлаш ему не нужен. Бог, спасающий смертного из тюрьмы — вы верите в это? Нелепица.

Король задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Однако же Норлаш вырвался из тюрьмы. И пятьдесят воинов разгромили несколько тысяч — в пять минут. Колдун, твоя теория это одно, но реальность — вот она! И свидетельств тому немало, посол, которому ты не веришь — не единственный рассказчик. И ты не в состоянии это объяснить. Твоя теория неверна!

— Я не строю теорий, — с достоинством возразил маг, — а всего лишь по вашему приказанию делюсь с вами своими абсолютно верными знаниями о богах и демонах.

— Да сочиняет он все, — бросил кто-то из незнакомых Кархаду мелких дворян, — откуда смертному червю о богах-то знать?!

Чародей снисходительно усмехнулся:

— Все эти знания, описанные в наших книгах, получены из первых рук. От демонов. И цена была уплачена, как вы можете догадаться, немалая: эти существа крайне скрытны, и знаниями о себе поделятся только за хороший куш. Все то, что я уже рассказал, стоило, думается мне, сотен жизней. Знаю, звучит ужасно, но вот ирония — без злодеев-чернокнижников, шедших на стовор с демонами ради знаний, мне просто нечего было бы вам рассказывать.

— И каковы гарантии, что демон, получив кровавую жертву, рассказывал правду? — приподнял бровь король.

— Демонология, ваше величество, на пятую часть состоит из знаний о демонах. Остальные четыре пятых — это наука о ритуалах. Все договоры с демонами заключаются в

форме ритуала. Мастерство и знания нужны для того, чтобы составить и провести ритуал верным образом и не оставить демону возможности обмана. Допустим, если я жертвую демону бычка за ответ на один простой вопрос или очень мелкую услугу, ритуал проводится таким образом, чтобы демон смог получить жизненную силу жертвы только после правдивого ответа.

— Ладно же. Давай предположим, что демонов вызвали при помощи могучего артефакта...

— Одно уточнение, — весьма неучтиво перебил короля колдун, — ваши свидетели при штурме Зодан Каэр видели среди атакующих воинов кого-то обычного? Если это демоны, то был ли среди них смертный?

— Не помню такого, — покачал головой король, — Криштан? Гэрри? Кто-нибудь помнит, чтобы тот конюх рассказывал подобное?

Те покачали головами.

— Ну тогда вариант с могучим артефактом отпадает, — развел руками маг.

— Почему?

Он тяжело вздохнул и утер со лба капельки пота.

— Хорошо, я попытаюсь объяснить и это. Сразу говорю — другой маг нашел бы в моих объяснениях массу условностей, упрощений и неточностей, но иначе мне не объяснить, а вам не понять.

Для начала я уточню один момент. Демон способен усваивать энергию из вашей молитвы, из вашей жизненной силы, из ваших боли, страданий, отчаяния. В нашем мире нет иных источников энергии для демона, кроме живых существ, и самые ценные — те, у которых душа ценнее, сильнее, сочнее, вкуснее или я не знаю как это еще назвать. Демон может получить энергию только от живого существа.

Так вот. Магия бывает сырой и обычной. Сырая — та, что существует независимо от нас. Обычная — порождаемая самим магом и его ритуалами. Когда демон является в наш мир во плоти, он окутывает себя очень мощной аурой сырой магии, которую сам порождает, подобно тому, как вы, выходя на мороз, укутываетесь в одежды. Потусторонняя плоть демона, соприкасаясь с нашим миром, испаряется и тает, потому нужна защитная аура. И на создание этой ауры он тратит невероятную прорву энергии. Если где-то есть высокая концентрация сырой магии, демон может прибыть туда во плоти, не тратя свои собственные силы. Правда, он не может питаться сырой магией. Именно потому демон, явившись в наш мир в Источнике, обычно набрасывается на все живое, чтобы поглотить жизненную силу, подпитаться болью и смертью жертвы.

Идем далее. Демон способен питаться обычной магией, которую передает ему маг. Именно потому молитва мага для бога намного ценнее молитвы обычного человека: его душа сильнее, и порождает больше энергии, передаваемой богу. Но тут есть один момент: если магия вложена в неживой артефакт — она не может быть усвоена демоном. Другими словами, для подпитки демона из Сферы Королей нужен посредник. Маг, который будет поглощать силу артефакта и передавать ее демону уже как свою. И потому, если среди демонов не было смертного — то значит, питаться от артефакта они не могли.

— Стоп-стоп-стоп! — вскочил Кархад, — у тебя противоречие! Ты чуть раньше говорил, что эта Сфера Королей порождает вокруг себя Источник! И демоны могут просто нести артефакт с собой!

— Все верно, за одним моментиком, — кивнул маг. — Сфера Королей источает очень

могучие силы, однако это — обычная магия, порожденная душами всех тех эльфийских королей и других могучих магов, которые пожертвовали себя Сфере. И только подальше от Сферы эта магия становится сырой. А обычная магия, порожденная душой смертного, но исходящая из неживого предмета, сама по себе демону бесполезна, она не защищает его от утраты энергии. Пример, чтобы было понятнее, если вот здесь на столе будет лежать Сфера Королей — весь город будет отдан на произвол визитеров из потустороннего мира, но прямо тут, в замке, они не появятся. Проще говоря, демон не может не то что нести магический артефакт — но даже близко подойти. Таким образом, версия с артефактом несостоятельна лишь потому, что с демонами не было смертного, когда они штурмовали столицу Зоданги, и я уже молчу о том, что такому артефакту взяться просто неоткуда. Для того, чтобы Сфера Королей обрела свою нынешнюю мощь, эльфийские правители отдавали ей свои души на протяжении неизвестно скольких тысячелетий. Большая магия просто так не возникает. И наконец — будь с демонами артефакт вроде Сферы, из Цитадели храмовников вырвались бы все маги, вы понимаете? Все! Потому что, получив мощную подпитку Источника Сферы, они бы с легкостью выбрались из темницы. Но этого не произошло.

Дэнбар пригладил бороду.

— Хорошо. Ты утверждаешь, что пришествие войска демонов стараниями смертных невозможно, так?

Баркан поднял вверх указательный палец:

— Напротив, весьма возможно. Я смог бы призвать себе в услужение полсотни демонических воинов, если бы владел Сферой Королей или был бы правителем Талсидонии и принес в жертву жителей нескольких городов. Третий способ мне неизвестен, и мои познания позволяют думать, что он вообще не существует.

Король кивнул, соглашаясь.

— В таком случае, у нас остается последний вариант: демоны пришли сами. Для чего им понадобился Норлаш — вопрос несущественный. Важнее — как именно они могли вторгнуться в Сангарию и как мы могли бы выдворить их обратно.

— Вот тут у меня не очень хорошие новости, — покачал головой маг. — Вы спросили, по сути, как победить того, кто сильнее Восьми. Ответ на вопрос, как победить могучего бога, прост: никак. Мы — смертные, и тягаться с Владыкой нам не дано. Другой вопрос, что я в подобный поворот событий просто не верю.

— Почему?

Маг потер переносицу.

— Потому что ставки слишком велики. Для того, чтобы вторгнуться сюда целым отрядом, надо потратить очень много энергии, которую кто-то копил не века — тысячелетия. Все это не укладывается в здравый смысл — а поверьте, что демонам он не чужд. Если мы принимаем как аксиому факт вторжения пятидесяти демонов в физическом аспекте — то я не могу представить себе цель сего. Вы ведь поймите, что захватить чужой домен очень трудно. Демоны воюют между собой в своих потусторонних чертогах способами, которые не укладываются в наше воображение или понимание. А тут — физическое вторжение. Оно невыгодно, потому что очень затратно. Чем сильнее демон, тем больше надо потратить энергии, чтобы снизить в мир смертных. Если демон-нападающий сильнее хозяина — он будет воевать с ним демоническими способами. Если слабее — попытается провести физический захват мира через посредников и помощников, истребляя сторонников владельца и переводя смертных в свою веру. Однако личный физический визит

не по силам даже Восьми: эпоха, когда боги ходили по земле, уже закончилась давно. Теперь они накопили столько энергии и могущества, что минутное посещение нашего плана бытия обернется огромными потерями. Так вот, ваши боги в принципе не способны снизойти в наш мир, а агрессор взял да снизошел. Для этого за ним должен стоять кто-то, кто сильнее наших богов. То есть — это Владыка. А я в это не верю. В богов играют относительно слабые демоны, владыки таким не занимаются. Они непостижимы для нас, потому что не интересуются нами. И само их существование нам известно только со слов других демонов.

— Ладно, — сказал король, — раз уж мы затронули эту тему — выясним до конца. Почему ты утверждаешь, что наши боги — демоны?

Маг пожал плечами:

— Потому что это так. Ариант и остальные Семеро — демоны. Только весьма могущественные. Ну, как король и нищий: под рваньем и парчой — примерно одинаковые человечьи тела.

Зал снова неодобрительно загудел.

— Однако же Восьмеро не требуют у нас жертв, — возразил король. — И даже не требуют поклонения — каждый сам выбирает себе покровителя по своей воле...

— ...Ага. Из числа этих же Восьми. Я не раз подвергал свою жизнь опасности, ведя просветительскую работу — пожалуй, рискну последний... Высокие господа, мне понятны ваши иллюзии. Вам приятно и утешительно думать, что на вашей стороне — добрый бог, которому вы поклоняетесь, однако дело тут не в доброте. Все, что богу от вас нужно — ваши молитвы. Все мы — своего рода овечье стадо, с которого пастухи наши стригут шерсть. И Ариант защищает ваши поля от саранчи не потому, что он добрый, а потому, что если он допустит вам голодать, многие умрут, а выжившие отвернутся от него. Боги постоянно ведут непрямую, посредством жрецов и проповедников, борьбу за ваши умы, сердца и молитвы. Ариант не требует у вас жертв не потому, что ему это противно — он бы и рад, но это противно вам. Потребуй он жертву — вы отвернетесь от него и поищите себе менее кровавого покровителя. Разные боги по-разному подходят к этому. Богиня дреу, Ллос, одаривает милостями и силами узкий круг избранных жриц, а те заставляют весь свой народ поклоняться ей. Восьмеро поступили иначе: они, выражаясь фигурально, предложили нам честную сделку. Мы им — молитвы, они нам — определенную помощь. Жрецы, которые распространяют религию и ведут в загон новых овечек, получают способности пользоваться дарами, и с их помощью они укрепляют вашу веру и готовность возносить молитвы. Так и у нас, магов: Сияющая дарует нам умение зачаровывать артефакты и амулеты, вкладывая магию в предметы. За это мы поклоняемся ей и учим поклоняться наших учеников.

Вы только поймите меня правильно, светлейшие господа. Я не желаю сказать ничего плохого про Семерых, в конце концов, даже демоны не все злы. Но мы никогда не узнаем, по-настоящему ли добры Дэнэбриэль и Ариант или они только с нами играют в добрых богов, на деле будучи обычными могущественными демонами. Покровительство богов обусловлено в первую очередь их выгодой.

— Однако же никто не слыхивал о демонах, которые искали бы поклонения!

— Потому что молитва — жалкая подачка. Чтобы сшить себе шубу, шерсти с одной овцы недостаточно. Но мы поклоняемся Восьми, и учим поклоняться наших детей. Нас много, и потому боги получают много энергии. А приبلудный демон — это вор, стремящийся поиметь выгоду с чужого стада и удрать. Воры не стригут чужих овец, а предпочитают уволочь овцу целиком, чтобы получить с нее гораздо более ценное мясо, а не

клок шерсти. Демон имеет дело с одним-единственным контрактором, и потому нуждается в крупном куске за один раз.

— Хорошо, — кивнул король, — твои знания говорят о маловероятности действительного вторжения демонов...

— Да поймите же, — устало перебил его маг, и на эту неучтивость уже никто не отреагировал, — что миры смертных и миры демонов — они разные, и действуют по разным законам. Возможно, что Создатель Всего, кто бы он ни был, нарочно так предусмотрел. И если б демоны могли беспрепятственно вторгаться к нам по своему желанию — они бы это делали. Но они не могут, точно так же, как вы, ваше величество, не можете завоевать рыбье царство. И причина проста — ваши солдаты не могут жить под водой дольше минуты. И даже если сейчас рыбий король, узрев нырнувшего пловца, созвал своих советников и обсуждает, какова вероятность вторжения на дно морское извне — мы-то с вами знаем, что вторгнуться к рыбам войной не можем...

— Мы поняли это, — терпеливо ответил Дэнбар. — Ладно, все устали и хотят спать. Последний вопрос. Как при встрече с демоном, например, в месте Источника, с ним бороться? Его возможно убить?

Баркан кивнул.

— Да, хотя я предпочел бы слово «уничтожить». Демон, заявившийся в полном аспекте, весьма могуществен, даже если он один из слабейших, но при этом любой из них — уязвим... относительно. Сразиться с демоном нелегко, они быстры, сильны, владеют могучими силами и моментально излечивают ранения. Простая сталь вряд ли поможет, однако меч, на который наложены чары рассеивания, будет действенным. Сгодится также любая боевая магия... Вообще — за такими советами обращайтесь к высшим эльфам, они вам лучше насоветуют. И есть еще один прием, трудный, но очень коварный. Находясь рядом с демоном, любой не-маг должен сотворить заклинание, чем мощнее, тем лучше. Тем самым он потратит окутывающую демона сырую магию, и тварь в лучшем для нее случае потеряет бездну энергии. В худшем — плоть с ее костей прахом осыплется. Есть только одна проблема... нет, две. Во-первых, демон не будет ждать, пока кто-то читает заклинание в паре шагов от него. Во-вторых, научить не-мага колдовать возможно только в Источнике.

Король устало вздохнул.

— Что ж, колдуну заплатить десять ойранов и утром отвезти обратно. Или нет. Двадцать ойранов, и отвезите немедленно.

Кархад мысленно заплодировал этому решению: спать, зная, что поблизости чернокнижник, не очень приятно.

* * *

Весь путь к Вечному Лесу занял три дня, и за это время Норлаш выучил заклинание пробуждения силы Сферы Королей наизусть: Кхейл заставил.

— Провал недопустим, любой риск необходимо исключить, — сказал он, — и потому ты должен выучить все на память, на случай, если книга будет утрачена.

Норлаш возражать не стал, хотя утрата книги, которую он хранил при себе и ночью подкладывал под голову вместо подушки, виделась ему предельно маловероятной. Потому на привалах он прилежно, словно новичок, зубрил заклинание, понимая, что и для него провал

тоже недопустим: прошло уже некоторое время с момента освобождения, а он все еще чувствует себя разбитым, больным и слабым. Ужасные оковы-душехваты сняты давно, но сама душа по-прежнему иссушена. И потому, если демон-захватчик потерпит неудачу и Сангарию не постигнет страшная участь, сам Норлаш отомстить своими силами не сможет вообще никак и, что еще хуже, запросто может заново угодить в Яму. Разумеется, чернокнижника такой ход событий совершенно не устраивал.

К тому же, была у него и еще одна мыслишка. Из глубин отравленного ненавистью сознания пробивался глас разума: помогая Кхейлу, он рано или поздно наложит свои костлявые руки на Сферу Королей, первый из людей, кому это удастся вообще. И вся колоссальная мощь эльфийских правителей будет в его распоряжении.

Что будет дальше? Этого Норлаш не знал, но был полон решимости узнать. Насколько сильнее он станет, заполучив такой артефакт, и нужен ли будет ему после этого демон?!

Пока что чернокнижник исходил из предположения, что он сам ничего не теряет, если вначале поможет Кхейлу протащить сквозь грань мира его войско, а потом уже можно будет действовать по ситуации. Самый интересный момент — жертвоприношение эльфийского правителя и пробуждение полной силы Сферы. Не исключено, что после этого Норлаш уже не будет нуждаться в демоне для возмездия, так как сможет принести его собственноручно куда захочет и когда.

Конечно, чернокнижник вовсе не считал Кхейла дураком: не бывает глупых демонов, и даже наименее умные и мудрые из них обладают колоссальным опытом. Демон-владыка, чемпион или просто вместилище, но Кхейл не даст себя так просто обвести вокруг пальца и сейчас почти наверняка догадывается, о чем думает Норлаш.

Размышляя над этим, чернокнижник выработал универсальный план действий. Он будет полностью следовать замыслу Кхейла, пока не пробудит силу Сферы Королей. Затем по плану он должен передать демону достаточно мощи, чтобы тот смог открыть свой портал, и Норлаш сделает это, находясь высоко в воздухе: с силой Сферы заклинания левитации и телепортации, доступные только очень сильным и искусным магам, да и то в форме ритуала, станут ему по плечу. Таким образом, Кхейл открывает портал, а чернокнижник сразу же телепортируется куда подальше со Сферой и той силой, которая в ней еще останется. Все честно, и каждый получает то, чего жаждет, причем демону, может быть, вообще все равно, что станет со Сферой после открытия портала.

Наконец, они прибыли и остановились лагерем за холмом, в часе ходьбы от владений эльфов.

— Они проводят свой ритуал в руинах древнего города, который совсем недалеко от границы, вот тут, — ткнул пальцем в карту Норлаш, — осталось только дождаться сигнала.

— Отлично, — ответил Кхейл. — Один марш-бросок и мы на месте.

Чернокнижник кашлянул.

— Есть одна проблема. Я не смогу войти под Сень Леса, не говоря уже о том, чтобы читать там какое-то заклинание.

— А мы и не будем ничего там читать, и ты тоже не нужен. Просто схватим правителя и Сферу и уйдем. И вот еще что. Для того, чтобы открыть портал, мне требуется место, где есть стоячая вода. Озеро. Это обязательное условие для ритуала.

— Я знаю такое место, — вмешался Малантус. — Вот тут, на границе Вечного Леса и Кадории, есть еще одни руины древнего города высших эльфов. И посреди него — озерцо, менее версты в поперечнике. Там можно встретить призраков, а то и чего похуже, но вам,

великий, это вряд ли помеха. Главное, что туда не достает Сень Леса.

— Годится. Далеко ли туда?

— Шесть дней пути, если быстро, но вообще семь-восемь.

Кхейл что-то подсчитал в уме.

— Окно возможности откроется через восемь дней и закроется через десять. Мы успеем, только если эльфы начнут свой ритуал не позднее трех дней. Или даже двух: когда останется восемь дней, придется атаковать наугад. К слову, а как мы узнаем, кто из них правитель?

— Проще простого. Все присутствующие будут в белых ритуальных одеяниях, но старый правитель, жертвующий свою душу, будет в пурпурном, а его наследник — в золотом. Тебе нужен любой из них. Только учти: эльфийские правители — сильнейшие маги, какие только ходили под этим небом, потому что верховную власть нельзя получить иначе, чем победив в боевом турнире самых сильных претендентов. Король эльфов — почти всегда сильнейший из них.

— Это не будет проблемой, — заверил Кхейл.

Долго ждать не пришлось: огромные трубы разнесли траурную мелодию на десятки верст той же ночью.

* * *

Наутро совещание продолжилось, но с заминкой: Р'Энкор ни свет ни заря зарезал человека прямо перед воротами королевского дворца, на виду у всего честного народа ударив его двумя кинжалами не меньше десяти раз в мгновение ока.

Само собой, что собрание в зале королевского совета было прервано, не успев толком начаться: Р'Энкор явился пред очи Дэнбара.

— А я тут при чем? — сказал он в ответ на гневные вопросы, — стража прекрасно видела, что я всего лишь защищался.

Кархад, как раз войдя в зал после допроса стражников по приказу короля, был вынужден это подтвердить: оба гвардейца показали, что убитый вышел из толпы, спешащей по утренним делам, и, проходя мимо Р'Энкора, который как раз возвращался во дворец, напал на него.

— Йоклол знает что творится, — посетовал в сердцах король, — какие теперь слухи пойдут?!

Дроу развел руками:

— Не желая показаться невежливым, мой повелитель, вынужден посоветовать вам привыкать. Вы сами виноваты.

— Ну-ка, поясни, — потребовал Дэнбар.

— Вы потрудились сообщить всему свету, что у вас на службе находится легендарный убийца, но упустили из виду, что за мою голову назначена большая награда в очень многих краях, и потому другие убийцы, а также сонмища дилетантов, будут стекаться в вашу столицу, надеясь в один момент разбогатеть. Молва приписывает мне множество убийств графов и принцев, но умалчивает, что преследующих меня охотников за головами я истребил еще больше. Однако жадные дураки всегда найдутся, и всех их вы сами пригласили сюда.

Король только печально вздохнул.

Кархад в дальнейшем обсуждении не участвовал, так как занимался формированием своего отряда и диктовал письма возможным кандидатам. Кроме того, его заботило, где бы найти знающего стряпчего в свою команду либо бывшего судью: пройдут годы, пока Кархад сам поднатореет в хитросплетениях законов и методов выведения на чистую воду нечистых людей.

Потом в честь послов был дан скромный, по королевским меркам, бал, и на него рыцарь отправился, главным образом, чтобы узнать итоги совещания, а также повидать Мирдану.

Но так уж вышло, что первым он повидал Р'Энкора.

Эльф, переодетый и загримированный, сам вышел ему навстречу и, сверкнув глазами, прошипел:

— Кто-то рассказал ее высочеству о недавнем происшествии в одной корчме. Это ведь ты постарался, не так ли?

Кархад ухмыльнулся:

— Да, я, и что? Судя по твоей недовольной роже, ее высочество на тебя... повлияла?

Дроу кивнул.

— Угу. Из нее получится отличная королева, потому что она умеет договариваться, еще похлеще ее отца.

— Вот как? И о чем же вы договорились?

— А это уже не твои заботы. И учти, я очень не люблю, когда в мои личные дела суют свой нос посторонние.

— Происшествие в корчме, когда ты злоупотребил законами по своему произволу, как раз меня и касается в первую очередь. По приказу короля твое «личное дело» — мое служебное.

— Помнится, года три назад я слышал похожие слова от одного чиновника в одной стране. А всего два дня спустя он умер от острого отравления. Сталью. Это не угроза: я никогда не угрожаю, но могу предупредить. А если предупреждение не действует — ну, пеняй на себя. Пока что ты мне нужен, но подумай о том времени, когда мы распутаем заговор, тем более что оно не за горами.

— Кстати, о нем, — сказал Кархад, проигнорировав угрозу. — Ты уже придумал новый план?

— Я уже знаю, кто человек заговорщиков при дворе короля.

— Ничего себе! — присвистнул рыцарь, сунул руку в карман, сжал в кулаке кристалл правды и ощутил знакомое покальвание. — И кто же?

— Я знаю это с точностью до восьми имен.

— Как это?

— Я могу назвать восемь имен, и заговорщиком точно будет кто-то из них.

— И кто они?!

Дроу покачал головой:

— Пока что я тебе не скажу, потому что ты начнешь действовать и обязательно все испортишь. Если бы это было возможно — я бы сам уже все решил, но король не простит мне убийства восьми дворян. Точнее, не простит семи невиновных, убитых вместе с заговорщиком.

— Как ты умудрился узнать это всего за одну ночь?!

Р'Энкор пожал плечами:

— Все было очень просто. Во дворец пришел тот, кто убил Сингуса.

— Как же ты его узнал, если никогда не видел? — опешил Кархад.

— У него с собой были метательные ножи. Конечно, спрятанные, но от моего взгляда не так просто спрятать оружие. Затем он встретился во дворце с одним из восьми дворян и тайно получил от него деньги. Таким образом, один из восьми — и есть заговорщик.

Кархад достал из кармана руку и взглянул на кристалл. Целый.

— Мне кажется, надо действовать, и то, что ты не желаешь мне рассказывать детали — выглядит подозрительно.

— Я и буду действовать, но пока без тебя. Видишь ли, я точно знаю, на кого из восьми ты подумаешь, если я скажу тебе все имена, и наверняка спугнешь настоящего заговорщика, если он — не тот.

— Откуда ты знаешь, что я подумаю?

— Потому что для тебя все будет очень очевидным. В вину остальных семерых ты не поверишь. Я назову тебе всего одно имя из восьми. Криштан Арканайский.

— Бред, он — вернейший из вернейших, и никогда...

— Вот о чем я и говорю. Я беспристрастен. Ты — нет. Для тебя граф Арканайский вне подозрений, но не для меня. Взгляни на ситуацию моими глазами. Я убивал не только подданных по приказу сюзеренов и сюзеренов по приказу подданных, но также отцов по приказу сыновей, сыновей по приказу отцов, братьев по приказу братьев. И любые твои эмоции и уверения в верности любого из восьми — смехотворны. Я знаю, что заговорщик встретился во дворце с одним из восьми дворян и получил от него деньги, и потому — все восьмеро под подозрением, пока я не получу точные сведения. Но для тебя семеро из восьми — вне подозрений, потому что, по твоему мнению, они, видите ли, не могут, они, видите ли, верные... Смех и только. В вас, людях, верности не больше, чем в нас, дроу. Я хотя бы всегда держу слово и выполняю уговор, несмотря ни на что, даже если мне это невыгодно, даже если мне это не нравится — я выполню уговор или умру в попытке. И уже одно это делает меня вернее, чем девяносто девять из ста королевских придворных.

Кархад вздохнул.

— Ладно. Что насчет метателя ножей? Если бы ты схватил его — дело было бы решено.

На лице эльфа появилась досада.

— Как бы тебе сказать... Я — мастер по части проникновений и убийств, и когда обнаруживаю слежку — предпочитаю убивать врага. Сбрасывать хвосты — удел пресмыкающихся, а не легендарных убийц. А вот тот тип оказался в этом мастером.

— Ты хочешь сказать, что упустил его?!

Р'Энкор развел руками:

— Увы. Даже легендарные убийцы не безупречны.

— Проклятье.

А про себя Кархад отметил, что у дроу, оказывается, есть профессиональное самолюбие. Полчаса спустя ему, наконец-то, удалось повидать Мирдану и станцевать с ней один танец.

— Я тут, между прочим, Р'Энкора встретил, — невзначай обронил он, когда музыка ненадолго смолкла и они перебрались к ближайшему слуге с подносом деликатесов, — вот и интересуюсь, как же ты с ним смогла договориться?

Принцесса пожалала плечами, весь ее облик выражал мысль «плевое дело»:

— Предельно просто. С Р'Энкором договариваться проще, чем с кем бы то ни было еще, потому что все его потребности упираются в две вещи: деньги и уважение.

Кархад скорчил подозрительно-скептическую мину:

— Боюсь, он водит тебя за нос. У нас с ним чуть раньше состоялся очень откровенный разговор, без масок и лицемерия, и он прямо признал, что не нуждается ни в каком авторитете среди людей, потому что презирает и ненавидит нас. А насчет денег — помнишь случай с ядом? Спасти Фэйда за деньги он отказался. То, что Р'Энкор говорит тебе, расходится с его поступками. А происшествие в корчме? Он воспользовался полученными привилегиями, чтобы досадить горожанам. Да, он нуждается в деньгах — но не много сразу, а постоянно понемногу, это он тоже сказал прямо, и жалованье, которое ему платит твой отец, вполне покрывает его расходы...

Мирдана глотнула из бокала охлажденного шербета и возразила:

— Зри в корень, Карх. Жалованье покрывает его расходы, потому что он живет в подвале. Не в роскошном флигеле, как ты, и не на антресольных этажах, а в сыром подвале. У нас слуги, и те живут в более комфортных помещениях.

— Так он ведь подземник, и...

— Думаешь, он не хотел бы жить в собственном особняке? Р'Энкор любит комфорт не меньше нас с тобой, но живет в подвале, потому что человеческое сообщество его принимать не хочет... пока. Он хотел бы иметь слуг, но кто наймется прислуживать дроу? И уважения тоже хочет, потому что ненавидит он людей или нет, но предпочел бы, чтобы к нему обращались по имени и титулу, который у него, сына знатного Дома, все же имеется, а не «эй, ты, поганый дроу». Так что предмет для переговоров есть. Если он будет вести себя по-человечески — сможет рассчитывать и на особняк, и на слуг, и на уважение. Именно это я ему и растолковала: я не смогу найти для него уютное место в нашем обществе, если он будет зловредничать и давать волю своей неприязни.

— Угу, как же... Я все никак не могу забыть его перекошенную ненавистью рожу, а ты — по-человечески...

— Его ненависть вторична. Он ненавидит людей за то, что люди ненавидят его. Очень легко, просто и естественно ненавидеть того, кто ненавидит тебя. И принцип этот работает в обе стороны. Если заставить его держать себя в узде — со временем к нему привыкнут, это сейчас идея о дроу, заседающим за общим столом с другими дворянами, вызовет резкое неприятие. Лет через десять все может измениться.

Кархад вздохнул.

— Р'Энктору — дворянство? Не перегиб ли это?

— Вот о чем я и говорила.

— Но почему?!

— Потому, что мне свойственно чувство благодарности. Не так давно он спас папу, тебя, Криштана, Фэйда и Баннарда от мучительной смерти...

— За деньги.

— Вот именно, что всего лишь за деньги, — возразила принцесса. — А я могу тебе назвать за последние сто лет нашей истории полсотни случаев, когда рыцарский сан, дворянство, почести и богатство люди получали за гораздо-гораздо меньшее.

— Так то люди — а это дроу, неблагодарное и жестокое создание.

Мирдана проглотила кусочек пирожного и взглянула на Кархада в упор:

— Неблагодарный злой дроу, говоришь? Р'Энкор спас в том числе и тебя, твоя собственная благодарность где, благодарный ты наш?

— Ладно, тут мне крыть нечем, — признал рыцарь, — и пора бы себе уже намотать на

ус, что переспорить тебя никогда не удастся...

— Это потому, что когда ты учился ратному мастерству, меня посещали учителя философии и мудрости всемирной. Я кое-что смыслю в ненависти и благодарности человеческой.

Рыцарь снова вздохнул и выбрал с подноса пирожное с сыром и фруктами.

— Я только лишь напомню, ни на что не намекая и не жалея продолжать проигранный мною спор, что Р'Энкор — не человек. Ни на йоту.

— Его любовь, скорбь и ненависть — точно такие же, как и наши.

Кархаду не осталось ничего другого, как сменить тему разговора.

А прямо посреди пира случилась беда.

Вначале появился эльф в сопровождении нескольких слуг и был доставлен к королю. Затем Дэнбар ушел, а четверть часа спустя раздался тройной сигнал призыва.

Кархад явился незамедлительно и занял свое место с краю, подозревая неладное по мрачному лицу короля, вскоре появились и другие дворяне, а также посол Кадории.

Когда все главные советники и соратники оказались в зале, Дэнбар, барабаня пальцами по подлокотнику трона, сказал:

— Итак... Эльфам пришла весть от их сородичей в Далмаде — они магией передают сообщения — а светлейшие решили поставить в известность и меня... Таинственные воины успели добраться в Далмаду и атаковали Ламедию. Клейдан собрал в столице и возле нее практически всю свою армию, но это ему не помогло: город был взят штурмом.

Со всех сторон посыпались вопросы и возгласы, быстро переросшие в бедлам, потому королю пришлось несколько раз ударить рукоятью скипетра о подлокотник, чтобы навести в зале порядок.

— Эльфы видели, как «якобы демоны» разгромили войско Далмады, развалили часть стены магией и вошли в город, после чего над Ламедией появились дымы пожарищ. Однако вскоре отряд ушел оттуда и двинулся куда-то еще. Вот, собственно, все, что они знают. А, и еще. Демонический отряд передвигается на телегах, но есть в их караване и одна карета. Видимо, для командира.

— Тот же образ действий, что и в Зоданге, — заметил граф Арканайский, — зашли и вышли. В Каэр Зодан они перебили храмовников и спасли чернокнижника. А что они сделали в Ламедии? Ради чего им было входить и сразу уходить? Что там есть такое, что может заинтересовать тех, кому ранее понадобился чернокнижник Норлаш?

— Хороший вопрос... Посол, может, ты знаешь?

Тот только развел руками:

— Как я могу знать, чего нужно демонам?

Тут один из стражников кашлянул в кулак.

— Позвольте слово молвить? — раздался из-под забрала вкрадчивый голос Р'Энкора.

— Говори.

— В Ламедии имеется гильдия жадных и трусливых магов, подконтрольных Клейдану. В том смысле, что они владеют обширной библиотекой колдовских книг, которые считают запретными. Сами боятся использовать и другим не дают.

— Откуда ты это знаешь? Сама гильдия ни для кого не секрет, но откуда знаешь про библиотеку?!

— Меня однажды наняли украсть оттуда пару книжек.

— И... как ты это сделал?

— Зашел, взял и ушел. Недоумки даже не поняли, что я к ним в гости заглядывал. Это был первый контракт в моей жизни, когда не надо было никого убивать, но платили хорошо, вот и согласился.

Король задумчиво подпер голову кулаком.

— И как ты думаешь, что понадобилось там нашим демонам?

Дроу развел руками:

— Я не библиотекарь, потому не знаю, что там у них вообще есть. Нужные книги искал по титульному листу, а все остальные названия мне ни о чем не говорили.

В этот момент от двери донесся голос Вайтреллинэля, придворного мага:

— Зато я, кажется, знаю. Как уже сказал гребаный дроу, там полно книг с весьма опасными знаниями, но те же знания все равно гуляют по рукам в виде копий книг или книг других магов. Так что вся их затея с запрятыванием запретных, по их мнению, манускриптов — пустая трата сил. Но одна книга, особенная, у них есть. Я вспомнил о ней, когда прозвучало имя Норлаша... Один чернокнижник, учитель учителя Норлаша, написал труд о магии высших эльфов, в том числе и о том, как пользоваться Обителью Достойных... Сферой Королей, другими словами. Эту книгу мало кто видел воочию, и копии не существуют. Все сходится. Нападающие вытаскивают Норлаша, получив от него знания о книге, затем ломаются по прямой в Ламедию и, надо думать, книга уже у них. И если я прав, то цель этих демонов — самый могущественный артефакт в мире.

Он резко повернулся и пошел прочь.

— Постой, ты куда?

— Надо предупредить эльфов из Эйнтэлл Тайон!

Король забросил ногу на ногу и подпер голову кулаком.

— Вот оно, значит, что... Итак, есть у кого идеи?

Кархад в дальнейших прениях не участвовал. Во-первых, ему нечего было сказать, во-вторых, он не очень-то и верил в происходящее. Демоны — в Сангарии? Разгуливают себе, словно смертные, крошат столицы... Такую картину Кархад себе представить мог, но представить — это одно, воспринять всерьез — другое.

В конечном итоге королевский совет закончился почти полным согласием: надо что-то делать, причем всем, потому что армия одной отдельно взятой страны, видимо, не справится. Было решено рассылать послов и договариваться о совместных действиях, в том числе даже с Клейданом.

— А если откажется, — заметил по этому поводу Дэнбар, — я ничтоже сумняшеся захвачу его столицу, самого Клейдана повешу на стене его дворца, а остатки его армии заставлю подчиниться. После подосланного им отравителя у меня на это есть полное право, так что пускай выбирает, с нами он или против нас. Нам сейчас каждый полк важен.

В целом же, ситуация выглядела обнадеживающей. Кадория и Талсидония вместе — огромная сила, Зоданга, скорее всего, присоединится, Далмада — тем более, а высшие эльфы из Вечного Леса в этой ситуации вообще лишены выбора, потому что именно они — следующая цель демонического отряда. Конечно, звучали резонные опасения, а не справятся ли демоны с ними еще до того, как удастся собрать войско, однако мало кто представлял себе, как можно вторгнуться под губительную Сень Леса да еще и воевать там против сильнейших магов, имеющих в своем распоряжении источник запредельной силы. Потому в самом конце несколько мудрых людей высказали мысль, что сообща всем вместе, людям и эльфам, новая угроза будет вполне по плечу.

После совета, когда все начали расходиться, король сделал некоторым, в том числе и Кархаду, знак остаться.

— Кархад, для тебя у меня есть задание. Может случиться что угодно, поэтому рано поутру ты возьмешь кавалерийский отряд и отвезешь Мирдану обратно в Ланзендэлл.

— Слушаюсь, мой король, — поклонился рыцарь.

— Рискованно, мой повелитель, — возразил вездесущий Р'Энкор, — стоит ожидать на наших землях множество беженцев, и, учитывая необычайную опасность, я бы не удивился, если в Далмаде или Зоданге дезертирует целое подразделение. Стоит опасаться крупных разбойничьих ватаг, для которых заложница королевской крови — очень лакомый кусок.

— Хм... И что ты предлагаешь?

— Малый отряд,двигающийся безлюдными путями и малоизвестными тропками. Никаких карет с королевскими вензелями, никакой толпы слуг и свиты. И, разумеется, только самые доблестные и искусные рыцари в сопровождении. Ее высочество весьма неплохо держится в седле, если она наденет обычный кавалерийский плащ и шлем — сойдет за одного из воинов. На отряд, состоящий только из воинов, без охраняемой высокой особы, разбойники не нападут, потому что риск велик, а добычи — кот наплакал. Какая добыча с солдат?

— Ты издеваешься?! — возмутился Кархад. — Принцесса — в седле?! Без кареты?!!

— Трудные времена — трудные для всех, — пожал плечами эльф. — Малый отряд,двигающийся там, где разбойникам делать нечего, по путям, о которых никто не знает — самый безопасный способ доставить ее высочество в Ланзендэлл. Но решать, конечно же, не мне.

— О каких путях ты говоришь? — уточнил король.

— Через горы на северо-востоке. Там можно срезать так, что путь в Ланзендэлл займет на два дня меньше, чем если по тракту через Рэн ехать. Мне сложно рассказать это словами, но я постараюсь начертить схемы и объяснить несколько маршрутов человеку, которого вы поставите во главе отряда.

Король чуть призадумался, затем внезапно сказал:

— Ты поедешь вместе с Кархадом и проведешь отряд.

— Как прикажете, — поклонился Р'Энкор.

Кархад не стал возражать королю при дворянах, но в коридоре набросился на эльфа:

— Это была отвратительная идея! Если мы оба отправимся — при короле вообще не останется никого, кто знает о заговоре!

Р'Энкор снисходительно хмыкнул:

— Первое: грядут важные переговоры с другими странами, у Дэнбара есть авторитет, переворот прямо сейчас чреват осложнениями. Второе: все взвинчены, все начеку, покушение сейчас таит в себе непредсказуемые последствия. И третье... Король — твое настоящее, но ее высочество — мое будущее. Приказ короля как нельзя более кстати, потому что гибель принцессы при любом раскладе ставит крест на моих далеко идущих планах. В то же время смерть короля при живой принцессе для меня лично плохих последствий иметь не будет, при условии, что сам я буду в этот момент оберегать именно принцессу.

— Циничный ублюдок...

— Я знал, что ты это скажешь.

Торубаэль никогда не видел ритуала Приношения и совершенно об этом не жалел. Провожать своего князя в последний путь — не самый приятный долг. Предыдущее приношение состоялось еще до рождения Торубаэля, а теперь он — командир карателей, и его долг охранять священный город, дабы никто не посмел прервать ритуал.

В общем, более благовидного предлога не придумать. И это действительно не более чем предлог, потому как сама охрана — чистейшая формальность: в Приношении участвуют сильнейшие маги Старшего народа, и даже если среди людишек найдется безумец, готовый вторгнуться под губительную Сень Леса — в священном городе он напорется на самых сильных магов из всех, ныне живущих.

И потому вместо боевого оцепления вполне можно было бы расставить дорожные указатели с надписью: «Человек! Там впереди — несколько десятков самых сильных магов эльфийского народа и сотни чуть менее сильных. Ты точно уверен, что тебе туда надо?»

Часовые сохраняли траурное безмолвие, и сам лес был тих. Старый князь уходит в тишине — в добрый путь, да пребудет его душа в вечном покое среди предшественников и других достойных. По крайней мере, Торубаэлю хотелось, чтобы это было так: ведь на самом деле он понятия не имеет, что ожидает душу того, кто приносит ее в жертву Сфере: уже давно забыто, как устроен артефакт, ставший памятником великому прошлому Старшего народа.

Размышления Торубаэля прервал товарищ, сделав безмолвный знак: «слышишь?».

Он прислушался и кивнул. Лязг металла, очень похожий на звон брони, скрежет металла о металл — все это доносилось со стороны опушки, причем не точно, а с достаточно широкого пространства перед стражами. Похоже на большой отряд или колонну, к тому же звук становился все громче и громче.

Торубаэль взмахнул рукой, передавая в обе стороны по цепи команду подготовки к бою. Кто бы это ни был, его ждет большой сюрприз. Эльфы занимали позиции, прячась за стволами вековых деревьев.

Звон и лязг стремительно нарастал, к этим звукам добавился треск, словно огромный железный медведь ломится сквозь кустарник. Видимость в густом лесу невелика, что эльфы всегда мастерски использовали против людей, однако в этот раз случилось наоборот.

Когда между деревьями начали мелькать исполинские фигуры в чудовищных доспехах, Торубаэль понял, с кем им придется иметь дело. Что обескуражило его еще больше, нежели сам противник — так это его боевое построение.

Глупые людишки, пытавшиеся воевать против эльфов, всегда совершали одну и ту же ошибку: привыкшие драться толпой на толпу, они старались и в лесу поступать так же. Но плотный строй в густой чаще неизменно приходит в беспорядок, а беспорядок сменяется толчеей и паникой: люди не выносят хаоса, ведь каждый из них сам по себе ничего не стоит. Человек сражается, только чувствуя слева и справа от себя своих товарищей, но стоит чувству локтя пропасть — и эти полуживотные неизменно оказываются в ужасе. Упорядоченный строй в их понимании — признак того, что все идет по плану, если строй распался — значит, все пропало... Люди, что с них взять?

С точки зрения эльфа или орка, битва есть хаос. В ней не может быть порядка, ведь она сама есть противоположность порядку. Именно в хаосе сражения проявляются лучшие черты

война, именно в нем оттачивается мастерство, именно тут больше всего значит личная доблесть. Но у людей мастерства как такового не бывает, потому что десятков и сотен лет на обучение и тренировки у них нет. Напротив, всякий король или граф, на вербовав рекрутов в свое войско, стремится как можно быстрее научить их простейшим неуклюжим движениям, построить их в большую ватагу ровными рядами и швырнуть против другой такой же неумелой оравы. Именно поэтому единственный способ боя людей — противопоставить умелому врагу слаженные совместные действия. Это, безусловно, работает, но только пока строй не смешан и не разбит. Стоит внести в ровные ряды человеческого войска хаос и беспорядок, как сражение превращается в резню.

Но в этот раз все с самого начала пошло по-другому.

Громадные воины, громахая броней, неслись во весь опор таким же строем, какой предпочитают эльфы, редкой цепью. И уже по одному этому признаку Торубаэль определил: в этот раз ему противостоит враг, который тоже делает ставку на личное мастерство каждого бойца.

Он прижал к губам боевой рог и протрубил боевой сигнал. Стражи Старшего народа бросились вперед в молчаливой сосредоточенности. В бою мастерства против мастерства побеждает более собранный, холодный ум.

Стремительно несясь в атаку, Торубаэль отметил, что и враг атакует молча и сосредоточенно.

Земля дрожала от тяжелой мощной поступи, две цепи — чуть более густая эльфийская и редкая вражеская — сближались с огромной скоростью. Торубаэль уже видит глаза под массивным забралом, кожей ощущает экспрессивную мощь, проглядывающую в каждом движении воина в титаническом доспехе.

Пора!

Он перебрасывает одну саблю в левую руку, правая рука простерта вперед. Короткая волевая формула — с пальцев срываются изломанные молнии и впиваются, словно жала, во вражеский нагрудник.

И ничего не произошло. Противник даже не почувствовал сокрушительного удара, которым Торубаэль обычно убивал людишек наповал, он все так же целеустремленно несясь вперед, заноса тяжелый топор.

Удар! Торубаэль просел на бегу, подскользнул по траве под замах и мимо противника, полоснув его наудачу клинком по нагруднику и вскочив на ноги у него за спиной. Он ожидал чего угодно, от моментального разворота до кругового удара, но просчитался. Враг, не замедляя бег, двигался в том же направлении, что и раньше, только теперь уже от Торубаэля.

Он моментально сотворил заклинание и телепортировался вперед, снова преградив противнику путь, ему на подмогу метнулся еще один каратель.

Однако титан навязываемого ему боя не принял. Он легко подпрыгнул в воздух и буквально перелетел обоих стражей, приземлился у них за спиной и как ни в чем не бывало помчался дальше. Торубаэль, собрав все силы, телепортировался так далеко, как мог, едва не попал под удар другого титана, а когда восстановил равновесие долей секунды спустя — враги уже уходили прочь со скоростью, с какой вряд ли кто из двуногих мог бегать. Орки еще потягались бы с ними, но не эльфы.

Он быстро окинул взглядом поле несостоявшегося толком боя и убедился, что везде происходит то же самое: противник боя не принял, прогнав со своего пути стражей или просто обойдя их, и теперь стремительно удалялись, двигаясь по направлению к священному

городу и не обращая внимания на несущийся вдогонку ливень стрел. Эльфы потеряли в этом несостоявшемся бою всего одного воина, который не сумел уклониться от сокрушающего удара.

Торубаэль протрубил сразу два сигнала: сигнал опасности, чтобы предупредить тех, кто находится впереди, и команду к преследованию для своих воинов. Враг поставил себя в положение между молотом и наковальней: спереди сильнейшие маги, сзади преследующие воины. Осталось только захлопнуть западню.

Он махнул рукой в том направлении и побежал, не выпуская из рук оружия, вслед за исполинскими воителями.

А с другой стороны — это его личный провал. Торубаэль не сумел должным образом уберечь покой священного ритуала, но по этому поводу он будет делать выводы позже.

* * *

Массивные трубы выводили своими низкими голосами медленную мелодию, одновременно и траурную, и праздничную. Князь уходит, чтобы присоединиться к предшественникам, чтобы соединить свою силу с их силой. Чтобы оберегать свой народ и служить ему даже в посмертии. С одной стороны, это глубокая печаль, но с другой — в этом трауре залог будущего. Именно им питается и из него произрастает та нестигаемая воля к жизни, благодаря которой Старший из народов все еще жив и, даже будучи запертым на крошечном клочке земли и леса, все еще лелеет планы, которые позволят ему восстать из руины и пепла и снова занять свое законное место, снова владеть и править землями от внутреннего моря до внешнего.

Келленсилль стоит на коленях в среднем круге ритуальной площадки и смотрит в спину отцу. Она простилась с ним несколькими минутами ранее, и больше уже его лица не увидит. Старый князь медленно поднимается по ступенькам алтаря, на вершине которого тускло поблескивает черная жемчужина размером с голову, оправленная в металл, покрытый рунами.

Действительно ли была Обитель Достойных огромной жемчужиной, уже точно никто не помнил, не сохранилось также и сведений о том, как она создана и как работает. Древние мастера, сотворившие один из трех величайших артефактов, либо не оставили потомкам сведений о своем мастерстве, либо потомки эти сведения попросту не сохранили.

Келленсилль всегда хотела узнать, что ждет жертвующего. Легенды гласят, что там, внутри сферы, души великих князей и могучих магов задерживаются, чтобы не уходить в послежизнь, а таким вот образом остаться в мире смертных, сохранив для потомков свою колоссальную волшебную силу. Многие полагали, что если прислушаться возле Сферы, то можно услышать голоса заключенных внутри древних князей и магов. Были и куда более зловещие версии, изображающие Обитель Достойных совсем не как последнее пристанище для душ, а скорее как пожирателя оных. Однако Келленсилль относилась к подобным предположениям скептически: вряд ли великие мудрые предки замарались бы созданием настолько мерзкой вещи.

Так или иначе, но отец уходит, и если молодая княгиня когда-нибудь еще с ним встретится, то это случится не скоро, а только когда придет ее собственный черед взойти на алтарь в алых одеждах жертвователя.

Три круга магов запели, начав читать магическую формулу, запирающую дух старого князя в условной сфере вокруг Обители, еще один, самый ближний круг, начал читать формулу фокусировки. Тем самым уходящему жертвователю буквально прокладывалась эфемерная дорога в его новую обитель, ему осталось только войти, прочитав древнее заклинание.

Князь Кэлнителльт возложил руки на гладкую поверхность древнего артефакта и ровным, недрогнувшим голосом принялся читать магическую формулу. Келленсилль закусила губу, чтобы не заплакать: она слышит голос отца в последний раз.

Замерло все. В вышине затихли, не смея подать голос, птицы, умолкли сверчки, даже ветер остановился в ветвях деревьев, не смея отвлекать уходящего правителя Старшего народа от чтения последнего в его жизни заклинания.

А затем — вспышка. Келленсилль знала, что она будет, эта вспышка, но все равно вздрогнула, когда исходящее от Обители свечение разом усилилось, окутав фигуру отца, и пропало.

Над священной поляной повисла мрачная, печальная тишина. Вот и все. Церемония практически окончена.

Собравшиеся еще ждали. Вот повеял ветерок, и Келленсилль, неотрывно глядя в спину отца, увидела, как его фигура начинает рассыпаться. Вот отвалились и превратились в прах руки, тают под легким дуновением голова и плечи.

Келленсилль поднялась с колен и легким жестом создала у алтаря миниатюрный смерч, который тот же миг подхватил прах ушедшего князя и поднял ввысь.

— Стань лесом! — крикнула княгиня. — Стань лесом и узри, как мы будем жить! Как мы вернем себе наше бывшее величие! Отец, князь Кэлнителльт, я принимаю твою ношу, и ты, став деревом, цветком, ветром, увидишь, как я ее пронесу! Мир тебе, слава и память!

Вот и все. Теперь все бремя ответственности за древнейший народ — на ее плечах. Осталось лишь провести ритуал усиления магии, что хранит Вечный Лес и древний народ.

И в этот момент откуда-то издали донесся шум, из которого ухо Келленсилль выделило лязг металла, крики и отрывистые команды.

— Это еще что такое? — приподняла она бровь.

— Уши мои уж не те, да и всегда были не те, — ухмыльнулся стоящий за спиной Лорринайнэн-Полукровка, — но, кажется, кто-то совершает смертельную ошибку.

Тут вдаль меж деревьев полыхнуло пламя, и княгиня осознала, что дело предельно серьезно: Сень Леса не позволит колдовать никому, кроме эльфов, а уж если эльфы в родном лесу пускают в ход огненные заклинания...

Келленсилль телепортировалась к алтарю и подхватила с него сферу: сейчас тот, кто посмел вторгнуться в святая святых ее народа, горько об этом пожалеет.

— Вперед! — приказала она, указав направление правой рукой, и сама же первая телепортировалась туда, где, судя по нарастающему шуму, завязалась битва.

Она сразу же оказалась перед несущейся лавиной, так ей показалось. Огромные воины в варварски украшенных доспехах рвутся вперед, невзирая на сопротивление Стражей и воинов, а также значительного числа магов. И, впрочем, скорее тут уместно сравнение с горным потоком: атакующих слишком мало, чтобы сметать все на своем пути, потому они стремительно продвигаются вперед подобно воде, которая не смывает нерушимые препятствия, а просто огибает их и продолжает стремительный бег вперед, к своей цели.

Вот прямо на глазах княгини один исполин бросается на шеренгу стражей. Стражи с

грацией, дарованной сотнями лет тренировок, размыкают строй, чтобы сомкнуться у противника за спиной и окружить, но враг внезапно отталкивается ногами от земли. Он перелетает строй Стражей, оставляя их в полном недоумении, приземляется и продолжает нестись вперед, прямо на княгиню. Келленсилль встречается с его глазами, поблескивающими из щели забрала, огромный воин смотрит на нее лишь мгновение, а затем с зычным криком вытягивает вперед руку, указывая на нее.

И вся эта ватага — около сорока бойцов — бросается прямо на княгиню.

Келленсилль презрительно улыбнулась, словно утес посреди моря, на который идут корабли, и произнесла заклинание. Ослепительная дуга молнии сорвалась с ее пальцев и впилась в массивный нагрудник ближайшего врага.

И ничего не произошло. Вместо того, чтобы рухнуть замертво, источая смрад горелой плоти, титан продолжал целеустремленно надвигаться.

Но еще до того, как Келленсилль осенила внезапная догадка, по полю боя пронесся крик:

— Противомагические доспехи!!!

Поиски ответа на вопрос, откуда неизвестные воины, не уступающие в размерах оркам и превосходящие последних по подвижности, взяли броню, способную защитить от настолько мощной магии, как молния сильнейшего мага из живущих, Келленсилль оставила на потом. Вот замшелый валун подле нее, весом в пару пудов, он подойдет. Что неуязвимо для магии — то все равно можно сразить, только не напрямую. Магия психокинеза прилагается к камню, камень летит в цель и наносит ей совершенно немагический, механический удар. Лови, наглый враг!

Однако произошло немислимое. Атакующий воин просто отбил летящий в него валун кулаком, закованным в латную перчатку, и даже не пошатнулся. И тогда княгиня поняла, что это не орки, и уж тем более не люди, а кто-то, ранее в Сангарии невиданный.

Ручищи почти сомкнулись на ней, но Келленсилль легко и непринужденно телепортировалась далеко вперед, за спины нападающих. Ситуация, конечно, крайне необычная, но эти могучие воины глубоко ошибаются, если думают, что могут войти в Вечный Лес без спросу.

Точнее, войти-то как раз может кто угодно, вся штука в том, чтобы опосля выйти обратно живым.

Находясь позади от водоворота сражения, Келленсилль окинула происходящее взглядом. Очевидно, с таким противником никому из эльфов еще не приходилось встречаться, и некоторые воины и Стражи уже поплатились за попытку воевать как обычно, но их смерти и ошибки мгновенно усвоены остальными. В какой-то миг установилось равновесие: обладая колоссальным превосходством в силе, неуязвимые к магии враги увязли в бою, словно медведи, которых атакует волчья стая, причем очень слаженная стая. Потеряв из виду княгиню, они растерялись, словно утратили цель, к которой двигались. Никаких сомнений, они пришли за артефактом, больше им тут искать нечего.

Однако враг очень быстро разобрался, что к чему, и вся ватага вновь ринулась на княгиню, не обращая внимания на сыплющиеся со всех сторон стрелы и заклинания.

Келленсилль мысленно подвела итог. Прямое воздействие магии — ее магии, а не какой-нибудь!!! — не эффективно, брошенный психокинезом валун отбит кулаком. Это обескураживало: живешь пару столетий с мыслью о том, что можешь размазать кого угодно легким движением руки, и тут внезапно оказывается, что не тут-то было... Разумеется,

досадовать она будет чуть позже, а пока... Что ж, тяжелый валун вы, пришлые титаны, отбиваете, а как насчет этого?

Стремительный смерч образовался прямо перед Келленсилль, покорный ее воле. Она усилила его так, как могла, а затем еще немного подпиталась из Обители. Теперь держитесь!

Бегущие к ней полумесяцем титаны молниеносно разомкнули строй, но смерч, вырывая из почвы кусты и куски грунта, метнулся в сторону и буквально поглотил ближайшего воина. Келленсилль лишь щелкнула пальцами, заставив заложенные в чарах формулы на миг остановить смерч — и пойманный титан, словно выпущенный из катапульти, улетел куда-то между кронами деревьев.

Она снова телепортировалась в сторону и передвинула смерч вслед за ближайшим противником, следя, чтобы не подхватить кого-то из своих Стражей.

— Ну как вам?! — крикнула она. — Зря вы пришли сюда без приглашения!

В этот миг сквозь шум битвы к Келленсилль прорвался предостерегающий окрик одного из магов. Княгиня обернулась и увидела совсем близко от себя двоих титанов с огромными черепами на нагрудниках, их пальцы в латных перчатках, украшенных знакомого вида рунами, протягиваются к ней... Какая наглость!

«Бич земли», налитанный не только силой самой Келленсилль, но и мощью Обители, подбросил обоих нападающих в воздух с такой силой, что и она сама пошатнулась, а вместе с врагами — множество мелких комочков грунта. Вот эти-то комочки княгиня использовала вместо камня, разогнав их до огромной скорости и направив в титанов. Сплошное облако грунта и пыли — не камень, ударом кулака не отобьешь — и вот оба, кувыркаясь, улетают в кусты.

Келленсилль еще успела подумать, что защититься от магии можно, а от искусного и хитрого мага — нельзя, когда сбоку в нее швырнули какую-то темную массу, которая на лету развернулась в сеть с шариками на концах и пластинками на узелках. Княгиня попыталась психокинезом отбросить сеть туда, откуда она прилетела, но заклинание, которому подчинена любая неживая материя, внезапно не сработало.

Сеть с чарами антимагии, предназначенная для применения против магов и, скорее всего, способная помешать магу колдовать. Келленсилль поняла это еще до того, как в ее душу впилась мириада незримых кинжалов, и даже успела увидеть летящий ей в голову стальной кулак.

* * *

Торубаэль услышал отчаянный вопль «Княгиня похищена!» одним из первых, но все же не сразу начал отдавать себе отчет в масштабах катастрофы, не было у него на это времени. Каратели и Стражи, а вместе с ними маги и вообще все присутствующие бросились вперед в едином порыве, стремясь сокрушить врага любой ценой, но нападающие внезапно развернулись и устремились прочь, унося свою добычу и не желая более вступать в бой.

Бросившимся в погоню воинам преградили путь лишь двое титанов, всем своим видом показывающих, что они не собираются спасать собственные жизни. Для орка или эльфа такая преданность — обычное дело, для людей или дроу... вряд ли.

Торубаэль взмахнул рукой, давая команду. План его прост: часть бойцов займется этими двумя, остальные обойдут их и продолжат погоню.

Один из них отдышал, опершись на свой огромный топор, второй ринулся вперед, прямо на Торубаэля. Торубаэль коротко свистнул, подавая сигнал «я приманка», и метнулся к ближайшему дереву. Огромный меч чуть уходит назад — а затем летит по дуге со скоростью молнии. Именно этого Торубаэль и ждал.

Он пригнулся с ничуть не меньшей скоростью, клинок влетает в ствол, шестеро или семеро Стражей уже бегут со всех сторон, чтобы атаковать титана, пока тот будет вытаскивать застрявшее оружие, они уже буквально летят на него, заноса острые сабли...

Чудовищный меч прошел над головой Торубаэля, врезался в дерево и прошел сквозь него, а затем огромный воин завершил свое движение полным оборотом. Четверо Стражей были разрублены одним-единственным горизонтальным круговым ударом. Верхняя часть туловища одного из них шлепнулась прямо к ногам Торубаэля.

Долю секунды лидер карателей пытался совладать с растерянностью и потрясением, а затем титан, которого так и не коснулся чей-либо клинок, уронил свое оружие, качнулся и замертво рухнул ничком.

И тут второй титан, отбросив свой топор, достал нечто, похожее на кольцо, обмотанное проволокой или веревкой. Ринувшиеся к нему Стражи и каратели вначале остановились, затем попятились. А затем титан буквально засветился изнутри.

Торубаэль почувствовал адское дыхание невыносимого жара на своем лице и тоже попятился. Вспыхнула трава и ветви ближайших деревьев, пожар стремительно побежал в стороны от центра, которым и был огромный воин.

Лишь оказавшись на безопасном расстоянии, Торубаэль оглянулся и увидел, как медленно падает объятая пламенем фигура. А пожар, пожрав того, кто его породил, перекинулся дальше, и только несколько минут спустя подоспевшим магам удалось его потушить совместными усилиями.

А затем неторопливо рухнуло перерубленное многовековое дерево.

Преследовать беглецов, уносивших княгиню, было уже бесполезно: не догнать. Слишком быстро бегают, не хуже орков.

Торубаэль безмолвно смотрел им вслед, подводя короткий итог себе как командиру: фиаско. Он позволил врагу ворваться в святая святых древнейшего народа и забрать самое дорогое: и молодую княгиню, и Обитель Достойных. Вся мощь эльфийских князей теперь в руках неизвестного врага, в то время как сами высшие эльфы, оставшись без того, что защищало их последние тысячелетия, попросту обречены.

Постепенно к полю боя подходили все новые и новые эльфы, не только маги, которые должны были провести ритуал, но и охрана с дальних постов, а также все, кто был поблизости. Те, которые еще не понимали, что случилось, пытались расспрашивать остальных, а кто понимал — молчал. Подавленное, потрясенное молчание властвовало вокруг, казалось, смолкли даже птицы.

Торубаэль медленно повернулся к своим солдатам и капитану Стражей:

— Полагаю, мы должны отправиться следом и вернуть княгиню и Обитель, чего бы это нам ни стоило... Но пусть командование примет кто-то, более... компетентный. Я больше не могу вести кого бы то ни было, все произошедшее — мой провал...

— Чушь! — сказал кто-то сзади, и Торубаэль узнал голос Лорринайнэна Полукровки. — Это совершенно не твоя вина, ведь мы столкнулись с чем-то, выходящим за пределы нашего понимания...

— Я бы предложил после разобраться, кто виноват, важнее решить — что делать? —

сказал один из старых советников Кэлнителльта.

— Отличная мысль, — одобрил Лоррилайнэн, — и потому я бы предложил для начала всем слушать, что я скажу, поскольку до возвращения княгини замещать ее буду я. И не потому, что я был ее единственным противником на турнире, а потому, что ты пока только хочешь решать, что делать, а я это уже решил.

Ему никто не возразил, и Торубаэль внезапно подумал, что, может быть, час древнего народа пробил: они все бесконечно потрясены тем, чего никогда раньше не случалось, чего раньше и помыслить никто не мог, и единственный, кто внезапно не растерян — полуэльф-получеловек. Знаковый факт. Впрочем, Лоррилайнэн — мудр и проницателен, этого у него не отнять, а раз так — Торубаэль готов выполнять чьи угодно приказы, если это позволит ему исправить собственную ужасную промашку.

— Во-первых, давайте посмотрим, кто на нас напал, — принялся отдавать распоряжения маг, — во-вторых, Торубаэль, отправь воинов найти тех, которых княгиня зашвырнула кто знает куда. Один улетел примерно вон в том направлении, и еще двое — туда.

Как только это было выполнено, занялись мертвецом, который пал после смертоносного удара. Внешний осмотр брони не выявил никаких ран или других причин гибели, Торубаэль, впрочем, и так мог бы поклясться, что гигант рухнул сам, не получив ни единой раны.

Но когда с него начали снимать доспехи, варварски украшенные рогами, шипами и странными рунами, оказалось, что броня невероятно тяжелая. Один шлем весил как нагрудник самого Торубаэля с обеими саблями в придачу.

А под шлемом обнаружилась голова, которую все определили с первого взгляда как человеческую, только сам человек был очень большого роста, практически дотягивающего до роста орков.

— Он выглядит так, словно умер от голода и жажды, — сказал кто-то.

— С языка снял, — кивнул Лоррилайнэн, рассматривая покойника.

Торубаэль смотрел на это лицо, смуглое, широкое, с мощным подбородком, и пытался вспомнить, в каком краю живут настолько большие и сильные люди.

Лицо — почти умиротворенное, покрытое шрамами — и донельзя тощее. Почти что череп, обтянутый кожей, с глубоко запавшими глазами. Торубаэль периодически видел людишек, заблудившихся под Сенью Леса и умерших от голода — они выглядели точно так же, не считая роста.

А когда с трупа сняли доспех полностью, выяснилось, что донельзя отощавшее тело, при своем огромном росте, ширине плеч и весьма крепких костях, весит меньше Торубаэля. По сути, от человека только и осталось, что скелет и покрытая шрамами кожа.

Зато полный комплект брони весил по меньшей мере вчетверо больше любого присутствующего эльфа, не считая меча, весящего примерно как сам Торубаэль.

— Как, во имя Дэнэбриэль, такой доходяга мог нести... это?! — спросил один из Стражей.

— Встречный вопрос: как он не только носил это, но и бегал и сражался? — ответил Торубаэль. — За миг до смерти он одним движением перерубил ствол дерева в три обхвата и рассек надвое четверых! Вместе с доспехами!

Лоррилайнэн почесал затылок — типично человеческий жест — и приподнял веко мертвеца, так что собравшиеся увидели золотистую радужку Стража.

— Человеческие Стражи?! — воскликнули сразу несколько голосов.

— А почему нет? — пожал плечами Лоррилайнэн. — Я сразу это заподозрил, глядя на их устойчивость к магии, не то что к моей, но даже княгини. И тут вопрос всего лишь в том, где люди взяли Источник, стабильный настолько, что в нем родилось и выросло целое поколение воинов-стражей. Другими словами, откуда люди взяли артефакт сравнимой с Обителью мощи...

— Вставлю два слова не как маг, а как Страж, — сказал один из воинов. — Источник источником, но изменения, которым мы подверглись, живя у Обители, объясняют только цвет глаз этого человека и его стойкость к магии. Но не его силу, не рост — и уж точно не способность в последний миг жизни нанести такой удар. А второй? Сжег сам себя, вызвав волну жара неизвестным мне способом. Он не мог сделать это магией, йоклол возьми, потому что он Страж!

Лоррилайнэн пожал плечами.

— Уж насчет роста не знаю, откуда они такие громадные приперлись, а вот сила и скорость... Полагаю, дело в доспехах. Я чувствую от них какие-то необъяснимые эманации...

— Я тоже, — сказал другой маг, — и они мне совершенно не нравятся...

Лоррилайнэн кивнул:

— И мне не нравятся, но надо как-то понять, в чем тут дело...

— Может, надеть и посмотреть, что выйдет? — предложил Торубаэль.

— Не уверен, что это хорошая идея.

— Не уверен, что у нас есть выбор, — парировал он, — в нынешнем положении мы вынуждены рисковать, потому что на кону судьба нашего народа.

Лоррилайнэн пожал плечами:

— Что ж, если ты осилишь броню, которая весит вчетверо больше тебя...

Торубаэль покачал головой.

— Взгляните сюда. Это особенная конструкция, вот тут пазы, вот шарнир... Все это вместе... это как панцирь краба. Снаружи хитиновый доспех, внутри мягкий краб. Броня надевается по частям, но это не разрозненные самостоятельные части вроде наголенников и налокотников. Если все соединить, как было, то набедренники соединяются с саботонами и опираются в них, кираса соединяется с набедренной частью и на нее же опирается. То есть, по крайней мере стоять в этой броне я смогу, потому что ее вес по большей части держит себя сам... Только в саботоны надо что-то подложить, толщиной с книгу, потому что саботон и набедренники рассчитаны на ногу чуть подлиннее моей.

По его указанию саботоны покойника поставили на землю, он ступил в них. Просторные. Затем трое воинов надели на него составные набедренники и пряжками скрепили передние части с задними.

— Давайте кирасу. Потом наденем наплечники и налокотники.

Однако когда передняя и задняя части кирасы встали на место и щелкнули замки, Торубаэлю внезапно показалось, что на самом деле его засунули в «железную деву». Он взвыл, когда раскаленные шипы вонзились в него, попытался выбраться из ловушки и с грохотом упал.

— Снимите с него, снимите!! — вторил его воплю Лоррилайнэн, а с ним еще несколько других голосов.

Как только боковые пряжки щелкнули, Торубаэль почувствовал облегчение, словно

иглы и шипы не вытащили из него, они просто пропали. Он тяжело дышал, вращая глазами, словно затравленный зверь, и постарался как можно быстрее избавиться от всего остального.

— Что, йоклол возьми, случилось? — спросил его маг.

— Не знаю... Будто меня проткнули раскаленные лезвия... Не знаю, с чем еще можно это сравнить...

Лорринайнэн склонился над частью нагрудника.

— А кто-нибудь обратил внимание, что тут руны изнутри?

— Руны? Хм... Выглядит... словно что-то знакомое, — заметил другой маг.

В этот момент возле одного из советников с хлестким хлопком появился младший маг. Он раскрыл было рот, но слова так в глотке и застряли.

— Что здесь произошло?! Где княгиня?!

— Ее похитили, — мрачно ответил Лорринайнэн. — Ты что-то хотел ей передать?

— Да, светлейший! Но... но... поздно!

— Возьми себя в руки, — с нажимом произнес старый маг, — и передай мне то, что должен передать ей!

— Весть от одного из светлейших нашей лесной родни... Маг при дворе одного короля узнал от людей, что огромные воины, опустошившие уже две столицы — это демоны, они пришли из другого плана и намерены заполучить Обитель Достойных!

— Они уже ее получили, — подытожил Лорринайнэн. — Вот только почему люди решили, что это демоны?

— Потому что они первым делом вытащили из темницы в Зоданге одного чернокнижника, Норлаша Проклинателя. Кроме того, есть выживший свидетель, который слышал, что эти воины говорят на языке демонов...

Старый маг сделал шаг в сторону, показывая труп.

— Вот этот «демон». Человек, только большой очень. Хотя... кажется, я начинаю понимать. — Он принялся за изучение доспехов изнутри и минут через пять сказал: — я не уверен полностью, надо будет почитать кое-какие пыльные книжки... Но думаю, что понял, с чем мы имеем дело. Вот эти руны на внутренней поверхности очень похожи на те, которые используются в храмах Велькиона. Скорее всего, эти доспехи зачарованы с применением демонической магии и дают своему носителю запредельные возможности, но при этом питаются его жизненной силой. Я не чувствую в этом теле никаких признаков демонического присутствия, напротив, все говорит, что душа недавно покинула его, так что он не мог быть ни одержимым, ни вместилищем... Доспехи — их аура тоже иссякает на глазах, остаточные эманации проистекают из вот этих костных останков...

— Чем-то они напоминают останки демонов, вы не находите? — спросил кто-то.

— Это не моя специальность, — покачал головой Лорринайнэн, — я учился определять чужое присутствие в теле, но не анатомию самих демонов. Но эманации от останков действительно имеют демоническую структуру...

Торубаэль, немного отдышавшись, осмотрел руки мертвого врага. На ладонях — характерные мозоли, такие же, как у него самого, и шрамы, оставленные когтями, тоже очень характерны.

— Он был воином, — сказал Торубаэль, — судя по ладоням — от начала жизни и до конца, и прошел на этом жизненном пути через многие схватки... Кто он был и... откуда?

— Хороший вопрос. Но важнее понять, что делать. Мое мнение — мы расскажем людишкам о случившемся и попросим помощи в борьбе с демонами, объяснив, что если они

нам не помогут, то, когда демоны завладеют наивысшей силой, будет худо всем, особенно им.

Торубаэль задумчиво скрести руки на груди.

— Люди боятся демонов и могут отступить из страха перед ними...

— Если мы скажем им, что это тоже люди — будет еще хуже. Они попытаются договориться с чужаками, не понимая, что это совершенно бессмысленно.

— Почему бессмысленно? Отчего вы так думаете, светлейший?

— Из-за того, как умерли эти двое, с какой легкостью они принесли в жертву свои жизни. Второй так и вовсе сжег себя живьем, чтобы заставить нас прекратить погоню... Люди способны добровольно умереть только из наивысших побуждений, и в таком случае с ними договориться не выйдет... У меня есть одна безумная гипотеза, которая, впрочем, объясняет все...

— Мы слушаем, светлейший, — сказал кто-то из толпы.

— Эти люди огромного роста пришли в Сангарию извне. И там, в этом их другом плане бытия, они живут или жили в Источнике, причем постоянном и стабильном. Постоянный Источник — вот причина их глаз и сходства с нашими Стражами. Более того, наши Стражи вырастают в месте, полном обычной магии, которую источает Обитель, а поразительная стойкость к магии этих воинов говорит о том, что они выросли в среде, полной сырой магии, то есть, это природный Источник. Демонические останки свидетельствуют, опять же, о том, что они живут в Источнике и ведут постоянную войну с демоническими гостями, украшая черепами врагов свои доспехи. И магия их доспехов также имеет безусловно демоническую природу. И мое мнение — что они намерены использовать силу пробужденной Обители, чтобы открыть проход в свой мир. Я не знаю другого способа потратить всю мощь ее.

Торубаэлю услышанное не понравилось.

— А почему вы решили, что они собираются пробудить Обитель?

— Логика. Вначале они освобождают чернокнижника, чей учитель учителя написал манускрипт по использованию Обители. Затем атакуют Ламедию, где, если мне не изменяет память, хранится этот «труд». А затем они похищают не только Обитель, но и княгиню, поскольку в том манускрипте есть строчка, что лишь кровь эльфийских королей способна пробудить всю мощь Обители. Другими словами, они намерены принести Келленсилль в жертву во время ближайшего парада планет.

От этих слов толпа пришла в ужас, а Торубаэль мрачно оглядел своих карателей и Стражей.

— В таком случае, у нас мало времени. Мы отнять княгиню и Обитель у захватчиков любой ценой...

— Боюсь, все хуже, чем ты думаешь, Торубаэль. Наша беда в том, что они не захватчики.

— Почему?!

— Потому что их доспехи созданы для их родного мира. Там они питаются сырой магией Источника, но здесь Источника нет, и эти воины, по сути, медленно умирают по мере того, как доспехи иссушают их жизненные силы. Ради чего — вопрос очень интересный.

— Так может, им нужна от Обители только его сила Источника?

— Тогда зачем им манускрипт и княгиня? Более того, их доспехи питаются только сырой магией, но не магией Обители. Так что, Торубаэль, нам предстоит иметь дело не с обычным завоевателем, которым движут жажда наживы и власти. Это смертники, которым

терять нечего, поскольку они уже принесли наивысшую жертву во имя своей цели.

* * *

Путешествие проходило довольно обыденно, по меркам солдата-кавалериста. С тем небольшим различием, что среди отряда — наследница престола в солдатском плаще и шлеме.

Кархад ехал в середине вверенного ему отряда — десять рыцарей, тридцать тяжелых кавалеристов — ни на миг не оставляя без присмотра принцессу. Мирдана держится в седле хорошо и не нуждается в опеке как наездница, но края, по которым вел их Р'Энкор, безлюдные и, не исключено, опасные. Хотя на основных трактах, судя по слухам, достигавшим этих мест, еще опаснее, отряды стражи сбились с ног, гоняясь за разбойничьими бандами.

С самого начала Р'Энкор принялся показывать, кто тут главный, и выставил Кархада дураком.

— Сэр рыцарь, за каким лядом ты поставил ее высочество в центр строя рыцарей?

— Тупой вопрос! — огрызнулся Кархад. — Дураку ясно, что там безопаснее всего!

— Обычный кавалерист едет в центре, окруженный рыцарями, — хмыкнул дроу, — с таким же успехом можно сюда и штандарт с королевским гербом поставить. Дураку ясно, что это не простой кавалерист, весь маскарад псу под хвост, и кто после всего этого тут тупой? Вначале рыцари, за ними кавалерия!

Так что теперь Мирдана едет сразу за рыцарями, за ней кавалеристы. В общем-то, так тоже безопасно. Сам он — рядом с ней, гребаный дроу с другой стороны.

Кархада коробило от одной мысли, что юная принцесса едет без служанок и фрейлин, среди почти полусотни мужчин. Все рыцари, конечно, выбраны в отряд лично королем, то же самое касается и кавалеристов, все до единого исключительно благородные, преданные, огнем и сталью проверенные люди, тут никаких вопросов. Но все же, сказать кому — принцесса одна в толпе солдат — и аж коробит от неприличия.

На ночлеги они останавливались в придорожных трактирах, откуда Кархад выставил всех постояльцев, в качестве извинений выдав каждому по золотому ойрану. Причем даже в трактире принцессе пришлось обходиться без прислуги.

— Головой думай, — сказал Кархаду Р'Энкор, — к чему весь маскарад, если трактирщик будет знать, кому прислуживала его дочка? Выставить охрану на этаже комнат, и не пускать никого, чтобы трактирщик ни в коем случае не обнаружил, что в одной из комнат на четверых живет всего один «солдат».

Но особенно сильно Кархада бесили беседы, которые во время пути Мирдана вела с Р'Энкором. Даже не сами беседы как таковые, а один лишь факт, что принцесса так много времени уделяет мало того что дроу, так еще и гнусному убийце. И пусть он — «свой» убийца, это никак не меняет того факта, что Р'Энкор — последнее живое существо на свете, которое Кархад хотел бы видеть при дворе и особенно вблизи от принцессы.

А Р'Энкор, конечно же, весьма хорош, и не только в деле убийств и защиты от убийц. Ведет беседы, аки светский франт, утонченно, красноречиво, нарочито вежливо и почтительно. Кархад и раньше прекрасно знал, что Мирдана относится к эльфу чрезмерно хорошо, так теперь еще и видит собственными глазами, как именно этот негодяй

завоевывает расположение принцессы. Нет, все-таки король совершил ошибку, велел дочери изучать владение стилетом и тем самым свел ее с самым коварным и безжалостным существом в королевстве.

Кархад, слушая беседы и изредка докидывая слово-другое, поражался тому, насколько широк кругозор Р'Энкора. Зашла речь о музыке в других странах? Он в этом разбирается. Известный театр в Зоданге поставил новый спектакль? Р'Энкор его видел и помнит, хоть и не дословно, все диалоги. Кархад, пусть и рыцарь, но тоже светский человек, уважающий и театр, и музыку, однако какой-то вылезший из-под земли приبلудный наемный убийца его тут делает по всем статьям, каково?

Зашла речь и об орочьем племени «детей ветра» — ба, Р'Энкор, оказывается, и у них бывал. Даже жил как гость, видали, а?

— А заливать-то не надо, — буркнул Кархад, — орки — народ гордый и с сильным кодексом чести, кто поверит, что они пустили в свои земли и даже поселение темного эльфа, да еще и самого печально известного?

Р'Энкор снисходительно хмыкнул:

— Встречный вопрос, сэр рыцарь. Назовите хоть одну причину, по которой орки могли бы отказать мне в гостеприимстве?

— Ты же дроу, твой народ ненавидит всех поверхностников без исключения...

— Но прямо сейчас я среди людей, да еще и не где-нибудь, а в свите ее высочества. И что? Да, нас учат ненавидеть всех, кто не дроу. Но орков, вот потеха, никто не учил ненавидеть нас. К тому же, даже лесные эльфы, с которыми мы заклятые враги, дают приют некоторым из нас. А с орками мы не враждовали. В теории, маленьких дроу с пеленок учат ненавидеть всех подряд, но сила искусственной ненависти невелика, к тому же от начала времен очень немногие дроу могли бы похвастаться тем, что видели орка своими глазами, и обратное тоже верно. Как ненавидеть того, кого ты себе и представить толком не можешь? Орки живут в степи, мы — в Подземье под горными массивами. Нам было предначертано слышать друг о друге, но никогда не видеть. И подавляющее большинство орков не знает разницы между дроу и лесным эльфом. Я для них — эльф, только с серым лицом. Некоторые орки в лучшем случае знают, что белолицые эльфы враждуют с серолицыми, но единицы понимают, каковы причины и кто там прав, а кто виноват.

— И им, как и лесным эльфам, наплевать на твою репутацию убийцы?

Р'Энкор улыбнулся.

— Нет, не наплевать. Они меня за это очень уважают.

Это высказывание заинтересовало Мирдану.

— А разве орки одобряют убийства исподтишка?

— А с чего вы взяли, ваше высочество, что я убиваю исподтишка? Мало кто из очень многих моих жертв умер в непонимании, и почти у всех была хотя бы пара мгновений на то, чтобы подготовиться к защите. Другой вопрос, что очень многие предпочитали сделать бессмысленную попытку бегства или звать помощь, которая все равно не успеет.

Так или иначе, но орки ничего не имеют против убийства исподтишка, потому что на войне со столь бесчестным противником, как люди, приходится пускаться на хитрости, чтобы добраться до вождей и командиров. С точки зрения орков, люди — подлейшие из подлых, ни один орк не может понять или простить человеческого короля, который посылает армию на войну, а сам остается во дворце. Как не понимает и того, почему полководец командует битвой с холма, а не ведет своих воинов лично. Оркам редко удается

добраться до командиров, потому что те обычно успевают удрать даже при полном разгроме, бросая своих воинов. Ну а я делаю то, чего не могут сделать орки: достаю всяческих нехороших людей прямо в их городах и замках. Конечно, ни один орк никогда в жизни не наймет меня, однако мои похождения их восхищают.

— А как ты думаешь, — сменила тему Мирдана, — это верно, что орки настолько воинственны, кровожадны и вероломны, как это считается? Мне-то известно, что орки никогда не лгут, но как объяснить, что был заключен мир, а затем — беспричинное нападение?

— И да, и нет, ваше высочество. С одной стороны, если у ваших соседей-орков нет с вами счетов, то они к вам не придут. Их слишком мало, они слишком редко рождаются и слишком долго растут, чтобы нести потери без очень веской причины. И друг с другом они воюют, можно сказать, по турнирным правилам, зачастую без потерь. Потому — орки не воинственны с этой точки зрения. А с другой стороны — они не знают иного способа решения конфликтов, кроме войны. Точнее — вообще не приемлют. Обида, агрессия, нарушение границ, месть — ответ один. Война. Я вам больше скажу: в языке орков не существует понятия «воин». Орк мужского пола — воин по своей сути, и никак иначе. И орочье слово «война» в буквальном переводе на талсидонский будет звучать как «мужня», то есть «дело мужчин». А для обозначения человека, не являющегося воином, у орков есть понятие «немужчина», и большинство орков думает, что у людей три пола: мужчины, женщины и немужчины. Разделение понятий «мужчина» и «воин» в их головы не укладывается.

— А я и не знал, — признался Кархад.

— Какие ваши годы, сэръ рыцарь... Разменяете шестой десяток — тоже будете знать много такого, чего не будут знать молодые... Орки редко начинают войны или набеги, а если начали — то у них есть причина. Даже если после двадцати лет мира без видимой причины и предупреждения налетает орочья ватага — виноваты все равно люди. И такие вроде бы беспричинные нападения обычно случаются из-за мести. Допустим, если когда-то погиб некий орк, оставив после себя малолетнего сына, то десятки лет спустя повзрослевший сын начинает мстить, и если таких набирается много — вот и ватага. Если один из них вождь — вот и орда. Тут такое дело... Люди обычно не знают или не понимают, что когда вы заключаете мир с вождем некоего племени — вы заключаете его только конкретно с этим вождем. С одним-единственным орком. Который будет неукоснительно соблюдать договор и никогда не поведет в набег свое племя. Но он не может запретить другим оркам своего племени вести свою личную войну, особенно из мести. Месть за тех, кто им был дорог, у орков — святое. И не только у них. Но в целом же, если вы заключили с орком соглашение или он дал вам слово — то будет соблюдать.

— Кстати, о словах. Я всегда хотела понять, как так вышло, что за твоим народом давно закрепилась слава вероломных, держащих слово только пока это выгодно, а ты среди них умудрился родиться честным?

— Я был в детстве как все, на самом деле, — пожал плечами Р'Энкор. — Лгал и нарушал слово, если так было надо. Это среди нас нормально, если кто-то когда-то обманул меня — я не буду ему это пенять, потому что на его месте сам поступил бы так же. Нарушение договора, если договор становится невыгодным — так же просто и естественно для нас, как вдох и выдох... А потом мы с отцом оказались на поверхности... Мы наивно полагали, что сможем найти место среди вас, если станем как вы. Странными,

нелогичными, держащими слово, даже если это себе во вред. И мы пообещали друг другу, что не будем лгать. И потому я с тех пор не лгу.

— Хм... Ты держишь слово, потому что дал отцу слово?

— Да. Я не справляю поминок по мертвым, как вы, не строю величественные мавзолеи... Вместо этого я чту память отца, держа слово, которое когда-то ему дал.

Кархад ухмыльнулся.

— Звучит примерно как «долговая расписка, обеспеченная долговой распиской», — сказал он и сразу же был награжден осуждающим взглядом Мирданы.

Тут дроу чуть привстал в стременах и крикнул:

— Всем внимание и не зевать! Мы приближаемся к самому опасному месту нашего маршрута.

— Какая опасность нас подстерегает? — спросил один из рыцарей, обернувшись.

— Ущелье и ветхий подвесной мост. Если б я должен был устроить нам засаду — я устроил бы ее здесь.

* * *

Сознание вернулось еще до того, как пропали звон в ушах и боль в челюсти. Келленсилль пару раз моргнула, ощущая, как ее всю качает туда-сюда, и открыла глаза. Лежит на чем-то мягком, смотрит в потолок... чего? И еще ее терзают некие необычные ощущения, словно ее душу скрутили путами и сунули куда-то далеко от тела.

В следующий миг княгиня сообразила, что причина покачиваний — человеческий экипаж, в котором ее везут. Она попыталась сесть и обнаружила, что ее руки скованы короткой цепочкой, а совсем рядом, на противоположном сидении кареты, сидят ее пленители.

Келленсилль все же села и первым делом смерила того, что побольше, взглядом, полным безграничного пренебрежения, одновременно рассмотрев его. Он, безусловно, один из нападающих, и его руки, лежащие на коленях и закованные в тяжелые перчатки, кажутся знакомыми. Точнее, знакомыми кажутся именно латные перчатки: вроде бы, как раз от одной из них у княгини ноет правая сторона челюсти. И его глаза... Золотистые глаза стража, с каким-то необычным серым отливом, буквально лучащиеся дикой мощью, природу которой Келленсилль пока не понимает.

В этот миг здоровяк, убедившись, что его пленница полностью пришла в себя, заговорил низким голосом, в котором Келленсилль слышался рокот шторма.

— Я приношу извинения за удар и все сопутствующие неудобства, это была вынужденная мера, — сказал он на абсолютном языке и добавил: — переводи.

Последнее адресовалось второму, тощему седому старику с крючковатым носом и злыми, горящими глазами.

— Госпожа княгиня говорит на зодангане либо кадорине? — вежливо осведомился он на зодангане.

— На обоих, — холодно ответила Келленсилль, решив пока не выдавать свое знание абсолютного языка.

— Великий Трэйкхан Кхейл приносит вам свои извинения за удар, который был вынужденной мерой. И я, пожалуй, присоединюсь, хе-хе, вы, высшие эльфы, едва ли не

единственные на свете, не сделавшие мне зла, хоть и подозреваю, что исключительно в силу того, что мы с вами не пересекались, хе-хе.

— А ты еще кто такой?

— Норлаш Чернокнижник, Норлаш Проклинатель, Норлаш-говорящий-с-демонами — полагаю, вы знаете меня хотя бы под одним из этих прозвищ.

— Мерзость, — скривилась княгиня.

В этот момент тот, кого назвали великим, повернул голову к чернокнижнику.

— Я сказал «переводи», а не «болтай», — ровно сказал он.

— Прошу меня простить, о великий, — немедленно извинился Норлаш.

Келленсилль подвела первые итоги. Слухи о Норлаше и вызванном им легионе демонов, дошедшие до нее, оказались чушью, как и предполагалось: чернокнижник говорит с «великим» даже не как равный, а как слуга с господином. Кто такой этот Трэйкхан Кхейл — очень интересный вопрос, раз даже чернокнижник, гордившийся тем, что разговаривал с демонами как равный с равными, с Кхейлом говорит как со своим хозяином.

Лицом — человек, глазами — Страж, но Стражам у людей взяться неоткуда, так как единственный на весь мир стабильный Источник — в Вечном Лесу. И эта огромная внутренняя мощь, пульсирующая, лучащаяся из глаз, которую княгиня чуть ли не кожей чувствует, очень сильно оттеняет неподвижное, лишенное эмоций лицо. Словно кукла, внутри которой есть что-то еще, словно голем, но живой...

— Ты извиняешься только за удар? — ответила Келленсилль на зодангане. — Вторжение в мои владения, осквернение ритуала, убийство моего народа — все это ерунда? Что ж, извинения приняты: только твой удар я и могу простить.

Норлаш перевел, хотя Келленсилль заметила, что на абсолютном он говорит, на самом деле, так себе: слишком слаб словарный запас. Больно уж однобокие собеседники у чернокнижника были.

Кхейл больше ничего не сказал, и княгиня поняла, что надо брать беседу в свои руки.

— Кто ты такой и что тебе нужно?

Норлаш перевел.

— Я Трэйкхан Кхейл из Лагурента, — ответил «великий» так, словно это все-все объясняло.

— Первый раз слышу.

Трэйкхан Кхейл только молча пожал плечами, и его громадные, украшенные черепами наплечники скрипнул.

— Что тебе нужно?

Норлаш снова перевел и выжидающе смотрел на своего хозяина.

— Мне нужна полная сила Обитатели Достойных, — медленно произнес Кхейл, — для чего я буду вынужден принести тебя в жертву. За что также прошу меня простить.

— Великий, а ты уверен, что стоит говорить ей это? — усомнился Норлаш.

Кхейл молча скосил на него глаза.

— Ну как пожелаешь, — поспешно выговорил Норлаш и перевел.

Келленсилль криво усмехнулась.

— Вот как? И для чего же тебе такое огромное могущество?

Вот тут на лице Кхейла впервые проступило что-то, похожее на внутреннюю борьбу, затем он скосил взгляд на Норлаша, чуть подумал и ответил:

— Чтобы открыть портал в Лагурент и провести по нему мою армию.

— Великий намерен с его помощью перенести сюда свою армию, — перевел Норлаш и добавил от себя: — и тогда тьма ляжет на эту проклятую землю. Миру настанет конец.

Келленсилль попыталась сформировать на ладони крохотный огненный шар: Кхейла она этим точно не проймет, но вот мерзкого чернокнижника...

— Бесполезно, — спокойно сказал Кхейл, — в этих цепях и в этой повозке ты колдовать не сможешь.

Княгиня уже убедилась, что эфир не отзывается, она даже не чувствует его, словно обычная смертная, лишенная и капли дара. Но этот самозванный «великий» не понимает, с кем связался.

Она взглянула гиганту в глаза и произнесла на чистом абсолютном:

— Кто бы ты ни был, ты проиграл эту войну еще до того, как начал ее.

Кхейл никак не изменился в лице, а затем удивил княгиню ответной фразой:

— Что такое «война»?

* * *

Ущелье на самом деле оказалось расщелиной глубиной по меньшей мере в двадцать человеческих ростов, по дну которого бежал небольшой поток, спустившийся с гор, но, в отличие от более удачливых собратьев, не превратившийся в реку, а напротив, где-то подрастерявший свои воды. Трещина в каменной земной тверди протянулась в обе стороны на изрядное расстояние, и подвесной мост оказался единственным способом пересечь ее, не делая, по заверениям Р'Энкора, двухдневный крюк.

— Однако ближайшее поселение было покинуто или вымерло от чумы еще до того, как мы с отцом забрели в эти края, — пояснил дреу, — и вообще, местность сама по себе очень безлюдная, так что за мостом никто не смотрел, надо думать, уже много лет, и я не удивился бы, если б узнал, что в последний раз по нему прошли как раз мы с отцом почти сорок лет назад... Вы заметили, что тропа, которой мы едем, основательно заросла?

— Чума тут бушевала примерно семьдесят лет назад, — сказала Мирдана, — это было в том же году, когда на трон взошел мой дед. Говорят, вымирали целые деревни, хотя, мне кажется, это сильное преувеличение...

Р'Энкор вытянул руку и указал на запад:

— Вон там в часе пешего пути — деревня. Мы с отцом в ней провели денька три — отдыхали... По домам ходили в поисках чего полезного, бочонок старой, но совершенно пригодной, на наш невзыскательный вкус бездомных бродяг, солонины показался нам подарком богов... Так я там насчитал более двухсот останков покойников. В доме, где мы остановились — он выглядел самым целым — были останки восьми человек.

Кархад увидел, как принцессу передернуло.

— Какой кошмар! — ужаснулась она. — Я бы не смогла и минуты оставаться в таком жутком месте...

— Вы недооцениваете себя, — хмуро сказал Р'Энкор. — Просто сейчас вы смотрите на ситуацию глазами принцессы, а не затравленного изгоя. Поверьте, если бы вы провели годы, скитаясь по свету, слыша в свой адрес только угрозы и проклятия и уворачиваясь от брошенных камней... Вы бы не считали деревню, полную трупов, жуткой. Так уж вышло, что живые постоянно обижали нас с отцом, а мертвые — никогда, и потому я люблю мертвых

людей больше, чем живых. Так что радуйтесь возможности любить живых, а не мертвых: такая привилегия есть не у всех.

Эти слова прозвучали на редкость мрачно и зловеще, и Кархад, видя, какое тягостное впечатление они произвели на Мирдану, вмешался.

— Давайте лучше не будем отвлекаться на рассказы, — сказал он, — вот переберемся на другую сторону...

— На другой стороне ничуть не безопаснее, — заметил дроу, — нежелательная встреча где угодно случиться может. А если кто бродит этими местами — то в основном те, которым по людным путям ходить не с руки.

Отряд добрался до моста, и тут один из рыцарей, ехавших впереди, внезапно сказал:

— Тут кто-то есть! Смотрите!

У самого моста лежал небольшой валун, и у него стояли рядышком два сапога. Больше — никаких признаков жизни, но... два сапога? Выглядят очень потертыми, грязными и изношенными, хм...

— Та-а-ак, и где же владелец этих сапог? — протянул один из рыцарей и крикнул: — Где ты прячешься, поганец?

В этот момент Р'Энкор, поравнявшись с ним, снял свой кавалерийский шлем и, держа его за ремешок, с размаху ударил рыцаря сбоку в голову. Металл лязгнул о металл, рыцарь едва не вывалился из седла, но к счастью, его успел поддержать товарищ.

— Ты что творишь, окаянный?! — воскликнули одновременно Кархад и еще пара голосов, кто-то негромко выругался, забыв, что среди них принцесса.

— Владелец этих сапог находится далеко-далеко отсюда, за Эйльхеймским лесом и еще дальше, на границе между Далмадой и Кадорией, между корней дерева, которое я посадил на его могиле, — желчно процедил дроу.

— Уймись! — велел ему Кархад.

— Скажешь это тому, кто будет злословить в адрес твоего покойного отца.

— Это сапоги твоего отца, что ли?

— Угу.

— Как они тут оказались?!

Р'Энкор вздохнул.

— Мы обзавелись обновками в той деревне и прихватили запас. Новые сапоги отца натирали ноги, потому он одел другие, которые имел при себе, а эти оставил тут. Если вопросов больше нет — я пойду на ту сторону, осмотрюсь. А вы ждите моего сигнала. Если по мосту к вам попытается перебраться кто угодно, кроме меня — рубите канаты сразу.

— А ты как? — забеспокоилась Мирдана.

— А я о себе, если что, позабочусь сам.

Он слез с коня, вручил поводья Кархаду и, держась руками за канаты ограждения, двинулся на другую сторону, периодически топая ногой по доскам, которые казались ему ненадежными.

— Вот же поганец, — пробормотал один из рыцарей вполголоса.

Дроу тем временем преодолел мост, постоял, озираясь, затем вынул саблю и скрылся в ближайших кустах.

— Зачем он саблю достал? — забеспокоилась Мирдана.

— На случай засады... Но думаю, засады нет. Видишь вон то дерево?

— Ну?

— Птицы на ветке. Их никто не спугнул...

— Или засада сидит там так долго, что птица привыкла, — пробасил один из рыцарей.

Кархад пожал плечами:

— Маловероятно. Кто может знать наш маршрут? Да никто.

— Конечно, никто... Кроме проводника.

— Не думаю, что от гребаного дроу стоит ждать предательства. Пакость — да, подлость — вполне, а вот предательство... Он никого никогда не предавал, так с чего бы ему сейчас начинать?

Рыцарь хмыкнул.

— Это он так сказал, да?

— Он сказал, — кивнул Кархад и показал лежащий на ладони кристалл Правды: — но вот эту штуку не обманешь. В общем, ждем, пока Р'Энкор все осмотрит.

* * *

Р'Энкор обогнул крупный валун, скрывшись из поля зрения отряда, сунул саблю в ножны и сел у его подножия. Вытянул ноги, привалился спиной к камню и задумчиво уставился в небеса. Тишина, только ветер шуршит в листве.

Что делать дальше? Придерживаться плана? Или к йоклол все, и нанимателя в том числе? Все еще можно остановить... Он не хочет делать то, что должен, но... Тогда придется нарушить слово, данное отцу. Выхода нет, два решения — и оба плохие. Поступить против слова или против своей совести? Что бы сказал на этот счет отец?

Этого уже не узнать.

Р'Энкор снял с пояса флягу, отвинтил крышку и глотнул. Мир людей — на редкость извращенная и противоречивая штука. Люди гнали его прочь камнями, когда он пытался стать «хорошим», но начали ценить после того, как сделали Р'Энкора монстром. А теперь он не хочет быть монстром — но люди заставляют. Точнее, заставляет договор... И слово, данное отцу.

Ловушка, из которой нет выхода. И что забавно — когда-то он хотел делать с людьми всяческие плохие вещи, но отец был против. А теперь — не хочет, но отец заставляет. Точнее, данное ему слово, что на самом деле одно и то же.

И после этого люди еще утверждают, что дроу живут извращенно и неправильно? Ха-ха-ха.

Р'Энкор встал, еще раз глотнул из фляги и повесил ее обратно на пояс. Будь что будет, но он, Р'Энкор из дома Арн'Кай, поступит по-человечески: сдержит слово и выполнит договор. Даже во вред тому единственному, что у него еще осталось: своей совести.

Он вышел из-за валуна, подошел к подвесному мосту и крикнул:

— Все чисто, никого! Переправляемся по одному пешком. Вначале лошадь, потом всадник, начиная с самых легких. Держаться обеими руками и смотреть под ноги, многие доски трухлявые! Имейте в виду, если мост оборвется — все переправившиеся продолжают путь, кто не смог — возвращается, а кто упал при обрыве — ну, пусть о том позаботятся боги. Ваше высочество, вы самая легкая и ваша лошадь самая легкая. Вы первая, но вначале лошадь. Или нет, вначале мою лошадь пускайте.

Он свистом подзвал кобылу и та неохотно пошла по мосту. Пару раз едва удержалась

на ногах, но прошла. Р'Энкор погладил ее по шее и привязал к ближайшему дереву.

— Что-то мост не очень надежен для лошадей, — крикнул Кархад, — того и гляди сорвутся!

— Никто и не обещал легкого пути. Ваше высочество, пускайте свою лошадь!

Однако лошадь заупрямилась, не желая ступать на шаткий мост.

— Мне придется самой ее перевести, — крикнула принцесса.

— Исключено, — отрезал Р'Энкор, — слишком опасно!

— Тогда я пойду, — решил Кархад.

Вот это уже нехорошо.

— Ты головой соображаешь, сэр рыцарь, или только ешь в нее? Если мост оборвется — отряд останется без командира и без проводника.

— Зато ее высочество будет в толпе верных людей, — возразил Кархад, — а если мост оборвется после перехода ее высочества — она останется с одним тобой, что явно недостаточно даже без учета твоей неблагонадежности. Кроме того, если мост будет проверен более тяжелым весом — то выдержит более легкий.

Р'Энкор пожал плечами. Тупой рыцарь все усложняет... но это будут уже его проблемы.

Кархад перебрался без проблем, его конь пересек мост уверенно, нигде не оступившись.

— Ваше высочество, теперь вы. Крепко держитесь за канаты. И не смотрите вниз.

Принцесса тоже прошла мост без сложностей, последовав мудрому совету не смотреть вниз. Рыцари, оставшиеся на той стороне, заплодировали.

А вот с ее кобылой возникли трудности: она никак не желала идти на мост, несмотря на все увещевания хозяйки.

Р'Энкор вздохнул. Ладно, что ни делается, все к лучшему: все уже замечательно спланировано.

— Я вернусь за вашей лошадкой, — сказал он Мирдане.

— Лучше я — я легче, — возразила принцесса.

— Нет, не лучше, — покачал головой Р'Энкор, — потому что если мост оборвется — вы упадете в пропасть, а я преспокойно уцеплюсь за канат и выкарабкаюсь.

— Правда?

— Да уж поверьте мне, делал я вещи и посложнее. — Он повернулся к рыцарю: — а ты смотри в оба. Только не на меня, а вон туда, по сторонам, и ни на миг не упусти из поля зрения ни кусты, ни деревья, ни валун. И будь готов к любым неожиданностям.

— Ты же сказал, что тут никого.

— Минуту назад так и было. А через две тут может появиться кто угодно. Я не непогрешим. Ты тут единственным охранником остаешься — не подкачай. Следи в оба за всем сразу и даже не моргай.

— Ладно, понял, — кивнул рыцарь и повернулся спиной к обрыву, держа руку возле рукояти меча.

Идиот.

— Только осторожнее! — сказала Мирдана.

— Я всегда осторожен — дальше некуда, — кивнул Р'Энкор.

Лошадь принцессы, почувствовав, что уздечка во властной руке, еще немного для вида поупиралась, а затем послушно пошла за ним, и вот он уже на той стороне.

Вот тот последний миг, когда еще можно оставить все как есть... Но решение принято.

Р'Энкор передал уздечку принцессе, и пока та гладила, успокаивая, свою кобылу, вынул

саблю.

Один взмах на уровне груди, второй — на уровне земли, и подвесной мост провис одной стороной.

— Ты что, окаянный, творишь!! — завопил кто-то из рыцарей, а затем целый хор заорал о предательстве.

Один шаг, стремительный полет клинка — и третий канат перерублен.

В тот миг, когда Кархад, обернувшись и увидев, что делает «проводник», выхватил собственный меч, четвертый канат, изрядно подгнивший, лопнул, не выдержав веса моста.

Лицо в лицо, глаза в глаза.

— Ах ты сволочь... — процедил рыцарь, свободной рукой оттащив ошеломленную принцессу к себе за спину.

— Не то ты вынул, сэръ рыцарь, — спокойно возразил Р'Энкор и спрятал саблю в ножны. — Кристалл Правды доставай. Скажу тебе кое-что очень невероятное и неприятное, но совершенно правдивое.

— Меня ты не проведешь, — прошипел Кархад, явно готовясь к атаке.

В этот момент из-за его спины выглянула принцесса.

— Р'Энкор, что ты делаешь?

— Мне очень неприятно говорить это, ваше высочество, но я вас похищаю.

— А это мы еще поглядим, — зловеще процедил рыцарь, — сейчас я тебя разделаю, как мясник барана...

Р'Энкор печально вздохнул.

— Какой же ты тупой, сэръ рыцарь... Помнишь, я сказал тебе, что если ты достаешь оружие в присутствии дроу, то им этот поворот просчитан? Тебе не пришло в голову, что я спрятал оружие, поскольку у меня имеется козырь посильнее клинка? Да, ты можешь меня убить, и я даже не стану защищаться. Но тогда ее высочество Амрисса, младшая дочь короля, умрет.

— Что-о?! — воскликнул Кархад, а Мирдана в ужасе прижала ладони к лицу.

— Ты слышал, что. Доставай кристалл, говорю.

Рыцари на той стороне вопили, требуя от Кархада порубить «проклятого ублюдка» на куски, но Р'Энкор старался не обращать на шум внимания.

Как только граф достал из кармана кристалл, он сказал:

— Если через два дня я не доставлю ее высочество моему нанимателю, младшая дочь короля, Амрисса, умрет.

Кархад взглянул на кристалл и его лицо стало бледнее, чем обычно.

— Не... невозможно! Она в Ланзендэлле! Ее невозможно оттуда похитить!!

— Невозможно запрыгнуть на небо. А похитить ребенка из плохо охраняемого замка — проще простого.

— Но постой! — вмешалась Мирдана, — ты же служил моему отцу еще до того, как я уехала из Ланзендэлла, и все время был при дворе!

Р'Энкор вздохнул снова.

— Ваше высочество, неужели вы думаете, что в плане по вашему похищению мой наниматель задействовал только одного меня? Да, я никогда не был в Ланзендэлле. Но я хоть и самый знаменитый наемный убийца — все же не единственный мастер своего дела. Мне правда очень жаль, но вам придется либо добровольно поехать со мной, либо... ну, вы знаете, что тогда произойдет. Впрочем, вам совершенно нечего бояться... кроме

принудительной свадьбы.

— Ах ты гнусный предатель! — буквально выплюнул Кархад, испепеляя Р'Энкора глазами. — Ты... ты...

— Решайся, сэръ рыцарь. Будешь спасать ее высочество ценой жизни ее сестры или просто уйдешь с моего пути?

В глазах графа легко читалось все то, что он сделал бы с «предателем», если б мог. И Р'Энкор не удержался от соблазна. Он подошел к рыцарю и влепил ему звонкую оплеуху.

Кархад взревел, словно раненный бык, и ринулся вперед, отбросив меч в сторону, явно намереваясь не отпускать недруга невредимым. Медленный он, медленный и неуклюжий: мало того что человек, так еще и в доспехах. Р'Энкор легко ушел с линии атаки и, когда закованный в броню противник по инерции пролетел мимо, влепил ему кулаком в челюсть.

Рыцарь оказался твердым орешком, он развернулся и снова бросился вперед. На этот раз Р'Энкор не стал уходить в сторону, а просто схватил за руку, подсел и перебрросил графа через себя, используя его же силу и разгон.

Кархад загремел по каменистому грунту, а Р'Энкор в один момент оказался на нем сверху и принялся наносить удары по ненавистой человеческой роже. Рыцарь пытался освободиться, но после третьего или четвертого удара его сопротивление стало хаотичным и совершенно неэффективным.

— Пожалуйста, прекрати! — крикнула принцесса.

Кулак Р'Энкора замер и разжался.

— Только потому, что вы попросили, — сказал дроу и поудобнее устроился на кирасе поверженного врага.

— Я хочу сказать тебе кое-что, сэръ рыцарь. Я не предатель. Я никогда никого не предавал, хотя мне всегда очень хотелось так поступить. Предатель — это тот, кто был с тобой, а потом перешел на другую сторону. А я всегда был врагом. Еще до того момента, как моя нога ступила на землю Талсидонии, я был врагом. Я изначально пришел сюда, чтобы похитить ее высочество. И потому я не предатель. И второе — твой король заплатил мне за месяц вперед. Это было тридцать два дня назад, и прямо сейчас я уже не служу твоему королю и не связан с ним никаким договором. Это вторая причина, почему я не предатель.

— Ты гнусная, мерзкая тварь, — прохрипел рыцарь, — неблагодарный подонок...

— А мне не за что быть благодарным. Знаешь, за что я на самом деле ненавижу вас, людей? Нет, не за то, как они обошлись со мной и моим отцом. Я ведь давно понял, что к нам, дроу, вы и не могли относиться иначе, и если в этом кто-то виноват — то, главным образом, мой собственный народ... Я жалею только об одном: что слушался во всем своего отца. О, если бы я знал, как повернется все... Я бы убедил его, что не надо пытаться быть как вы. Нам стоило еще тогда, сразу, как только мы вышли на поверхность, начать убивать вас безо всякой жалости. И тогда сейчас я был бы не самым великим наемным убийцей на свете, а делил бы это звание с моим отцом... Когда я еще не был монстром, вы кричали «монстр, монстр» и бросали в меня камни, а когда я действительно стал чудовищем, стали платить мне золото за то, чтобы я делал чудовищные вещи с вашими врагами. И вот за это я ненавижу вас сильнее всего. За то, что вы еще хуже меня. За то, что вы сделали меня таким. И за то, что я сожалею, что стал монстром слишком поздно: мне стоило бы стать монстром, пока еще отец был жив. И тогда бы мы вдвоем резали вас, как скот, за ваши же деньги. И он был бы жив, а не лежал в земле.

Р'Энкор тяжело вздохнул и продолжил.

— В общем, сэръ рыцарь, я все же тебя обрадую. Заговора против твоего короля не существует, так что можешь за него не переживать...

— Что?! — прохрипел рыцарь. — Как?! Как?! Но кристалл!..

— А что кристалл? Он выдает только ложь, а я не лгал. Да, заговор был, это правда. Да, мозг заговора за границей, это правда. Другой вопрос, что его целью было не убийство короля, а похищение принцессы. Да, во дворец действительно приходил убийца Сингуса. Да, он действительно получил деньги из рук кое-кого высокородного... Я просто не уточнил, что главное действующее лицо заговора — я сам. Сингуса убил я сам, и деньги я получил из рук ее высочества. И совсем не за дальнейшие злодеяния. Просто я не уточнял все это. Кристалл не позволял мне обмануть тебя, но ты обманул себя сам. Все Восьмеро свидетели, что водить тебя за нос было так просто, что аж неинтересно. Ты так слепо верил кристаллу, что даже не считал нужным напрягать собственные мозги. А, и последнее. Надо сдержать слово, которое я кое-кому дал.

Он встал с груди графа и подошел к краю пропасти.

— Эй, вы! — крикнул Р'Энкор, — я хочу, чтобы вы передали кое-что своему королю! Первое — он был чуть ли не единственный из моих нанимателей, кто не смотрел на меня, как на какую-то мерзость, и потому мне было немного неприятно похищать ее высочество. И второе — передайте ему, что граф Вальтус был невиновен перед королем. Я обещал графу Вальтусу, перед тем, как удавить его петлей, что расскажу, как на самом деле все было. Вальтус никогда не нанимал убийц — их нанял я, подставив при этом самого Вальтуса. Я хочу, чтобы вы все знали, что тридцать лет назад Вальтус пытался растоптать меня и моего отца конями. Я не забыл и ждал тридцать лет, и дождался. Видели бы вы его лицо, когда я снял маску палача... Я хочу, чтобы вы рассказали это и королю, и всем остальным, и даже своим детям! Помните до конца своих дней, что темного эльфа при встрече лучше обойти стороной, потому что его месть может настичь вас даже тридцать лет спустя!

В ответ полетели гнусные ругательства, но Р'Энкор лишь ухмыльнулся, помахал им рукой и вернулся к принцессе.

— Времени мало, ваше высочество. Надо отправляться. С Кархадом можете не прощаться, чтобы не доводить до самоубийства. В конце концов, вы с ним, полагаю, еще свидитесь, правда, уже в роли королевы, хоть я пока и не знаю, какой страны.

— Мой отец этого так не оставит!

— Догадываюсь. Но выбор будет небогат: ваше бесчестие либо признание вашего мужа законным супругом со всеми вытекающими последствиями. В любом случае — это уже проблема моего нанимателя, а я должен просто доставить вас к нему. И — мне действительно очень жаль, но вы знаете, что я всегда соблюдаю договор.

Она все же простилась с графом — со слезами и всхлипами. Р'Энкор знал, что так будет, но не предвидел, что эта сцена станет для него такой неприятной.

* * *

Норлаш имел все причины радоваться: его ставка на Кхейла, будь он сам Владыка или всего лишь чемпион, сыграла. С того самого мига, как чернокнижник покинул застенки своего узилища, все шло наилучшим образом. Этап за этапом они с Кхейлом ставили задачи, вырабатывали план, действовали по нему и преуспевали. Вначале — поход на Ламедию,

затем штурм города и добыча манускрипта, затем нападение на Вечный Лес и захват княгини — и ни сучка, ни задоринки, все, кто становился на пути владыки и чернокнижника, неизменно терпели поражение за поражением. Демонический отряд был непобедим.

Было и еще кое-что. Норлаш как-то спросил, из чистого любопытства, сколько энергии потребует колоссальный портал и сколько ее после этого останется в древнем артефакте.

— Не знаю, — равнодушно ответил тогда Кхейл, — меня это не интересует.

Фактически, он прямо сказал, что дальнейшая судьба Сферы Королей его не волнует, а значит, он не будет возражать, если артефактом опосля завладеет Норлаш.

На вопрос, сколько времени ему понадобится на завоевание мира, ответ был столь же равнодушен:

— Это займет какое-то время. Я не спешу.

Так что у Норлаша в перспективе — отличная возможность повеселиться под занавес. О, он развлечется как следует, и очень многие, с кем он должен расквитаться, еще будут молить о скорейшем конце света!

Их путь к заброшенным древним развалинам шел почти беспрепятственно: один небольшой отряд кадорианцев попытался устроить засаду, но был разгромлен в считанные минуты. Правда, по пятам за караваном гонится еще один отряд, кавалерийский, Норлаш узнал это, ненадолго завладев сознанием птицы, парящей на огромной высоте, и сразу же сообщил Кхейлу.

— Им же хуже, — обронил гигант.

Так что Норлаш спокоен: никому не победить Владыку, ни лично, ни его чемпиона.

Проезжая мимо какой-то деревеньки, Кхейл взял новых возниц и девушку-пленницу, которую приставил к княгине в роли служанки. Подобная галантность Норлаша интриговала, но объяснение он нашел быстро: видимо, Кхейл все же чемпион. Или аватар. Или полусвободное вместилище. Суть в том, что когда-то это был, по всей видимости, человек, со своими принципами, убеждениями и кодексом чести. Теперь, будучи слугой кого-то очень могущественного, он сохранил свои привычки в той мере, в какой это не мешает планам его хозяина, потому что владыке вряд ли есть хоть какое-то дело до того, как именно его слуга обходится с пленной жертвой. Кхейл — потрясающе целеустремленный тип, это главное. А его манеры... да Норлашу-то какое дело? Никакого.

Основную часть пути они проделали, постоянно ожидая атаки преследующего отряда, но противник все никак не мог их догнать: то ли подмоги ждал, то ли засады опасался. Сам Норлаш по этому поводу не переживал: если догонят — Кхейл разберется. Спокойствие чернокнижника было настолько непоколебимым, что не ускользнуло от внимания пленницы.

— Видимо, ты даже не допускаешь мысли о том, что за содеянное придет расплата, не так ли, служба демонов?

Норлаш криво улыбнулся:

— Госпожа княгиня меня насквозь видит.

— Она видит еще и твое скорое фиаско, подкрадывающееся с неожиданной стороны. Ты глуп и наивен, чернокнижник, и не видишь того, что вижу я. Помяни мое слово: ты сильно удивишься в финале этой истории, если доживешь до него.

Норлаш ответил молчаливой ухмылкой: он не знает никого, кто мог бы одолеть войско Кхейла, а победа чемпиона Владыки — это также и победа Норлаша. Конечно, отряд

демонических воинов немного поредел, и если бы кампания приняла затяжной характер, Кхейл мог бы остаться без солдат. Но — они уже у цели, и с силами, достаточными для преодоления любого препятствия. Кхейла не остановили даже высшие эльфы на своем же поле боя — значит, не остановит никто. В принципе, какую-то опасность могли представлять только орки, но они далеко, в своих степях.

Они остановились на ночлег на небольшом высокогорье, откуда хорошо просматривались окрестности, и Норлаш спал совершенно спокойно, не опасаясь ночной атаки. Нападут — пожалеют, если успеют.

Наутро он сытно позавтракал и отошел за ближайший куст облегчиться, а когда вернулся, Малантус ему сказал:

— Учитель, вас Кхейл спрашивал, и сказал, что будет ждать вон там, на вершине скалы. Разговор у него есть.

Норлаш отыскал Кхейла на скале, с которой отлично видна дорога в обе стороны. Разумеется, ни спереди, ни сзади — никого. И вокруг — никого, только монументальная фигура гиганта застыла в позе полководца, осматривающего местность.

— Я здесь, о великий, — сказал он, подойдя и становясь рядом, — о чем ты желаешь мне поведать?

Кхейл несколько секунд молчал, а потом ответил:

— О том, что тут наши пути расходятся.

— Как — расходятся? — оторопел чернокнижник, — куда расходятся? А как же план?!

И в этот момент громадная ручища в латной перчатке схватила его за одежду на спине и подняла в воздух.

— Мне надо идти вперед, выполнять этот самый план, а тебе туда, — указал Кхейл на обрыв, над которым стоял.

— Что?! Как?! Почему?! — возопил, раскачиваясь в воздухе, Норлаш.

— План изменился, вот почему. Хотя на самом деле я тебя обманул, чернокнижник. План, правда, изменился только недавно, но обмануть тебя я собирался с самого начала.

— Но почему?!

— Потому что ты мерзость. Ты жестокая, злобная, циничная и кровожадная тварь, место которой — именно там, откуда я тебя.

Несмотря на плачевность положения, в душе Норлаша вспыхнуло возмущение.

— Это я-то злобная кровожадная тварь?! И мне это говорит демон, убивший за считанные дни в сотни раз больше, чем я за всю жизнь?!

И тут на лице Кхейла впервые проявилась... тоска?!

— Да, я ничуть не лучше тебя, это правда. Но я ненавижу себя за все, что сделал и что мне еще предстоит сделать. И сейчас частично искуплю свою вину, избавив этот мир от такой мерзости, как ты.

Одно движение руки — и под Норлашом пропасть.

— А как же портал?! — крикнул он в ужасе.

— Портал я открою без тебя. Я выучил заклинание, заставляя тебя разучивать его вслух, и ты мне больше не нужен.

Пальцы разжались, Норлаш устремился к камням вниз. Он попытался прочитать заклинание левитации, но это ему не помогло: левитация никогда не была его коньком.

Чернокнижник еще успел подумать, что предсказание княгини эльфов сбылось как-то очень уж быстро, и это была его последняя мысль.

Это был воистину бег наперегонки со временем. Совет светлейших, возглавляемый Лорринойеном, развил бурную деятельность, рассылая гонцов и ведя переговоры, и Торубаэль только поражался хитрости и проницательности старого мага.

Конечно же, что будет, если напрямую попросить людских королей о помощи? Да ничего. У вас, заносчивых светлых эльфов, беда? Украли ваш могучий артефакт и княгиню вместе с ним? Вы обречены на вымирание без вашей колдовской защиты? Так и вымирайте уже наконец, с чего бы нам помогать вам вернуть себе защиту от нас же? Вот примерно таким был бы ход любого человеческого правителя, и желание раз и навсегда избавиться от былых хозяев этих земель у очень многих возобладало бы над стратегическим пониманием того, что если высшие эльфы завтра падут, то послезавтра настанет черед самих людей. А если Лорринойен прав и сила Обитатели нужна для открытия портала... то скоро падут все подряд.

Потому Совет во главе с Лорринойеном-Полукровкой играл хитрее. Гонцы и магические послания летели к лесным сородичам, а те уже в свою очередь шли к королям людей с предупреждением: готовься пасть, король, ибо скоро придет сила, против которой вы, люди, бессильны... без нас.

Результаты этих политических игр внезапно оказались весьма многообещающими. Некоторые короли, устранившись того, что случилось в Зоданге и Ламедии, уже предприняли кое-какие меры. В результате Кадория и Талсидония образовали ядро шаткого альянса и уже вели переговоры с другими государствами. Потому пришедшие со стороны Вечного Леса предостережения упали на подготовленную почву. Клейдан, король Далмады, получил с одной стороны ультиматум короля Талсидонии, а с другой — предупреждение эльфов, и был слишком подавлен событиями в собственной столице, чтобы сопротивляться. Вскоре к этому триумvirату, напуганные предупреждениями эльфов, примкнули короли Зоданги и Валинора, прислав часть своих армий.

Таким образом, людям удалось собрать довольно многочисленное войско. И хотя Валинор прислал пару откровенно никудышных полков, да и другие короли решили лучшие свои отряды придержать, были в составе и полки получше, в том числе несколько рыцарских эскадронов и целый полк, укомплектованный исключительно рыцарями-добровольцами, жаждущими прославиться в «великом походе против демонов». Последний представлял из себя весьма разношерстную компанию, не только по языкам, но и по вооружению, но был достаточно многочисленным.

Торубаэль всегда придерживался крайне низкого мнения о воинских качествах людишек, но рыцарей порою уважал. Далеко не всегда превосходящая по выучке и мастерству регулярные подразделения, рыцарская братия зачастую была много лучше вооружена и, в отличие от служащих за паек и жалование солдат, нередко обладала гораздо лучшей мотивацией. Желание попасть в песни и легенды или просто стать героем, увенчать свое имя славой, выслужиться перед своим или любым другим королем — это, конечно, глупости, но именно из-за этих глупостей рыцарские подразделения частенько продолжали сражаться, когда регулярные войска уже бросались наутек.

Самым важным, по мнению Торубаэля, было то, что эта армия, числом примерно тысяч в шестьдесят, в значительной мере контролировалась лесными эльфами. Командовали, ясное

дело, людские графья да генералы, но примкнувшие к некоторым войскам лесные эльфы входили в состав советников Талсидонии и Кадории, да и другие короли, оказавшись перед лицом невиданной опасности, тоже обратились за помощью, советом и мудростью к эльфам. А это значит, что Эйтэлл Тайон сможет в определенной мере управлять всем этим человеческим сбродом через своих лесных сородичей.

Дополняли и усиливали войско примерно тридцать людских магов и около тысячи лесных эльфов из нескольких лесов, включая несколько десятков светлейших.

Сам же Торубаэль собрал под своим началом около пяти тысяч воинов и магов, то есть все, что было, а в резерве на крайний случай — еще порядка двадцати тысяч мужчин и женщин, юношей и девушек, способных хоть как-то владеть хоть каким-то оружием или магией. По сути, весь цвет древнего народа. Этот резерв Торубаэль оставил в Вечном Лесу: на самом деле, он не намерен вводить его в бой. Ведь если все повернется настолько плохо, что каратели, Стражи и маги из основного войска погибнут — дальнейшая борьба смысла иметь уже не будет: раса, некогда правившая землями от степей до западного моря, канет в лету хоть так, хоть так.

Они — несколько светлейших во главе с Лорринайненом и Торубаэль с парой верных соратников — стояли на холме и обозревали нескончаемый поток людских войск.

— У нас есть какой-то план действий на случай, если просто обрушиться всем скопом на врага окажется недостаточно или если поход затянется дольше, чем на несколько дней? — спросил один из воинов.

— Нет, — покачал головой Торубаэль, — в обоих случаях нам уже не понадобится никакой план. Все решится до того момента, как завершится прямостояние небесных сфер. Если мы потерпим неудачу — на этом наша история закончится. А если не дадим врагу открыть портал — будем жить.

— Ты забыл добавить «может быть», — мрачно сказал Лорринайнэн.

— Может быть?

— Именно. Победить пришлых недостаточно: надо еще и Обитель вернуть, сделав это раньше людей, и сразу после этого сокрушить их.

— Но они наши союзники, по крайней мере сейчас! — возразил кто-то сзади.

— Конечно, — кивнул Лорринайнэн, — сейчас да. Как только враг будет побежден — люди захотят избавиться от нас раз и навсегда, воспользовавшись тем, что лучшие из нас — здесь и все вместе, и людишек намного больше. Даже если этого не произойдет — люди попытаются наложить свои лапы на Обитель, что для нас неприемлемо и смерти подобно... Люди союзники, пока у нас есть более опасный общий враг. Стоит врагу пасть — и они перестанут быть нашими союзниками в тот же миг. Я знаю, что говорю немислимые вещи — но тут уж вопрос ребром стоит. Мы их или они нас.

Торубаэль медленно повернул голову и посмотрел на Лорринайнэна:

— Это говорит в тебе человечья кровь. Но мы — эльфы. Мы не можем поступать как люди.

— Тогда сдохнем, — отрезал маг, — а так у нас есть шанс нанести людям колоссальный урон и качнуть маятник вечной войны в другую сторону.

— Сдохнем так сдохнем, это меньше из зол... Мы давно могли выиграть эту войну, если б отреклись от наших предков и традиций, но мы — эльфы. Поступим как люди — станем как они. Я предпочитаю умереть эльфом, не посрамив предков, чем жить человеком.

Полукировка невесело хмыкнул.

— Может, ты в чем-то и прав. Но хоть я только наполовину эльф — все равно сделаю все, что от меня зависит, чтобы спасти народ, который считаю своим не наполовину.

Торубаэль покачал головой:

— Не сможешь, вот в чем беда. Спасение от гибели ценой нашего естества — та же погибель. Нарушить традиции предков — все равно что...

— ... дереву оторваться от корней, — кивнул Лоррилайнэн, — знаю. Интересно, а что думает об этом тот предок, который надумил тебя жечь людские поля? Забавно, что предок подсказал тебе способ нарушить традиции предков, ты не находишь?

— Это не нарушение, — возразил Торубаэль, — сжечь поля — это не массовое убийство невинных...

— Это массовое убийство, только не клинком, а голодом. Да, люди уйдут — и многие из них все равно погибнут.

— Даже если и так, голод — не клинок. На моих руках не будет крови тех, на чьих руках нет нашей крови. И поскольку покойный князь поддержал мой план — я прав, а ты нет.

Лоррилайнэн криво улыбнулся.

— По правде, я всегда недоумевал, почему мнение покойного вышестоящего возводится в ранг абсолютной истины. Смерть не делает князя правым — она всего лишь отнимает у меня возможность с ним поспорить...

— Недоумение — оттого, что ты не полностью эльф.

— Может, так оно и есть... Я всегда недоумевал — но принимал и принимаю... Что ж, пусть так. Нам ведь не обязательно устраивать людям кровавую баню собственноручно — достаточно немного изменить план боя, не предупреждая их. Если мы изменим направление нашей атаки и оставим фланг людского войска неприкрытым — чужаки сметут их полк за полком. А мы прорвемся в брешь, которую враг откроет нам, первыми достигнем Обители и княгини — и станем наблюдать, как чужаки крошат людишек. И на наших руках не будет крови тех, на чьих руках нет нашей крови.

Торубаэль чуть помолчал.

— Ну если так — тогда другое дело.

* * *

Келленсилль никогда бы не подумала, что ей когда-нибудь придется утешать человечка, и сама себе удивлялась, что все-таки пришлось. Девочка, которую Трэйкхан Кхейл схватил в ближайшем поселении и приставил к ней в качестве служанки, постоянно тряслась от ужаса, так что княгине поневоле стало жаль это слабое, убогое существо. Правда, девочка-кадорианка не говорила ни на одном языке, кроме родного, а Келленсилль знала всего несколько слов по-кадориански, но ей все же удалось объяснить, что огромные страшные воины — не демоны, и что скоро подспеют телохранители Келленсилль.

Но ученик чернокнижника — такое же злобное существо, как и Норлаш, только не в пример слабее — который караулил пленниц, стоя возле кареты, тоже понял, о чем княгиня толкует своей невольной служанке.

— Сдается мне, что ваши воины, коль на своем поле боя ничего не смогли, то тут и подавно ничего не смогут, — ехидно заметил он.

— Поговори, пока на мне оковы-душехваты, — одарила его ласковой волчьей улыбкой

Келленсилль.

Оба уродца — и ученик, и его учитель — живут только пока княгиня закована в противомогаические кандалы... но это не навсегда, и тогда их будет ждать большой сюрприз...

Но на деле все оказалось иначе: сюрприз ждал и Малантуса, и саму Келленсилль: Трэйкхан Кхейл вернулся без Норлаша.

Стоило его мощной фигуре появиться в поле зрения, как девочка-служанка затряслась в ужасе и прижалась к княгине. Келленсилль обычно брезговала прикасаться к людям, но оттолкнуть девочку не смогла.

Гигант подошел к карете и обратился к Малантусу одним коротким словом:

— Проваливай.

— Эм-м-м... прости, великий, что?

Что-то подсказывало княгине, что сейчас нерадивый чернокнижник превратится в мокрое место, но Кхейл неожиданно оказался терпеливее.

— Ты мне больше не нужен, беги прочь, если жизнь дорога, — медленно чеканя каждое слово, произнес он.

Малантус внезапно посерел, а затем прожогом метнулся куда подальше.

Кхейл крикнул что-то своим воинам, а сам полез в карету, которая закачалась от такого веса.

— А где чернокнижник? — спросила Келленсилль на абсолютном.

— Отпустил, — ответил тот.

Княгиня только чуть приподняла бровь:

— Восвояси или со скалы?

Кхейл не ответил.

Кто-то прикрикнул на кучера — кучера и возницы уже научились понимать простые команды «вперед», «стой» и «туда» — и караван тронулся.

Однако вскоре на холме справа показались крохотные фигурки, в которых Келленсилль распознала людскую кавалерию. Правда, чьи именно всадники — не разобрала, слишком далеко даже для ее острого зрения. Хотя, скорее всего, это кадорианцы.

А кавалеристы, заметив караван, принялись спускаться с холма на равнину и парой минут позже уже неслись наперерез, разворачиваясь в широкую цепь.

Эту местность Келленсилль знала. Впереди узкое ущелье, очень короткое, даже не ущелье, а седло между двумя высокими холмами. И караван явно успеет туда раньше, потому что огромные воины принялись подгонять возниц, а те — животных.

В узком бутылочном горлышке против воинов Кхейла драться, скорее всего, невозможно, и Келленсилль мысленно пожелала всадникам благоразумия не соваться в проход на верную смерть.

Кавалеристам действительно хватило ума понять, что в ущелье их ждет кровавая бойня, они не ломанулись в атаку очертя голову, видно, научились на фатальных ошибках других. И теперь им надо просто подождать, пока караван отъедет на приличное расстояние, а затем снова устремиться в погоню. Ну а настигнув караван на открытой местности, они без труда его остановят, перестреляв из луков лошадей и разогнав возниц: это только воинам Кхейла на стрелы наплевать, у лошадей такой замечательной брони нету.

Однако и Кхейл тоже это понимал. Он выглянул в окно, что-то крикнул воину в соседней повозке. Произошла короткая заминка: еще один воин протянул первому какое-то

большое кольцо, обмотанное не то веревкой, не то цепочкой, а тот отдал второму свой огромный меч, спрыгнул с телеги и решительно пошел обратно, в ущелье.

Караван тронулся дальше.

Келленсилль смотрела через окно вслед остающемуся. Тот не обернулся, не помахал никому рукой. Только проходя мимо последней телеги, обменялся молчаливым касанием кулака к кулаку с воином, сидевшим в ней, и остановился посреди дороги лицом к преследователям.

Больше никто ничего не сказал. Ни оставшийся, ни оставшемуся.

Келленсилль откинулась на спинку сидения и взглянула на Кхейла.

— Ты так легко разбрасываешься жизнями своих солдат? Просто оставляешь его здесь умирать? Он ведь вряд ли задержит погоню надолго.

Великан ничего не ответил, храня непроницаемое выражение лица.

Несколько минут спустя позади прозвучал сигнал горна, послышалось ржание коней: погоня, увидев, что караван покидает удобное для обороны место, оставив позади всего одного воина, ринулась вперед.

И когда Келленсилль мысленно пыталась угадать, сколько секунд потратят кавалеристы на одинокого воина без меча, лошадиное ржание стало отчаянным, к нему присоединились душераздирающие вопли людей. Девчушка-служанка, до того старающаяся не шевелиться в присутствии Кхейла, снова принялась мелко дрожать.

Келленсилль выглянула из окна и увидела, что позади буквально разверзлась огненная преисподняя: языки пламени до небес, и на много шагов в обе стороны от дороги пылала даже не трава, а сама земля. Крики горящих заживо очень быстро смолкли, и снова воцарилась тишина, нарушаемая только скрипом колес, цоканьем конских копыт и сдавленными молитвами испуганных возниц.

И в этой тишине внезапно прозвучал усталый голос Кхейла:

— Я ему завидую... Для него уже все закончилось, а мне еще жить...

* * *

Кархад проделал длинный путь очень быстро, отдыхая ровно столько, сколько требовалось коню, и совершенно не думая о себе, и всего через пять дней доложил генералу Кагэмару, что поступает в его распоряжение.

О том, что Мирдана похищена, он умолчал: зачем генералу знать это? Им предстоит тяжелая битва с нечеловечески сильным врагом, на кону очень многое — на битве и надобно сосредоточиться.

А о том, что Кархад оказался идиотом, марионеткой, которую дергал за невидимые веревочки проклятый дреу, и фактически поспособствовал похищению наследницы престола, генерал Кагэмар и остальные солдаты узнают позже, когда вернутся в Талсидонию и когда самого Кархада уже не будет среди живых.

Ну а мертвые сраму не имут.

В самом деле, что он скажет королю? Сказать-то нечего. В случившемся вина Кархада, и только его, и оправданий тут нет и быть не может. Как и прощения, ведь даже он сам себя простить не может.

Потому Кархад велел своему отряду возвращаться в столицу с печальной вестью, а сам

отправился к месту сбора объединенных сил. К тому времени, как король узнает о том, что его дочь похищена, виновник этой трагедии уже будет где-то на пути к сердцу сражения: Кархад твердо решил живым из битвы не возвращаться.

Пускай его запомнят героем, а не идиотом.

Самым тяжелым было держать свои тоску и печаль под замком, не выдавая генералу и офицерам своего настоящего душевного состояния, дабы они ничего не заподозрили, но с этим он справился.

Кагэмар очень обрадовался неожиданному добровольному пополнению, словно Кархад целый полк привел с собой, а не один приехал, и незамедлительно определил его в один из кавалерийских эскадронов.

— Солдаты неопытные, — сказал генерал, — и командир, юный граф Рэйндэлл, тоже без боевого опыта. Кто-то вроде тебя там очень пригодится.

Расчет оправдался: бойцы воспрянули духом, узнав, что теперь их будет вести герой недавнего похода против ханнайцев, и Рэйндэлл, мальчишка еще моложе самого Кархада, с видимым облегчением уступил ему первенство в подразделении.

Во время похода Кархад узнал примерное положение дел, и это вселило в него определенный оптимизм. Он, разумеется, не недооценивал противника, с легкостью штурмующего любую столицу, но теперь врагов стало меньше, судя по донесениям разведки и сообщениям эльфов, а сила, противостоящая им — больше любой, с которой они раньше встречались. Против объединенного войска нескольких королевств, лесных эльфов и Эйтэлл Тайон им не выстоять.

Однако вскоре пришли новые вести от высших эльфов: их сильнейшие маги смогли установить и намерения врага, и сроки, и место. Новость ужасала: в течение не более двух суток противник попытается привести в действие свой план, не сулящий ничего хорошего всему живому.

Двое суток до окончательного ответа на вопрос, жить или умереть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net